

---

pocket**book**

---

rocketbook

ЧАРЛЬЗ БУКОВСКИ

*Записки
старого козла*

МОСКВА
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б90

CHARLES BUKOWSKI
NOTES OF A DIRTY OLD MAN

Copyright © 1969 by Charles Bukowski

Перевод с английского *Юрия Медведько*

Разработка серии *А. Саукова*

Фотография на обложке: Dmitri Kessel /
The LIFE Images Collection / Gettyimages.ru

Буковски, Чарльз.

Б90   Записки старого козла / Чарльз Буковски ; [пер. с
англ. Ю. Медведько]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 320 с.

ISBN 978-5-699-62869-8

Чарльз Буковски — культовый американский писатель, чья европейская популярность всегда обгоняла американскую (в одной Германии прижизненный тираж его книг перевалил за два миллиона), автор более сорока книг, среди которых романы, стихи, эссеистика и рассказы. Несмотря на порою шокирующий натурализм, его тексты полны лиричности, даже своеобразной сентиментальности.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-62869-8

© Медведько Ю., перевод
на русский язык, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Предисловие

Чуть больше года назад Джон Брайн затеял свою андеграундную газетенку «Открытый город». Сначала редакция находилась в маленькой комнатке в небольшом двухэтажном доме, который Джон арендовал. Затем переместилась в апартаменты напротив, после чего оказалась в бизнес-центре на Мелроуз-авеню. И тут тучи стали сгущаться. Чертовски огромные и мрачные тучи. Тираж рос, а вот объем рекламы — нет. Ее переманивала другая газета, «Лос-анджелесская свободная пресса», которая уже выбилась в истеблишмент. Этого врага создал себе сам Брайн, который до того работал на «Прессу» и увеличил ее тираж с 16 000 более чем втрое. Это все равно что сначала мобилизовать Национальную армию, а потом присоединиться к революционерам. Но битва между «Открытым городом» и «Свободной прессой» — это не только борьба за рекламодателя. Если вы читали «Открытый город», то понимаете, о чем я. «Открытый город» встретя с крутыми ребятами, самыми крутыми, вон они валят прямо по осевой, ну и злобные же уроды. Это очень смешно и очень опасно и хорошо работает на «Открытый город», кото-

рый, похоже, является самой живой газетенкой в Штатах. Но смех и опасность не намажешь на хлеб и ими не накормишь свою кошку. Сначала приходится отказаться от бутерброда, а потом сожрать и кошку.

Джон Брайн — один их тех чокнутых идеалистов и романтиков. Он нигде не уживается. Он ушел или его поперли, вернее, он ушел *и* его поперли — да с каким треском — из «Геральд икзэ-минер» после того, как он возмутился, что они заретушировали младенцу Христу его писюльку и яички. Причем на обложке рождественского номера. «И это ведь даже не мой Бог, а их», — говорил мне Джон.

И вот такой идеалист и романтик создал «Открытый город». «Как насчет того, чтобы вести еженедельную колонку?» — небрежно спросил меня как-то Брайн, почесывая свою рыжую бороду. Ну, я присматривался к такой работенке, знакомился с колонками в других изданиях, и сделал вывод, что это сплошная бодяга и смертельная скучища. Но я ввязался, правда, не сразу, для начала нацарапал рецензию на книжку Хочнера «Папа Хемингуэй». А потом как-то, вернувшись с ипподрома, сел за пишущую машинку и отстучал заголовок: ЗАПИСКИ СТАРОГО КОЗЛА. Я открыл баночку пива, и слова потекли сами собой. Не было ни напряжения, ни усердного ковыряния тупым лезвием, как если бы писал, ну, скажем, для «Атлантик мансли». И бездушной журналистской поденщины тоже не было. Сиди себе и барабань по клавишам. Мне показалось это не слишком обременительным.

Просто сиди у окна, попивай пиво — и пусть себе идет, как пошло. Что получится, то и получим. И с Брайном никогда не было проблем. Я приносил ему текст, он проглядывал его по диагонали и говорил: «Хорошо, принято». Через некоторое время он перестал проглядывать текст. Просто брал мою писанину, совал ее на полку и объявлял: «Принято. Как делишки?» Теперь он уже даже не говорит «принято». Я просто вручаю ему материал, и все. Это очень стимулирует мое творчество. Представьте только себе: абсолютная свобода — пиши все, что в голову лезет. Да, я здорово провел это время, и порой это были не только хиханьки да хаханьки, но вот что главное: неделю за неделей я чувствовал, как крепчает мое ремесло. А теперь вот сделал выборку из всех моих колонок за четырнадцать месяцев.

По части действенности колонка уложила поэтическое творчество на обе лопатки. Допустим, приняли у тебя стихи к публикации; можно надеяться, что года через два, если не через пять, они наконец будут напечатаны, а то, с вероятностью пятьдесят на пятьдесят, и вовсе сгинут, или вдруг несколько строчек, слово в слово, появятся в работе другого — очень известного — поэта, и тогда ты понимаешь, что мир несправедлив. Конечно, в этом нет вины самой поэзии. Просто много всяких говнюков пытаются ее публиковать и писать. С «Записками» совсем другое дело! Сидишь с пивком и печатаешь, скажем, в пятницу или в субботу, на крайняк в воскресенье, — а в среду твоя писанина уже разлетается по всему городу. Я получал

письма от людей, которые никогда не читали поэзию — ни мою, ни чью-либо другую, — а «Записки» осилили. А сколько людей ломились ко мне в дверь — толпами, блин, — и втолковывали, как «Записки старого козла» их заводят. Какой-то бродяга пришел и привел с собой цыгана с женой, мы просидели полночи, выпивали и разговаривали, несли чушь всякую. Оператор с междугородней телефонной линии прислала мне денег, чтобы я не так налегал на пиво и нормально питался. Я имел дело с психом, который величал себя королем Артуром и жил на Вайн-стрит в Голливуде. Он хотел помочь мне писать мою колонку. Приходил ко мне и доктор: «Я читал вашу колонку и думаю, что смогу вам помочь. Когда-то я был психиатром». Пришлось послать его подальше. Я надеюсь, что эта подборка поможет вам. Если вознамеритесь отправить мне денег — пожалуйста. Захотите возненавидеть меня — да ради бога. Будь я могучим деревенским кузнецом, вы бы не посмели на меня залупнуться. Но я всего лишь стареющий парень со своими скабрёзными историями, пишущий для газетенки, которая, как и я, может скопытиться завтра утром.

Как все же странно, вы только вдумайтесь: если бы они не заретушировали младенцу Христу писюн с яичками, вы бы никогда не прочитали этого. Так что будьте счастливы.

Чарльз Буковски
1969

Какой-то кретин зажал бабки, все сразу прикидываются, что они на нуле, игра была окончена, я сидел со своим приятелем по кличке Эльф, в детстве Эльфу был конкретный кирдык, он весь съежился, годами валялся на кровати и тискал резиновые мячики, тренировался, а когда наконец поднялся с кровати, то был что в ширину, что в длину, эдакая гора мышц, звероподобный хохотун, метящий в писатели, но выходило у него слишком похоже на Томаса Вулфа, а Т. Вулф (не считая Драйзера) — худший писатель во всей Америке, и я вдарил Эльфу по уху (чем-то он меня взбесил), бутылка слетела со стола, пока Эльф поднимался, бутылка была уже у меня, хороший скотч, я вдарил бутылкой, попал частично по челюсти, частично по шее, Эльф рухнул снова, я чувствовал себя на коне, я штудировал Достоевского, по ночам слушал Малера, глотнув прямо из бутылки, я убрал ее, сделал обманное движение правой и левой припечатал ему в живот, Эльф со всего маху повалился на шкаф, зеркало разбилось, это было как в кино, все вспыхивало, трещало, рушилось, и тут Эльф залепил мне точно в лоб, я грохнулся на стул, тот смял-

ся подо мной, как пучок соломы, дешевая мебель, теперь я был в жопе — у меня слишком короткие руки и нет истинного вкуса к драке, сразу я этого урода не смог вырубить — и вот он надвигался на меня нелепым никудышным мстителем, я отвечал одним своим ударом на пару-тройку его, так себе ударов, но он не успокаивался, и мебель продолжала рушиться, поднялся невероятный грохот, я лишь надеялся, что кто-нибудь остановит этот кошмар — хозяйка гостиницы, полиция, Бог, кто-нибудь, но это продолжалось и продолжалось, что случилось потом — не помню.

когда очнулся, солнце было уже высоко, а я лежал почему-то под кроватью. выбравшись наружу, я понял, что даже могу подняться. подбородок рассечен, костяшки рук разодраны. что ж, похмелье случалось и жутчее, да и места для пробуждения бывают более жуткие. типа тюрьмы? возможно. я осмотрелся, так и есть, вся мебель переломана, все перемазано, залито, разбросано — лампы, стулья, шкаф, кровать, пепельница — кругом спекшаяся кровь, ничего ободряющего, сплошное уродство и упадок. я глотнул воды и заглянул в стенной шкаф, выигрыш был на месте: десятки, двадцатки, пятерки, я сбрасывал их там каждый раз, когда во время игры отлучался поссать, и ведь подумать только, я заварил это месилово из-за ДЕНЕГ. я собрал всю зелень в кошелек, водрузил на перекошенную кровать картонный чемодан и стал собирать свое барахло: рабочие рубашки, задеревеневшие ботинки с дырявыми подошвами, заскорузлые носки, мятые брюки с протертыми штанинами,

рассказ о том, как подхватил мандавошек в сан-францисской опере, и потрепанный толковый словарь — «палингенез — возврат давно утраченных видовых особенностей в период эмбрионального развития организма».

часы были исправны, дружище будильник, храни его бог, сколько раз я таращился на его циферблат в 7.30 похмельного утра и спрашивал себя: нахуй эту работу? НАХУЙ ЭТУ РАБОТУ! короче, будильник показывал 4 вечера. я уже был готов упаковать его в чемодан, когда — ну естественно, почему бы нет — в дверь постучали.

ДА?

МИСТЕР БУКОВСКИ?

ДА-ДА?

МНЕ НУЖНО СМЕНИТЬ ПРОСТЫНИ.

НЕТ, НЕ СЕГОДНЯ. СЕГОДНЯ Я БОЛЕН.

О, ЭТО ОЧЕНЬ ПЛОХО. НО ПОЗВОЛЬТЕ МНЕ ВОЙТИ, Я ПРОСТО СМЕНЮ ПРОСТЫНИ И ТУТ ЖЕ УЙДУ.

НЕ-НЕ, Я ОСНОВАТЕЛЬНО БОЛЕН. Я ПРОСТО НИКАКОЙ. НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ВЫ МЕНЯ ВИДЕЛИ В ТАКОМ СОСТОЯНИИ.

и началось. ей нужно сменить простыни. я говорю, нет. она про простыни. снова и снова. одним словом — домовладелица. но зато какое тело, сплошное тело, каждая ее частичка отчаянно вопила: ТЕЛО ТЕЛО ТЕЛЮ. помнится, я прожил у нее всего 2 недели, а на первом этаже был бар, и вот когда ко мне кто-нибудь приходил, а меня в комнате не оказывалось, то она заявляла гостю: да он в баре там внизу, он все время околачивается в этом

подвале. и они потом мне говорили: «господи ису-се, мужик, что у тебя за ХОЗЯЙКА такая?»»

а она была здоровенной белой бабой, которая якшалась с местными филиппинцами, эти черти вытворяли такое по мужицкой части, что белым и во сне не приснится, даже мне; островитяне фла-нировали в широкополых шляпах а-ля Джордж Рафт и пиджаках с наставными плечами, короче, они были типа местные законодатели мод, парни со стилетами; кожаные штиблеты, сальные раз-вратные рожи — куда же вы подевались?

ну, так или иначе, а выпить было нечего, и я просидел в своей комнате несколько часов кряду, едва не свихнувшись; нервный, пришибленный, с распухшими яйцами, имея на кармане 450 баксов, я не мог купить себе даже дешевого пива. я ждал темноты, темноты — не смерти. я хотел слинять. еще одна попытка, собрав всю волю в кулак, я слег-ка приоткрыл дверь, не снимая цепочки. он был там — маленькая вертлявая обезьяна с молотком, я открыл дверь, он поднял молоток и ухмыльнулся, я закрыл, он вытащил изо рта гвозди и прикинулся, что прибывает ковровую дорожку, идущую вниз по лестнице до первого этажа. не знаю, сколько это продолжалось. одно и то же — я приоткрываю дверь, он поднимает молоток и ухмыляется, сраная обезьяна! он всегда оставался возле моей двери. я начал сходить с ума. маленькие круги вращались, вращались, вращались, и бледные плоскости и вспышки света теснились в моей черепушке. уве-ровав, что окончательно рехнулся, я взял в одну руку свой чемодан — совсем легкий — одно тряпье,

в другую — печатную машинку — стальную, одолжил ее у жены одного приятеля и зажег — более весомые ощущения: невзрачно-серая, плоская, тяжелая, выдававшая виды, тривиальная... и так, цепочка с двери снята, с выпученными шарами, с чемоданом в одной руке, с ворованной машинкой в другой, я ринулся под пулеметный огонь, скорбная утренняя заря, шуршание пшенки, конец света.

ЭЙ! ТЫ КУДА?

мартышка привстала на одно колено, подняла молоток — отблеск электрического света на металле молотка, — и мне хватило этого: в левой у меня чемодан, стальная портативная печатная машинка — в правой, враг в превосходной позиции — ниже моих колен — я размахнулся, вложив максимум точности и чуток ярости, и дал ему плоской, тяжелой и жесткой стороной машинки, со всего маху, прямо по башке, по его черепушке, по виску, по всему его существу.

мне показалось, что на время померк свет и все вокруг зарыдало, затем тишина. вдруг я уже на улице, тротуар, скатился по лестнице, сам того не заметив, и как на удачу — такси.

ТАКСИ!

я внутри.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ.

как здорово шуршат шины в утренней тишине.

НЕТ, ПОДОЖДИ, спохватился я. ДАВАЙ НА АВТОВОКЗАЛ.

А ЧЁ ТАКОЕ, ЧУВАК?

ДА Я ТОЛЬКО ЧТО УБИЛ СВОЕГО ОТЦА.

ТЫ УБИЛ ОТЦА?

ЧЁ, ПЕРВЫЙ РАЗ СЛЫШИШЬ О ТАКОМ?
КОНЕЧНО.

ТОГДА ГОНИ: АВТОВОКЗАЛ.

я просидел на вокзале целый час, ожидая автобус на Нью-Орлеан, и все гадал, убил я того парня или нет. наконец загрузился со всем скарбом, машинку запихнул в самую глубь на верхней полке, не хотелось, чтобы эта штуковина свалилась мне на голову, поездка вышла долгой, много выпивки и небольшое увлечение рыжеволосой из Фотр-Уорта. я выгрузился вместе с ней в этом самом Форт-Уорте, но рыжая жила с матерью, и мне пришлось искать комнату, по ошибке я снял угол в публичном доме, и всю ночь слушал женские вопли типа: «ЭТУ штуку в МЕНЯ? да НИ ЗА КАКИЕ деньги!», звуки спускаемого унитаза и хлопанье дверями.

а рыжеволосая, она была прекрасное невинное дитя, похоже, берегла себя для более достойного мужика, короче, я покинул город, так и не забравшись ей в трусики. наконец я оказался в Нью-Орлеане.

а вы помните Эльфа? парня, с которым я дрался. ну так он погиб во время войны под пулевым огнем. я слышал, он долго мучился, недели три-четыре, перед тем как испустить дух, и вот странная вещь, он как-то сказал мне, нет, вернее, спросил:

— прикинь, какой-нибудь мудака прижмет гашетку пальцем и располосует меня пополам?

— ну так ты сам в этом виноват.

— конечно, ты-то вот не собираешься умирать ни под чьими пулеметами.

— это уж как пить дать, дружище, кроме как под дулом Дядюшки Сэма.

— кончай ты мне эту туфту гнать! я же знаю, что ты любишь свою страну. по глазам вижу! любишь, по-настоящему любишь!

и тогда я его ударил первый раз.

что было потом, вы уже знаете из этого рассказа.

в Новом Орлеане я внимательно подошел к съему жилья, чтобы снова не оказаться в публичном доме, хотя весь город смахивал на большой бордель.

мы сидели в конторе после очередной игры, которую просрали со счетом 1:7. сезон перевалил на вторую половину, а мы тащились в хвосте, отставая на 25 игр от первого места. я осознавал, что это мой последний сезон в качестве менеджера «Синих». старик Хендерсон достал из ящика стола пинту, отхлебнул и подтолкнул бутылку ко мне.

— до кучи, две недели назад я подхватил мандавошек, — сообщил Хендерсон.

— черт, мои соболезнования, босс.

— недолго мне осталось, боссом-то.

— понимаю, босс, но ведь ни один из менеджеров не сможет сдвинуть этих пропойц с последнего места, — сказал я и одним глотком опростал треть пинты.

— и что хуже всего, я думаю, что подхватил этих мандавошек от своей собственной жены.

я не знал, что мне делать, смеяться или плакать, поэтому промолчал.

раздался очень робкий стук в дверь, затем она отворилась, и мы увидели на пороге какого-то чудилу с бумажными крыльями, прикрепленными к спине. парнишке было лет восемнадцать.

— я хочу помочь клубу, — сказал он.

за его спиной болтались здоровые бумажные крылья. реальный кретин. на спине пиджака прорезаны дырки. черт, а эти крылья то ли приклеены, то ли примотаны, то ли еще чего.

— послушай, — сказал Хендерсон, — будь так добр, съеби отсюда нахуй! нам сегодня хватило комедии на поле, просто со смеху все подышали, так что пиздуй отсюда без оглядки, сынок!

чудак подошел к столу, глотнул из нашей бутылки и сказал:

— мистер Хендерсон, я ответ на ваши молитвы.

— сынок, — продолжил босс, — ты еще слишком мал, чтобы хлестать такое пойло.

— я старше, чем выгляжу.

— сейчас ты еще повзрослеешь! — пообещал Хендерсон и нажал на кнопку под столом.

а это означало, что через мгновение в офисе появится Буйвол Кронкайт. я не буду утверждать, что Кронкайт убивал направо и налево, нет, я вообще не уверен, что он убил кого-нибудь, но знаю точно, что вам крупно повезет, если вы еще сможете курить через резиновую жопу после того, как он вас обслужит. Буйвол ввалился в офис, чуть было не сорвав дверь с петель.

— который, босс? — промычал он, шевеля своими огромными пальцами и оглядывая комнату.

— вот этот гопник с бумажными крыльями.

Буйвол двинулся на парнишку.

— не трогай меня, — пропищал гопник с бумажными крыльями.

Кронкайт кинулся на него — и вдруг, спаси меня господи, этот гопник... взлетел! он порхал по комнате под самым потолком. я потянулся к бутылке, но старый хрыч Хендерсон опередил меня. Буйвол рухнул на колени и заголосил:

— Господь наш, царствующий на небесах, сжался надо мной! ангел! ангел!

— не будь ослом! — ответил ему ангел, кружа по комнате. — никакой я не ангел, просто я хочу помочь вашей команде. я болел за нее сколько себя помню.

— ладно, приземляйся, давай все обсудим, — сказал Хендерсон.

ангел, или черт знает, кто он там был, опустился на стул. Буйвол подполз к его ногам, стянул с них башмаки с носками и стал целовать грязные лодыжки. Хендерсон наклонился к своему телохранителю и с крайним отвращением на физиономии прошипел, брызгая слюной:

— пошел нахуй, уебище недоразвитое! чего я ненавижу, так это сопливую сентиментальность!

Буйвол утерся и быстренько свалил. Хендерсон стал шарить по ящикам своего стола.

— блядь, где-то у меня тут контракт был... — проворчал он.

по ходу поиска контракта обнаружилась еще

одна пинта виски. Хендерсон сорвал с горлышка целлофан и посмотрел на парнишку:

— скажи-ка, а бить-то ты умеешь? крученный? наружу? вовнутрь? скользящий?

— а черт его знает, чего я умею, — ответил крылатый чудик. — мне приходилось скрываться. я только читал газеты и смотрел телевизор, но я всегда болел за «Синих», и было чертовски обидно за нынешний сезон.

— ты скрывался? где? знаешь, человеку с крыльями трудно спрятаться даже в Бронксе! в чем твоя фишка? как ты это вытворяешь?

— мистер Хендерсон, мне бы не хотелось забивать вам голову техническими деталями.

— кстати, как твое имя, сынок?

— Ирус. Ирус Хриспин. И. Х. — сокращенно.

— эй, сынок, ты что, еб твою мать, прикалываешься надо мной?

— нет, что вы, мистер Хендерсон.

— ну, тогда держи пять.

они пожали друг другу руки.

— блядь, у тебя руки как ледышки! ты ел чего-нибудь последнее время?

— немного жареной картошки с цыпленком и пиво. часа в четыре.

— выпей, сынок.

Хендерсон повернулся ко мне:

— Бейли?

— ну?

— обеспечить, чтобы вся эта пиздобратия под названием бейсбольная команда собралась завтра на поле в десять утра, все без исключения. я думаю, что мы

наведем шороху покруче, чем со взрывом ядерной бомбы. а теперь сваливаем отсюда, нам всем надо выспаться. у тебя есть где переночевать, малыш?

— конечно, — отозвался И. Х., взмахнул крыльями, вылетел на лестничную площадку и исчез.

стадион был закрыт наглухо, никого, кроме игроков, и они таращились своими похмельными зенками на парнишку с крыльями и думали, что это какой-то рекламный трюк. или репетиция некой хохмы. команда выползла на поле, нового игрока определили на основную базу, ох, видели бы вы, как округлились припухшие, покрасневшие глаза ребят, когда чудик с крылышками отбил мяч к линии третьей базы, а сам вспорхнул и ПОЛЕТЕЛ к первой! Затем он коснулся земли, и прежде чем игрок третьей базы смог сделать пас, парнишка уже перелетел на вторую базу.

все просто охуели, просто замерли, как осоловевшие бараны на лужайке под утренним солнышком. играть за такую команду, как «Синие», это уже чистое сумасшествие, но сейчас на поле происходило качественно иное безумие.

крылья у парня работали так быстро, что их не было видно, и даже если с утра вы успели принять пару таблеток алказельцера, все равно вам их было не разглядеть. короче, никто и глазом не успел моргнуть, как И. Х. приземлился на основной базе.

вскоре мы выяснили, что парнишка может один справиться на всем внешнем поле, скорость его полета была чудовищной! поэтому мы сняли остальных игроков и перевели их на внутреннее поле, это

дало нам дополнительных двоих шотстоперов и двоих игроков второй базы. и как бы мы ни были плохи, до чего же мы были хороши!

вечером должна была состояться наша первая игра в чемпионате с Ирусом Хриспином на внешнем поле.

первое, что я сделал после тренировки, это позвонил Багси Мэлоуну.

— Багси, какие там ставки против того, что «Синие» возьмут кубок?

— доска пустая, ни один кретин не поставит на «Синих», даже если будет десять тысяч к одному.

— а сколько ты поставишь?

— ты это серьезно?

— да.

— двести пятьдесят к одному. хочешь поставить доллар, так?

— косарь.

— тысячу?! подожди минутку! слушай, я перезвоню тебе через пару часиков.

телефон зазвонил через один час сорок пять минут.

— хорошо, я принимаю твою ставку. всегда найдется, куда пристроить тысячу баксов.

— спасибо, Багси.

— всегда пожалуйста.

и вот первая игра в новом составе, я никогда ее не забуду. поначалу все решили, что мы подпустили небольшую хохму, чтобы завести толпу, но когда Ирус Хриспин взмыл над полем и, перемахнув

через левого защитника в центре поля, опустился на пустую базу, вот тогда игра началась! я глянул на ложу, в которой сидел Багси. когда И. Х. взлетел, у него изо рта вывалилась пятидолларовая сигара. но в правилах ничего не сказано насчет того, что человек с крыльями не может играть в бейсбол, так что мы всех их держали за яйца, мертвой хваткой. первую игру мы взяли без напряга. Хриспин сделал четыре прямых прохода. наши соперники так и не смогли справиться с нами на внутреннем поле, а уж на внешнем и подавно.

с каждой игрой зрителей становилось все больше и больше. с них было довольно поглазеть на летающего человека, а тут еще такая интрига — до первого места нам было 25 игр, времени оставалось совсем мало, толпа валила без удержу, народ обожает смотреть, как поднимаются из нокаута, а «Синие» все набирали и набирали очки. да, чудесное было время.

налетели журналисты — «Лайф», «Тайм», «Лук», — все они хотели интервьюировать Ируса, но он ничего им не сказал. «я просто хочу, чтобы “Синие” взяли кубок», — был его ответ на все их вопросы.

но наша победа по-прежнему оставалась трудной задачей, даже математически, и, как бывает в книжках, все должна была решить финальная игра сезона, игра за первое место, победитель получит все. итак — мы или «Бенгалия».

мы не отдали ни одной игры, с тех пор как к нам присоединился Ирус, и я уже ощущал близость 250 косарей. какой я все же хороший менеджер!

перед последней игрой мы были в нашем офисе — старик Хендерсон и я. на лестнице послышался шум, дверь распахнулась, и ввалился И. Х. — пьяный и без крыльев. вместо крыльев только обрубки.

— они отпилили мои гребаные крылья, эти поганые крысы! они подослали ко мне в отель женщину... ох, что это была за женщина! какое тело! они что-то подмешали мне в выпивку! и как только я дорвался до ее шикарной пизды, они навалились и стали отпиливать мне крылья! я не мог пошевелиться! не мог даже яйца подобрать! просто ФАРС! а этот сукин сын с сигарой в зубах все улыбался и хихикал!.. ох господи, какая дивная женщина, я просто не смог удержаться... ох блядь...

— эх, парень, ты не первый, кто погорел из-за бабы. кровь не идет? — спросил Хендерсон.

— нет, это же просто кость, но я уничтожен, я подвел вас, я подвел команду, как я себя ужасно чувствую, ужасно, ужасно...

он чувствует себя ужасно? блядь, плакали мои 250 штук.

я добил остатки виски. И. Х. был слишком пьян, чтобы выходить на поле, с крыльями или без. Хендерсон просто уронил голову на стол и заплакал. я пошарил в нижнем ящике стола босса, достал его «люгер», сунул пушку в карман пиджака, покинул офис и спустился в гостевую ложу. я занял место прямо за ложей, где расположился Багси Мэлоун с восхитительной женщиной. это была личная хендерсоновская ложа, но босс напивался вусмерть вместе с погибшим ангелом, и ему ложа была уже

без надобности. а команде больше не нужен был я. позвонив в даг-аут, я сказал, чтобы командовал наш центровой отбивающий или кто-нибудь другой.

— привет, Багси!

мы были на своем поле, так что «бенгальцы» выставили своего отбивающего.

— а где твой центральный игрок? что-то я его не вижу, — отозвался Багси, раскуривая очередную пятидолларовую сигару.

— наш центральный игрок отправился назад на небеса с помощью твоей «сирс-робаковской» ножовки за три с полтиной.

Багси рассмеялся и ответил:

— такие парни, как я, могут насрать мулу в глаза, а выйдет мятный джулеп, вот поэтому я там, где я есть.

— а кто эта прекрасная дама с тобой? — поинтересовался я.

— о, это Елена. Елена, это Тим Бейли — наихудший менеджер в бейсболе.

Елена скрестила свои нейлоновые прелести под названием ноги, и я простил Хриспину все.

— приятно познакомиться, мистер Бейли.

— да уж конечно.

игра началась, все вернулось на круги своя — на седьмой подаче счет был 10:0. Багси был сам не свой от счастья, лапал Еленины ножки, терся о нее, весь мир был у него в кармане. он повернулся ко мне и протянул пятибаксовую сигару. я закурил.

— а что, этот парень и вправду был ангелом? — спросил Багси, не скрывая ухмылки.

— он просил называть его попросту И. Х., больше ничего не могу сказать.

— похоже, человек побеждает Бога всякий раз, как они схлестнутся.

— не знаю, но, по-моему, отрезать человеку крылья — это все равно что отхватить ему член.

— возможно, и так, но, как я разумею, сила заставляет мир двигаться.

— а смерть заставляет его остановиться, так, что ли?

с этими словами я достал «люгер» и приставил дуло к затылку Багси.

— черт возьми, Бейли! держи себя в руках! я отдам тебе половину всего, что имею! ну хочешь, возьми все — эту девку, бизнес, все — только убери пистолет!

— если ты считаешь, что убийство — это сила, так отдавай ее!

я спустил курок. кошмар. «люгер». бледно-желтые осколки черепа, ошметки мозга и кровяная похляпушка — на мне, на нейлоновых ляжках, на плаще...

игра была приостановлена на час, пока нас не увезли со стадиона — мертвого Багси, его бьющуюся в истерике женщину и меня.

Бог над Человеком. Человек выше Бога. мать варила земляничное варенье, в то время как меня от всего просто воротило с души.

а на следующий день, уже в камере, я получил от надзирателя газету:

«СИНИЕ» ВЫРВАЛИ ПОБЕДУ В ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПОДАЧАХ СО СЧЕТОМ 12:11!

я подошел к окошку в камере, скомкал газету и стал пропихивать ее сквозь решетку, а когда наконец я вытолкнул комок наружу и он полетел с восьмого этажа и расправился, мне померещилось, что это крылья. да хуйня все это, обыкновенный комок бумаги, шлепнулся с восьмого этажа в море, в бело-синие волны, до которых мне не дотянуться... Бог надирал Человека всегда и постоянно, Бог — он же присутствует везде, и в ебаном «люегере», и в живописи Клее, и вот теперь те нейлоновые ляжки трутся вокруг другого кретина. Багси Мэлун проиграл мне 250 штук и теперь не мог расплатиться. И. Х. с крыльями, И. Х. без крыльев, И. Х. на кресте — какая разница! я был все еще жив и поэтому отошел от окна, спустил штаны, уселся на тюремный толчок без стульчака и капитально поднатужился. на тюремном толчке сидел и срал экс-менеджер высшей лиги и экс-человек. вдруг сквозь решетку ворвался легкий ветерок и так же мгновенно ускользнул.

там было невыносимо жарко. я добрел до рояля и стал бренчать. играть я не умею, просто тренькал по клавишам. кто-то пустился в пляс прямо на кушетке. мои ноги на что-то наткнулись. я заглянул под рояль и обнаружил там девицу. она развалилась на полу, юбка соблазнительно задралась. продолжая играть одной рукой, свободную я запустил ей между ног, но то ли от плохой музыки, то ли от моего пальца девица проснулась и выбралась из-под рояля, танец на кушетке тоже прервался. тогда я перебрался на кушетку и вздремнул пятнадцать

минут. я не спал две ночи и два дня. и еще было жарко, невыносимо жарко. проснувшись, я стал блевать в кофейную чашку; когда она наполнилась, я продолжил на кушетку, кто-то приволок кастрюлю. вовремя.

я воспользовался кастрюлей. короче, все было отвратно.

поднявшись с кушетки, я направился в ванную. там оказались двое голых парней, один намыливал другому яйца кисточкой и сбрасывал волосню.

— эй, ребята, мне бы надо просрать, — сказал я.

— валяй, — откликнулся тот, кому брили яйца, — мы не будем тебе мешать.

я вошел и уселся на толчок.

— я слышал, Симпсона уволили из «Клуба-восемьдесят шесть», — сказал парень с кисточкой и бритвой в руках.

— Кей-Пи-эФ-Кей, — ответил его приятель, — они увольняют больше народу, чем «Дуглас Эрк-рафт», «Сирс Робак» и «Трифти Драгз», вместе взятые. одно неверное слово, одно высказывание, не укладывающееся в их концепцию гуманизма, политики, искусства и тэ дэ и тэ пэ, — и ты вне игры. только одному парню на Кей-Пи-эФ-Кей это не грозит — Элиоту Минцу. он как тот игрушечный аккордеон — не важно, на какие клавиши жать, звук все равно будет один и тот же.

— ну, давай, — сказал парень с помазком и бритвой.

— что давать?

— помни свою елду, чтобы она встала.

я с плеском отложил здоровенную говеху.

— Господи Иисусе! — воскликнул парень с помазком, правда, он уже бросил его в раковину.

— при чем тут Иисус? — осведомился второй.

— да у тебя залупа с кулак!

— это у меня после аварии, так и осталось.

— хотел бы я попасть в такую аварию, я разродился еще одной говехой.

— ладно, продолжим, — сказал тот, что орудовал бритвой.

— что теперь?

— теперь выгни спину и просунь хозяйство между ляжек.

— вот так, что ли?

— ага.

— и что?

— приспусти живот, ниже. сожми покрепче ноги... вот так, отлично! видишь? теперь тебе никогда не потребуется никакая баба!

— ой, Гарри, да разве это похоже на настоящую дыру! что ты мне втюхиваешь? это же говно собачье!

— да надо просто потренироваться! вот увидишь! все получится!

я подтерся, спустил воду и вышел.

добравшись до холодильника, я полез за пивом, взял две банки, открыл обе сразу и приложился к первой. судя по всему, я был где-то в Северном Голливуде. освежившись, я уселся напротив парня с двухфутовой бородищей, на его косматой башке красовался красный жестяной шлем. этот чудила бесился две ночи, но теперь весь спид кончился,

и он стал тормозить, правда, еще не отключился окончательно, просто торчал печальный и безучастный, наверно, надеялся долбануться косячком, но никто не проявлял никакой активности.

— Биг-Джек, — поприветствовал я парня.

— Буковски, ты должен мне сорок баксов, — промычал Джек.

— послушай, Джек, сдается мне, что прошлой ночью я вернул тебе двадцать баксов. да, я определенно помню эту двадцатку.

— помнишь? да прошлой ночью ты не помнил, что ты Буковски! ты был пьян, поэтому ничего помнить не можешь!

Биг-Джек терпеть не мог алкашей. рядом сидела его подружка Мэгги, она ввязалась в разговор:

— ты давал ему двадцатку, все правильно, но ты просто хотел еще выжрать. мы пошли и купили тебе пойла, а сдачу вернули.

— ладно, согласен. но где мы вообще? в Северном Голливуде?

— нет, в Пасадине.

— в Пасадине? да ладно вам.

я все наблюдал за огромной занавеской. туда заходили люди, иногда они минут через десять — пятнадцать выходили обратно, иногда пропадали с концами. этот бардак длился уже двое суток. я добил второе пиво, поднялся, отодвинул занавеску и вошел — там была темнотища, воняло дурью и еблей. когда мои глаза свыклись с темнотой, я разглядел клубок человеческих тел, в основном парни, они лизали, сосали и ебли друг дружку. это не для меня. я бабник. к тому же воняло, как в мужской

раздевалке физзала после того, как все сделают по паре подходов к брусьям. спермой тоже воняло. я чуть снова не начал блевать, тут ко мне подвалил какой-то светлый ниггер.

— эй, да ты Чарльз Буковски, верно?

— м-гу, — промычал я.

— ух ты! офигеть! я читал «Распятие в руке смерти»! по-моему, ты величайший поэт со времен Верлена!

— Верлена?

— именно Верлена!

тут он придвинулся и заграбастал мои яйца. я отвел его руку.

— в чем дело? — удивился ниггер.

— не сегодня, малыш, я ищу своего друга.

— о, извини... — и отвалил.

я еще раз оглядел этот бордель и уже собирался слинять, как вдруг заметил в дальнем углу бабенку. ноги ее были раскинуты, но, похоже, она пребывала в полном отрубе. я подгреб поближе и присмотрелся повнимательней. спустил штаны. приспустил трусы. бабенка выглядела что надо. я пристроился и вдул ей. вдул по самые яйца.

— о-о-ох, — простонала подо мной она. — здорово! у тебя такой выгнутый! прямо как багор!

— последствия аварии. это было еще в детстве, свалился с трехколесного велика.

— у-у-ух...

я уже был недалеко от финиша, как вдруг что-то твердое и горячее вонзилось мне между ягодиц. у меня искры из глаз посыпались.

— эй, какого черта! — завопил я, вскакивая и отбиваясь.

в моей руке оказался огромный хуина.

— чего это ты удумал, приятель? — спросил я его владельца.

— слушай, друг, это такая игра, как в подкидного, — пояснил парнишка. — если сел играть — принимай ту карту, которая тебе выпадет из колоды.

я натянул трусы, затем брюки и удалился.

Биг-Джек и Мэгги исчезли, пара придурков распластались прямо на полу. я отыскал еще пива, прикончил его и вывалился наружу. солнечный свет ошарашил меня, как красная мигалка патрульной машины. я отыскал свою развалюху на чужой подъездной дорожке с прищипленным парковочным талоном. но вырулить можно было, место оставалось. народ тут борзый, но не беспредельщики, за что и люблю.

притормозив на заправке, я узнал у мужика, как мне вырулить на шоссе. я катил домой, обливаясь потом и кусая губы, чтобы не заснуть. вот наконец дома. в почтовом ящике письмо из Аризоны — от бывшей жены.

«...я знаю, ты бываешь одинок и подавлен. сходил бы тогда в “Бридж”. думаю, тебе понравится тамошний народ. во всяком случае, некоторые. или сходи на поэтические чтения в унитарной церкви...»

я пустил воду в ванну — горячую. разделся, оты-

скал пивка, ополовинил, поставил банку на край ванны и погрузился в воду, взял мыло, мочалку и принялся намыливать сначала ствол, потом яйца.

я встретился с Нилом К., дружкой Керуака, перед самым его отъездом в последнее мексиканское турне за смертью. глаза у него были навывкате, головой он залез чуть ли не в самый динамик. он трясся, подпрыгивал в своей белой футболке, пучил глаза еще сильнее, подпевая клокотавшей музыке, словно кукушка. опережая ритм на какую-то долю такта, он будто командовал парадом. я сидел, потягивая пиво, и наблюдал за ним. у меня с собой было полдюжины или даже дюжина пива. Брайн суетился, давая указания двум юнцам, чтобы они запустили пленку с каким-то фильмом. так он рассчитывал прикрыть провальное выступление поэта из Фриско, черт, забыл его имя... ну, в общем, никто не замечал Нила К. а Нилу К. было наплевать на это. или он так здорово прикидывался. когда два юнца отчалили, а песня в колонках стихла, Брайн представил меня неподражаемому Нилу К.

— угощайся, — кивнул я на упаковку с пивом.

Нил выдернул бутылку, подкинул ее, поймал, смахнул пробку и осушил 0,5 л в два глотка.

— бери еще.

— обязательно.

— а я считал себя чемпионом по пиву.

— я шепутной пацан. кстати, читал твои вещи.

— а я твои. про то, как голый парень выпрыгнул в окно из ванной комнаты и спрятался в кустах, — отличная штука.

— о да. — он снова приложился к пиву.

Нил не садился, он постоянно двигался, эдакий сгусток энергии, вечный огонь и при всем при этом ни грамма агрессии. он не мог не нравиться, хотя Керуак здорово его подставил, а Нил, конечно, подставился и продолжал подставляться. но сразу было видно, что Нил нормальный пацан, а, с другой стороны, Джек ведь просто написал книгу, это не он создал Нила. скорее уж погубил, вольно или невольно.

Нил танцевал по комнате на подошвах вечного кайфа, его лицо выглядело старым, больным, зато тело — это было тело восемнадцатилетнего.

— не хочешь с ним помериться, Буковски? — поинтересовался Брайн.

— ага, давай помашемся, мужик? — затанцевал вокруг меня Нил.

и снова никакой агрессии — просто игра.

— нет, увольте. мне уже сорок восемь стукнет в августе. я свое отвоевал.

я бы с ним не справился.

— когда ты последний раз виделся с Керуаком? — спросил я.

по-моему, он сказал, то ли в 1962-м, то ли в 1963-м, короче, давно.

так мы выдули все пиво, я за Нилом едва поспевал. и только собрался отчалить за добавкой, как Брайн взял и освободился и они с Нилом собрались поужинать. заодно пригласили меня. спьяну я согласился, не предполагая, чем это обернется.

когда мы вышли на улицу, накрапывал дождь. мелкий, с таким на дороге самый пиздец. я еще ничего не понимал, думал, что поведет машину

Брайн, но Нил опередил его и схватился за баранку. Брайн сел рядом с ним, я очутился на заднем сиденье. и вот началась эта гонка по скользким улицам. выскакивая на перекресток, Нил, судя по всему, еще решал, куда ему свернуть — направо или налево, наконец закладывал такой крутой вираж, что мы пролетали мимо припаркованных автомобилей практически по разделительной полосе, если бы он взял хоть на волос правее — на волос, иначе не скажешь, — мы бы точно убились.

после того как машина выравнивалась, я каждый раз произносил нечто нелепое типа: «ебать мой хуй!», Брайн смеялся, а Нил гнал дальше — и опять без ожесточения или воодушевления или сарказма — просто вперед. и я понял: так надо, это его ринг, его ипподром, это было святое и необходимое.

круче всего было у Сансета, мы летели на север к Карлтону. дождь усилился, похерив как видимость, так и сцепление с дорогой. повернув с Сансета, Нил готовился к следующему виражу на полной скорости, просчитать все требовалось за долю секунды, за один взгляд. левый поворот на Карлтон — и мы уже на месте, до дома Брайна оставался один квартал. впереди нас двигалась машина. две шли по встречной. Нил должен был пропустить их, но тогда бы ему пришлось притормозить, влиться в поток — нет, это не для Нила. он пошел на обгон, и я поймал себя на мысли, что мне уже все похую, действительно — до пизды. это все, на что способен мозг в такой ситуации. два автомобиля неслись друг на друга, лоб в лоб, свет фар от встречного уже залил мое заднее сиденье. я так понимаю, в послед-

ний момент водитель встречной машины сбавил газ, и мы проскочили, на волосок. должно быть, на это и рассчитывал Нил. мы проскочили, но это было еще не все. теперь мы шпарили на огромной скорости, а впереди, с бульвара Голливуд, медленно выворачивал другой автомобиль, перекрывая нам левый поворот на Карлтон. я навсегда запомнил цвет этого авто — темно-синее древнее купе, угловатое и твердое, как стальной кирпич на колесах. Нил крутанул баранку влево, мне показалось, что мы сейчас протараним купе прямо по центру. это было очевидно, но каким-то образом траектории движения нашего автомобиля и темно-синего крокодила не пересеклись... мы снова проскочили на волосок. наконец Нил припарковался, и мы выбрались на волю. Джоан подала нам ужин.

Нил слопал все, что ему принесли, и большинство из того, что причиталось мне. на столе было немного вина. нянкой к своим отпрыскам Брайн нанял сверхинтеллигентного молодого гомосека, которого я хватал за задницу, когда он проходил мимо. ему это нравилось. я думаю, он впоследствии связался с какой-нибудь рок-группой или покончил с собой, ну, что-то в этом духе.

мы тогда долго просидели, выпивая и болтая с Нилом. гомик все пытался поговорить о Хемингуэе, как-то приравнять меня к нему, пока я не попросил его заглохнуть, тогда он поднялся наверх проверить малыша Джейсона. а спустя несколько дней после этого вечера мне позвонил Брайн.

— Нил умер, — сказал он.

— блядь, не может быть!

Брайн рассказал мне кое-какие подробности и распрощался.

вот так вот.

все эти путешествия, вся керуаковская писанина, тюрьма — и что? все только для того, чтобы поддохнуть в одиночестве под холодной мексиканской луной? одному? вы понимаете? представили себе эти жалкие ничтожные кактусы? Мексика плохое место не потому, что угнетает, Мексика — это просто плохое место. представили себе этих обитателей пустынь? этих лягушек, рогатых и простых; змей, как мозговые извилины, ползающих, замирающих, выжидающих — безмолвных под немой луной, рептилий и прочих, как они таращатся на бездыханного парня в белой футболке, запорошенного песком.

эх, Нил, он обрел свой путь, безобидный шепутной пацан остался лежать под насыпью мексиканской железки.

в тот единственный вечер, когда мы виделись, я сказал ему:

— Керуак написал все твои главы. я уже пишу последнюю.

— валяй, — согласился он. — пиши.

конец.

лето там длиннее, где висят самоубийцы и мухи жрут куличики. он — знаменитый уличный поэт 1950-х и все еще жив. я бросил пустую бутылку в канал, мы в Венеise, Джек окопался здесь на неделю, через несколько дней ему где-то читать. канал выглядит странно, очень странно.

— глубины только-только, чтобы утопиться.

— да, — хрипит Джек киношным голосом крутого парня из Бронкса. — ты прав.

в свои 37 он уже седой. нос крючком, горбится, энергичный, испытый, мужественный, очень мужественный, легкая еврейская улыбка, возможно, он и не еврей. я его не спрашивал.

он знает всех. он обоссал ботинки Барни Россета на одной вечеринке, потому что ему не понравилось, как тот высказывался. Джек знает Гинзберга, Крили, Ламантию и прочих и прочих, и теперь он познакомился с Буковски.

«...да, Буковски навещал меня в Венеции. вся морда в шрамах, плечи опущены, выглядит очень измученным. много не болтает, а когда начинает высказываться, то городит чушь, банальность. ни за что не подумаешь, что он написал все эти книжки стихов, правда, он слишком долго служил на почте, деградировал, там сожрали его душу. чертовски досадно, но вы знаете, как это бывает, но он еще держится, храбрится, ну, вы понимаете...»

Джек знает суть вещей. смешно, но действительно, люди не заслуживают большого внимания. да, я понимаю, все это бессмысленный треп, но знаете, как это смешно слышать, когда сидишь у канала в Венеции и пытаешься спастись от жуткой похмельюги.

он листает книгу с фотографиями поэтов. меня нет в этой книге. я поздно начал и слишком долго жил в одиночестве и хлестал дешевое вино. они-то всегда считали, что отшельничество — это болезнь, наверное, они правы.

он листает книгу. господи, какой маразм — сидеть здесь, изнывая от похмелья над тихими водами канала рядом с Джеком, разглядывающим книгу. я вижу пятна солнечного света, носы, уши на глянцевах страницах. и хотя мне наплевать, но я думаю, что надо бы поговорить о чем-нибудь. я не умею складно болтать, так что ему приходится за двоих, так и сидим, канал переполнен тоской.

— пару лет назад у этого парня съехала крыша... а этот хотел, чтобы я отсосал у него за то, что он издаст мою книгу.

— ты согласился?

— я? да я его так отмудохал! вот этим!

он демонстрирует мне свой бронксовский кулак.

я смеюсь. он приятный малый и живой человечке. каждый мужик боится показаться педиком. я уже устал от этого. может, нам всем следует стать гомиками и расслабиться? многие боятся выступать против гомосеков, многие — против левых. мне насрать, к чему это приведет, я знаю только одно — многие боятся.

Джек не гнилушка. за последнее время я перевидал много интеллектуалов, и меня утомляют изощрения их интеллекта, потому что если только они открыли рот, то должны непременно изречь нечто великое. я устал бороться за каждую пядь пространства для разума, поэтому-то я сторонился людей так долго, и сейчас, окунувшись в людскую массу, понимаю, что должен вернуться в свою пещеру. есть другие вещи помимо разума: есть насекомые, есть пальмы, есть перечницы, и в моей пещере будет перечница, как смешно.

люди всегда предадут вас.

никогда не доверяйте людям.

— всей этой поэтической возней заправляют педики и левые, — проговорил Джек, уставившись в канал.

в его словах есть доля правды, той, о которой и спорить противно. не знаю, что с этим делать. естественно, я в курсе, что в этой игре вокруг поэзии что-то не так, — книги самых знаменитых всегда такая скучотища, включая Шекспира. значит, и тогда творилось то же самое, а?

я решил подбросить Джеку еще какого-нибудь дерьмеца.

— помнишь, был поэтический журнал? не знаю, то ли «Монро», то ли «Шапиро», сейчас это такой отстой, что я его больше не читаю, так по этому поводу вспоминаются строчки Уитмена: «чтобы существовали великие поэты, у них должна быть великая публика». что ж, я всегда считал Уитмена более великим поэтом по сравнению с собой, но сегодня, я думаю, эту строку следует читать наоборот: «чтобы иметь великую публику, нужно иметь великих поэтов».

— да, это так, все правильно, — отозвался Джек. — недавно на какой-то пьянке я повстречался с Крили и спросил его, читал ли он Буковски. он замкнулся наглухо, не хотел отвечать мне, короче, я думаю, ты понимаешь, о чем я толкую.

— ладно, пошли нахуй отсюда, — сказал я.

мы двигаемся к моей машине. да, у меня имеется автомобиль, естественно, ведро с болтами. Джек не расстается со своей книгой, все листает.

— этот хмырь сосет за милую душу.

— серьезно?

— а этот женился на школьной учительнице, она лупит его кнутом, стерва. он с тех пор, как женился, ни строчки не накропал. все, заарканила парня своей пиздой-удавкой.

— это ты про Грегори говоришь или про Керо?

— да нет, это другой.

— ни хуя себе!

мы идем к моей развалюхе, я чувствую себя глуповато, но плюс ощущаю энергию этого человека, ЭНЕРГИЮ, и соображаю, что, возможно, иду рядом с одним из немногих великих поэтов-самоучек нашего времени. Но потом думаю, да и пофиг, по здоровом-то размышлении.

мы загружаемся в авто. развалюха заводится, но коробка передач опять наебнулась. приходится плестись на пониженной всю дорогу, а эта сука глохнет на каждом светофоре, аккумулятор сел, и я молюсь, чтобы кляча снова завелась, чтобы не попались на пути копы, чтобы не заполучить еще один арест за пьяное вождение, чтобы не было больше мессий на каких бы то ни было распятиях. у нас есть выбор — между Никсоном, Хамфри и даже Христом, но куда ни повернем — все равно нас выебут... я сворачиваю налево и бью по тормозам — мы прибыли.

Джек все листает книгу.

— этот парень молодец, убил себя, своего отца, мать и жену... не тронул только троих детей и собаку. лучший поэт со времен Бодлера.

— серьезно?

— серьезно, блядь.

мы выбираемся из машины, я отмахиваю крестное знамение за здоровье батюшки-аккумулятора, чтобы его хватило хотя бы еще на один пуск.

Джек барабанит в дверь:

— эй, Птаха! Птаха! это Джек!

дверь отворяется, и я вижу Птаху. приглядываюсь внимательнее, потом еще внимательнее. я никак не могу разобрать — мужчина это или женщина. лицо — очищенная дурманящая сущность непорочной красоты. да — это мужчина. понимаю по движениям, и еще понимаю, что парень может с легкостью огрести дюлей и нарваться на крайнюю жестокость при каждом появлении на улице. его могут даже убить за то, что он не превратился в мертвеца. я на девять десятых уже труп, но одна десятая во мне еще сохраняет жизнь, как последняя пуля в стволе.

— Птаха, мне нужно двадцать, — говорит Джек.

Птаха отшелушивает ему денег, плавным и бесстрастным движением.

— спасибо, малыш.

— пожалуйста. зайдете?

— можно.

мы входим. садимся. оглядываю книжный шкаф. не вижу ни одной глупой книжонки. все, на что натыкаюсь, меня когда-то восхищало. что за черт? это сон? а рядом прекрасное лицо этого парня, и каждый раз, когда я смотрю на него, мне становится хорошо, так хорошо, как будто после очередного запоя, спустя неделю голодухи перед тобой

появляются горячие бобы с соусом чили, ну, блядь, вечно я на страже.

Птаха. и океан. и сдохший аккумулятор. ведро с болтами. копы, патрулирующие свои дурацкие сухие улицы. что за гнусная война идет? и что за идиотский кошмар, лишь холодное пространство прошмыгнет между нами, всех ждет крах, очень скоро мы превратимся в никчемные, разбитые детские игрушки, в каблучки, что сейчас сбегают по лестнице так весело, а потом разваливаются вдрызг — и нет их, нет, болваны и тупицы, болваны и тупицы, нахуй всю эту нашу напускную храбрость!

перед нами появляется кварта виски. я одним глотком засосал четверть пинты, блядь, я поперхнулся, слезы брызнули градом, идиот, скоро уже полтинник, а я все пытаюсь изображать крутого — вонючий Герой-Блевотина.

приходит жена Птахи. мы знакомимся, она вся такая плавная в коричневом платье, она просто струится вся, струится, а глаза смеются, а она струится, говорю вам, струится...

— УХ ТЫ! УХ ТЫ! УХ ТЫ! — восклицаю.

она так хороша, что я подхватываю ее, обнимаю и кружу, смеясь. никто не считает, что я сбрендил, все просто смеются, все всё понимают. я отпускаю ее, мы снова усаживаемся.

Джек рад, что я не стесняюсь. он взвалил на себя мою душу и утомился, он просто сидит и ухмыляется, он молодец. нечасто в жизни удастся посидеть в комнате с людьми, которые помогут тебе, лишь только ты согласишься на них, послушаешь их. это был именно такой волшебный момент. я по-

нимал это. я раскраснелся и полыхал, как кукурузное рагу с красным перцем. но это не важно.

я взял и засосал еще четверть пинты, от смущения. осознал, что из нас четверых я самый слабый, и я не хотел им навредить, просто решил реализовать их спокойную святость. я любил, как обезумевший пес, который ворвался на площадку, где выгуливают истекающих соком сучек, только здесь мне могли показать и другие чудеса кроме спермы.

Птаха посмотрел на меня и спросил:

— видел мой коллаж?

затем выставил на обозрение какую-то поебень, увешанную женскими сережками, клипсами и всякой такой дрянью.

(кстати... похоже, по ходу повествования я перескакиваю с настоящего времени на прошедшее, и если вам это не нравится... вставьте ниппель себе в мошонку. наборщику — оставь как есть.)

короче, я пускаюсь в долгое, занудное витийство о том, отчего и почему мне не нравится то или это, а также о том, как страдал на занятиях всяким искусством...

Птаха выдергивает из меня затычку.

тогда я говорю, что вся эта муть с «нарезкой», «мозаикой» и «коллажами» всего лишь модная развлекуха, и Птаха усмехается мне. я не раз слышал всякие закулисные разговоры о том, что, пожалуй, единственный наркоман, кто по-настоящему экспериментирует с «нарезкой», это Уильям Берроуз, который владеет компанией Берроузов, он умеет прикидываться крутым, тогда как внутри жирный слабак и говно свинячье. вот что я слышал по боль-

шому секрету. правда ли это? а хрен его знает, в любом случае Берроуз абсолютно душный писака, и если бы не эти литературные шишки, с которыми он якшался, то он бы остался ничем, как и Фолкнер почти нуль для всех, кроме парочки крайних экстремистов с Юга, таких как мистер Коррингтон и мистер Нод — два друга, хуй да подруга.

— парень, — подступили они ко мне, — да ты пьян.

да, я пьян. я пьян. я пьян.

ничего не остается, как только разбушеваться или лечь спать.

они готовят для меня постель.

слишком быстро я пью. они продолжают беседовать. я слышу их беседу, еле-еле.

я засыпаю. засыпаю в окружении друзей, море не поглотит меня, и друзья тоже. они любят мое сонное тело. я мудака, а они любят мое сонное тело. всем бы детям Божьим кончить так.

Господи Боже наш милостивый...

кого ебетдохлый
аккумулятор?

боже сохрани, то был сущий кошмар — эти бляди, словно вырвавшись из самой преисподней, закрутили меня с моим картонным чемоданом возле Таймс-сквер.

в конце концов я выведал у них, как мне попасть в Виллидж, добрался и снял там комнату. откупорив бутылку вина и скинув ботинки, я обнаружил, что в комнате есть мольберт, но я не был живописцем. скорее просто парнем в поисках ма-

ло-мальской удачи. я сидел перед мольбертом, пил вино и смотрел в грязное окно.

вино вышло, я отправился прикупить еще, в коридоре мне на глаза попался парнишка в шелковом халате, берете и сандалиях, на лице — тщедушная борода, он стоял и разговаривал по телефону:

— ах, да-да, дорогуша, я должен тебя увидеть, о да, непременно! иначе вскрою себе вены!.. да!

«надо мне убираться отсюда, — подумал я. — он же не отважится перерезать даже свои шнурки, что за отвратная козявка». такие здесь встречались повсюду, в уютных кафе, ресторанах, скверах. нацепив береты и спецовки, они корчили из себя художников.

я пропьянствовал неделю, квартплата кончилась, и я нашел себе комнату в другом районе, просили за нее, при таком размере и состоянии, слишком дешево, сразу я не просек почему. неподалеку был бар, я просидел в нем весь день, потягивая пиво. деньги были на исходе, и, как обычно, меня ломало искать работу. жизнь в пьянь и впроголодь как-то легче поддавалась моему пониманию. на ночь я прикупил две бутылки портвейна, вернулся в комнату, скинул с себя одежду и в полной темноте забрался на кровать. нашарив стакан, я наполнил его, и тут стало ясно, почему комната обошлась мне так дешево. за окном проходили поезда надземки, мало того, там была остановка, прямо напротив моего окна. сначала комнату заливал яркий свет прибывающего поезда, затем состав останавливался, и прямо передо мной возникал вагон лиц, ужасных рож: проститутки, уроды, кидалы, безумцы, убий-

цы — мои типажи. поезд отчаливал, и комната снова погружалась в темноту — до следующей очереди лиц, которая не заставляла себя долго ждать. без выпивки было нельзя.

домом владела еврейская пара, они еще держали прачечную и швейную мастерскую через дорогу. и я решил, что моим тряпкам нужна чистка, поскольку на горизонте моего безумия, пердя и рыгая, замаячил призрак охоты за работой. бухой в жопу я заявился к ним со своим хламом.

— ...надо это чистить или мыть... или как-то это... чего-нибудь...

— бедняжка! как ты ходишь в таком рванье! я даже окна не смогла бы вымыть такой тряпкой, скажу тебе вот что... эй, Сэм!

— да?

— покажи этому пареньку тот костюм, что мужчина оставил!

— да-да, это отличный костюм, мама! ума не приложу, как он мог его оставить!

не буду приводить весь диалог, главное, я настаивал на том, что костюм маловат, они не соглашались. тогда я сказал, что если он не маловат, то точно дороговат. они запросили семь. я сказал, что не потяну. они спустились на шесть. я сказал, что практически на нуле. когда они опустили до четырех, я настоял, чтобы меня втиснули в костюм. они согласились. я отдал четыре доллара, вернулся в комнату, разделся и лег спать. когда проснулся, было еще темно (кроме тех моментов, когда прибывал поезд), и я решил надеть свой новый костюм и пойти поискать женщину, прекрасное существо,

естественно, для поддержки мужчины со скрытыми еще пока талантами.

когда я влез в брюки, промежность лопнула и разошлась по шву до самой спины, ну, это не ослабило моего боевого духа, на улице было прохладно, но я решил, что пиджак закроет прореху. стал его натягивать, левый рукав лопнул под мышкой, и наружу вывалилась тошнотворная липкая подкладка.

опять опускалово.

выкинув остатки костюма, я решил, что пора снова съезжать.

нашел новое жилье, вернее, что-то типа подвала, под лестницей между мусорными баками. теперь я был на своем уровне.

в первую же ночь, оказавшись на улице после закрытия бара, я обнаружил, что потерял ключи. на мне была только тонкая белая футболка. спасаясь от холода, я залез в автобус и катался туда-сюда, пока водитель не объявил конечную остановку или что автобус идет в парк. точно не помню, был пьян.

когда я выгрузился из автобуса, кстати, холодрыга стояла страшная, то оказался прямо перед стадионом «Янкиз».

о боже, подумал я, ведь здесь играл герой моего детства — Лу Гериг, и именно здесь сегодня я подохну от холода, блядь, как все сходится.

я побрел наугад и вскоре нашел кафе. вошел. все официантки — негритоски средних лет, зато кофейные чашки большие и порция кофе с пончиком стоила сущий пустяк. я взял порцию, уселся

за стол, махом проглотил пончик и стал попивать кофе. затем достал сигарету и закурил.

вдруг послышались возгласы:

— ВОЗБЛАГОДАРИ ГОСПОДА, БРАТ!

— О, ВОЗБЛАГОДАРИ ГОСПОДА, БРАТ!

я оглянулся, все официантки склонились в молитве передо мной, и даже некоторые посетители тоже. это было так чудесно, наконец-то ко мне пришло признание, будьте вы прокляты, и «Атлантик», и «Харперз», гений всегда пробьется. я улыбнулся им всем и глубоко затынулся.

и тут одна из официанток как гаркнет:

— НЕ КУРИ В ДОМЕ ГОСПОДНЕМ, БРАТ!

пришлось сигарету выбросить. допив кофе, я вышел на улицу и на окнах заведения прочитал:

«МИССИЯ ОТЦА НАСТОЯТЕЛЯ».

я снова закурил и двинулся в долгий путь к своему пристанищу. когда добрался, то на мой звонок никто не ответил. в конце концов я растянулся поверх мусорных баков и уснул. я знал, что внизу меня достанут крысы. я был смышленным парнишкой.

да я был настолько смышлен, что на следующий день умудрился найти работу. и той же ночью, трясущийся с похмелья, совершенно подавленный, приступил к своим обязанностям.

два пожилых мужика вводили меня в курс дела. они работали в метро со дня его открытия. мы тронулись в путь. у каждого в одной руке тяжелая пачка картонных плакатов, в другой — маленький инструмент, смахивающий на открывашку от пивной банки.

— в Нью-Йорке у всех есть зеленые жучки, сплошняком у всех, — поведал один старикан.

— неужели? — удивился я, хотя мне было насрать, что там за жуки и какого они цвета.

— ты сам увидишь их на сиденьях, мы каждую ночь находим.

— ага, — подтвердил другой старикан.

мы двигались дальше.

бог ты мой, думал я, случилось ли такое с Сервантесом?

— теперь смотри, — начал урок один из моих наставников, — каждый плакат имеет свой номер, мы меняем старый плакат на новый с таким же номером.

хлоп, хлоп, он отогнул открывашкой планки, вставил новую рекламу, загнул планки на место, старую рекламу сунул под низ стопки новых плакатов.

— ну, теперь ты попробуй.

я попробовал. узкие планки не поддавались. открывашка мне досталась дрянная, и к тому же меня мутило и трясло.

— со временем врубишься, — успокоил наставник.

«да я уж врубился, мутила», — подумал я про себя. мы двинулись дальше.

пройдя весь состав, мы вышли наружу, и мои наставники потопали дальше прямо по шпалам вдоль путей, расстояние между шпалами было не меньше трех футов, тело могло просвистать между ними без всякого труда, а пути проходили на высоте 90 футов от уровня улицы, до следующего же

состава было не меньше 90 футов. стариканы, проскакав по шпалам с тяжелыми кипами плакатов под мышкой, уже ждали меня возле следующего поезда. в это время на соседних путях остановился поезд, все вокруг осветилось. теперь я мог отчетливо видеть под собой эту трехфутовую брешь. Ну и что из того.

— ну же! давай живей! мы спешим!

— да к черту вас и вашу спешку! — заорал я в ответ и ступил на шпалину, с тяжелой кипой картонных плакатов в левой руке и открывашкой в правой, первый шаг, второй, третий... похмелюга, тошнота.

поезд на остановке забрал всех пассажиров и уехал. стало темно, как в сортире, даже темнее. я ничего не видел. я не мог сделать ни следующего шага вперед, ни повернуть назад. я просто застыл.

— давай! шевелись! нам еще много поездов надо обойти!

наконец мои глаза немного привыкли к темноте. пошатываясь, я двинулся дальше, некоторые шпалы были растрескавшиеся и ходили ходуном под ногами. я останавливался, слышав их болезненный визг. и так один пронизывающий до нутра шаг за другим, и с каждым следующим я ждал, что полечу вниз.

добравшись до поезда, я швырнул плакаты и открывашку на пол.

— чё такое?

— чё такое? чё такое? — сказал я. — НАХУЙ ВСЕ ЭТО!

— да что случилось?

— один неверный шаг — и человек убьется, вы что, идиоты, не понимаете?

— да никто еще не убился.

— никто не пьет так, как пью я, ладно, проехали, давайте колитесь лучше, как мне свалить отсюда.

— ну, есть лестница вниз, вон туда — направо, но это надо идти через пути, а не вдоль, а там два или три контактных рельса.

— блядь, что еще за контактные рельсы?

— те, что под напряжением, наступишь — и тебе конец.

— показывайте дорогу.

стариканы указали мне на лестницу, навскидку она была не слишком уж и далеко.

— благодарю, джентльмены.

— следите за контактным рельсом, он золотого цвета, не прикасайтесь к нему, а не то сгоришь.

я двинулся вперед и чувствовал, как они смотрят мне вслед. каждый раз, когда я оказывался перед контактным рельсом, я исполнял высокий и причудливый шаг, в лунном свете эти рельсы выглядели нежно и мирно.

я добрался до лестницы, и жизнь возвращалась в меня. внизу был бар. оттуда доносился смех посетителей. я зашел и сел, какой-то парень трендел о том, как его мамаша заботится о нем, пытается научить играть на пианино, платит за уроки рисования, а он разными путями выуживает из нее деньги и бухает. весь бар хохотал. я тоже рассмеялся. парень был просто гений, ему бы на эстраду, а он тут задарма разоряется. я хохотал вплоть до закры-

тия бара, пока мы все не разошлись, увлекаемые каждый своим путем.

вскоре после этого я покинул Нью-Йорк и никогда больше не возвращался и не вернусь. города выстроены, чтобы убивать людей, есть, конечно, города фартовые, но большинство — нет. в Нью-Йорке вы должны ухватить госпожу удачу за хвост. про себя я знал, что не фартовый.

а вот в Канзас-Сити, куда я свалил, мне подфартило снять прекрасную комнату. я сидел там и слушал, как управляющий мутузит горничную за то, что ей не удалось раскрутить меня на бабки своей вертялкой задницей. снова все было реально, удобоваримо и разумно. под вопли и крики я не спеша прикладывался к своему стакану, затем разделся и залез под чистые простыни. к этому времени парень распалился не на шутку и колотил горничную головой о стену.

ну, может, в следующий раз, когда не буду так утомлен поездкой на автобусе, я дам ей подзаработать, ведь у нее классная задница, которая, надеюсь, не пострадает в их шумной драке. короче, я был далеко от Нью-Йорка, почти цел и невредим.

что это были за ночки, в те давние времена в «Олимпийском»! комментировал маленький лысый ирландец (кажется, его звали Дэн Тоби?), во уж у кого был стиль, Дэн перевидал всякое, наверняка еще мальчишкой видел бои на речных баржах, хотя, может, он и не такой старый, ну уж бой Демпси против Фирпо застал в любом случае. до сих пор вижу, как он берет шнур и медленно подтягивает к себе микрофон. а большинство из нас были пьяны еще

до первого боя, но не мертвецки пьяны, а ровно наоборот, курили сигары, наслаждаясь вкусом жизни, ожидая, когда на ринг выведут двух парней, жестоко, но так уж оно все устроено, с нами-то делали то же самое, и ничего, как-то выживали, и почти каждый из нас приходил со своей крашеной рыжей шалавой или крашеной блондинкой, даже я. ее звали Джейн. между нами частенько вспыхивали горячие поединки раундов на десять, один закончился для меня нокаутом. и я был горд, когда она возвращалась из дамской комнаты и вся галерка начинала топать, свистеть и вопить, наблюдая, как Джейн виляет своей здоровенной волшебной задницей, обтянутой узкой юбкой, — да, то была воистину волшебная жопа, она могла срубить мужика в ноль, чтобы тот, корчась в конвульсиях, возносил слова любви к бетонному небу. Джейн садилась рядом со мной, я подавал ей, как корону, бутылку, она отхлебывала, возвращала бутылку, а я кивал на ребят с галерки: «вот же дровичлы, всех порву!»

просмотрев свою программку, она спрашивала: «ну, кого выберешь в первом?»

я неплохо умел угадывать победителя — почти на 90 процентов, — но сначала мне нужно было взглянуть на бойцов. я всегда выбирал парня, который меньше суетился, которому, казалось, и драться-то неохота. и если один боец крестился перед гонгом, а другой нет, я знал победителя — тот, который не крестится. но обычно это срабатывало вкупе: если парень танцевал перед боем, демонстрируя весь набор боксерских па, то он и крестился, и он же получал по заднице.

в те дни было мало неинтересных боев, а если и случались, то, как и сейчас, между тяжеловесами. но тогда мы им спуску не давали — мы забрасывали ринг, устраивали пожары и ломали сиденья. и они не позволяли себе слишком часто филонить. туфту гнали в «Голливудском легионе», так мы в «Легион» и не ходили. даже голливудовцы знали, что настоящая жизнь в «Олимпийском». Рафт приходил и прочие, с толпой старлетов. первый ряд был всегда забронирован для них. ну а на галерах буйствовало быдло. и бойцы бились как подобает. трибуны тонули в облаках сигарного дыма, мы орали как безумные: «давай, малыш! давай!» — и швыряли деньги, лакали виски. а когда все заканчивалось, мы, перекусив по дороге, развозили наших крашенных боевых подруг по любовным гнездышкам и, засадив пистон, засыпали как пьяные ангелы. ну и кому нужны библиотеки? кому нужен Эзра? Т. С., Э. Э.? Д. Г., Г. Д.? всякие там Элиоты? всякие Ситуэллы?

я никогда не забуду ту ночь, когда впервые увидел юного Энрике Баланоса. в то время у меня был фаворит, один чернокожий парень. обычно перед началом боя он выходил на ринг с белым ягненком, крепко прижимая его к себе, пошлость, конечно, но парень был крепок и ловок, а крепкому и ловкому бойцу можно и послабление сделать, верно?

короче, он был моим героем, и звали его, ну, скажем, Ватсон Джонс. Ватсон имел вкус и неплохое чутье — взрывной, быстрый, резкий, находчивый и сокрушительный, он получал удовольствие от своей работы. и вот как-то вечером, без анонса,

кто-то взял и выставил против него молодого Баланоса. это уже было серьезно, он постепенно вымотал Ватсона, потом перехватил инициативу и ближе к концу прикончил его. моего героя! даже не верилось. насколько помню, Ватсон был нокаутирован, и вечер превратился в сплошной кошмар. с пинтой виски в руках я вопил, моля о пощаде, взывал к победе, которой уже просто не могло случиться. сомнений не оставалось, она уходила к Баланосу — этот гад вместо рук имел пару змей, и он не двигался, а скользил, извивался и насккивал, как дьявольский паук, который всегда на чеку и всегда готов напасть. я быстро понял, чтобы побить Баланоса, нужен боец, превосходящий его на голову, а Ватсон мог забирать своего ягненка и валить домой.

и той ночью, пока я не признал, что победил лучший, виски вливалось в меня морским приливом, я сражался со своей бабой, я проклинал ее, сидящую предо мной и демонстрирующую свои восхитительные ляжки.

— Баланос. отличные ноги. он не думает. чистая реакция. лучше не думать. сегодня тело победило душу. так обычно и происходит. прощай, Ватсон, прощай, Центральное авеню, занавес!

я швырнул свой стакан в стену и вышел на улицу, чтобы подцепить другую женщину. я был глубоко уязвлен. она была прекрасна. нас ждала постель. помню, через открытое окно прыскал легкий дождь, но мы не стали его затворять. и это было здорово. это было так восхитительно, что мы дважды занимались любовью, и потом уснули лицами

к окну, и дождь всю ночь поливал нас, и наутро и простыни, и мы промокли до нитки, мы соскочили и стали чихать, чихать и хохотать: «черт! черт!» это было так весело, а где-то лежал с разбитым и раскисшим лицом бедный Ватсон, ему светила ИЗВЕЧНАЯ ИСТИНА, бои в шесть раундов, в четыре, вот он уже вместе со мной на фабрике, где смертельный восьми-, а то и десятичасовой рабочий день за гроши, путь в никуда, шестеришь на Старуху Безносую, мозги вдребезги, душа вдребезги... как мы чихали! «черт!» такое веселье! и она сказала: «ты весь синий! господи, ты весь посинел, глянь на себя в зеркало!» я действительно замерз насмерть и, встав перед зеркалом, увидел, что весь СИНИЙ! смех! череп и дерьмо с костями! я рассмеялся, смех перерос в гогот, я грохнулся на пол, она на меня, мы оба гоготали, мы гоготали и гоготали, черт, это продолжалось, пока я не решил, что мы спятили, и было уже пора вставать, одеваться, причесываться, чистить зубы, жрачка не лезла, сблевал, пока чистил зубы, и отправился на фабрику осветительных приборов, солнышко пригревало, и это была единственная приятность, но, как говорится, бери, что дают.

Санта-Анита, 22 марта, 1968, 15.10. я не угадал с фифти-фифти на Крошку Куило под Альпендансом. четвертый забег позади, а я не при делах, спустил \$40, во втором нужно было ставить на Боксера Боба под Бьянко, одним из лучших малоизвестных жокеев, ставка 9/5; посади любого другого, скажем Ламберта, или Пинеду, или Гонсалеса, и ставка на

того же коня будет 6/5 или фифти-фифти. но как гласит народная мудрость (я сочиняю народные мудрости, бродя в лохмотьях), знание без практики хуже, чем полное незнание. потому что если вы действуете наугад и это не работает, можете просто плюнуть и сказать: «блядь! сегодня боги не на моей стороне!» но если вы знаете и не делаете, то постепенно начинаете плутать по мансардам и темным коридорам своего сознания и во всем сомневаться. это вредно для здоровья, ведет к мрачным вечерам, перебору с бухлом и мусородробилке.

ну ладно. постепенное угасание не для заядлых игроков. они умирают. тяжело и раз и навсегда, где-нибудь на 5-й Восточной или продавая газеты на улице, в капитанской фуражке, и прикидываясь, что это просто шутка, а у самих мозги в раскоряку, кишка тонка, хрен бесхозный. азартные игры есть форма мастурбации, так сказал один известный теперь философ, некогда любимый Фрейдов ученик, его еще моя бывшая вечно читала. а здорово быть смышленным парнишкой и выдавать такие сентенции. и ведь всегда найдется доля правды фактически в любом умозаключении. вот если бы я был таким сообразительным, я бы изрек что-то типа этого: «чистить ногти грязной пилочкой есть форма мастурбации». и вероятно, выиграл бы стипендию или грант, пэрство и 14 чумовых чувих в придачу. но, имея за спиной заводские курилки, парковые скамейки, грошовые заработки, мерзких баб и жизненное ненастье, я говорю следующее: обычный человек оказывается на ипподроме потому, что его сводят с ума вечное клацанье затвора,

полоумная физиономия цехового мастера, тяжелая рука хозяина квартиры, мертвецкий секс; наголообложение, рак, депрессия; одежда, расплзавшаяся после трех одеваний, вода, по вкусу напоминающая мочу, доктора, которые прогоняют вас, как на конвейере, больницы без милосердия, политики с гнойными мозгами... можно продолжать и продолжать, но это было бы обвинение только против озлобленных и помешанных бедняков, тогда как мир превращает в психопатов (и психопаток) всех нас, даже праведникам присуще сумасшествие, никто не защищен. вот такое вот говно. что до меня, то, если не изменяет память, я поимел всего 2500 баб, зато посмотрел 12 500 забегов, и единственное, что могу посоветовать любопытствующим: займитесь акварельной живописью. итак, я все еще пытаюсь сказать вам, что большинство людей гонит на бега лишь чудовищная мука, да-да, они в таком отчаянии, что предпочитают еще сильнее помучиться, чем признать истинное положение дел (?) в своей жизни. а наши воротилы не такие уж бестолочи, как мы о них думаем. они со своих высот внимательно изучают муравьиную возню. вы же понимаете, да, что Джонсон гордится своим пупком? и в то же время осознаете, верно, что он один из лютейших подонков, каких нам когда-либо навязывали? мы заарканены, отмудоханы и заморочены до ошеломления; мы так ошеломлены, что в итоге некоторые даже начинают любить наших мучителей, поскольку на то они там и сидят, чтобы издеваться над нами согласно логике страданий. это кажется таким обоснованным, поскольку

другого просто нет. это должно быть правильным только потому, что это есть. что именно? вот Санта-Анита есть. Джонсон есть. так или иначе, мы сами позволяем им быть там, где они есть. сами строим себе дыбы и потом вопим, когда их дебильные прищешники отчекрывают нам яйца, помахивая при этом серебряным распятием (золото уже все вышло). разве это не объясняет, почему некоторые из нас, или большинство, если не все, находятся здесь, сегодня, 22 марта 1968 года после полудня, в Аркадии, штат Калифорния.

в пятом забеге победила лошадь под номером 12, Квадрант. на табло было 5/2, значит, я точно должен был выиграть. лошадь победила мощно, обходя других участников на протяжении всей дистанции. я поставил 10 на победу, \$40 было в минусе, с нетерпением ждал объявления судейской коллегии. при ставке 5/2 выплата составляла от \$7 до \$7.80, значит, при ставке на победу мне возвращалось от 35.00 до 39.00. таким образом, я рассчитывал почти отыгаться. моя лошадь была в третьей строчке на табло и во время ставок всегда оставалась на счете 5/2. и вот на табло высветилась окончательная выплата:

\$5.40.

прямо на тотализаторе. пять сорок! так ведь это между 8/5 и 9/5, что и близко не стояло к 5/2. на предыдущей неделе, тоже был фортель, ипподром удвоил плату за парковку с 25 центов до 50. сомневаюсь, что у парковщиков жалованье удвоилось. к тому же они стали драть по целых \$2 вместо \$1.95 на входе. а теперь вот \$5.40! ни хуя себе! над

трибунами поднялся невообразимый стон и медленно распространился по всему ипподрому. отсмотрев практически 13 000 забегов, я никогда не сталкивался с таким явлением. табло небезупречно. я видел, как при 9/5 выплата составила 6.00, ну еще всякие незначительные расхождения, но никогда не встречал, чтобы 5/2 закрывалось выплатой 8/5, да я даже не помню, чтобы 5/2 снижалось до 8/5 в самый последний момент перед закрытием приема ставок. чтобы случилось такое, нужно было в этот самый последний момент поставить просто невероятное количество денег.

толпа начала гудеть: УУУУ УУУУУУУУ УУУ-УУУ-УУУ! затем гул замирал, но вскоре возникал снова: УУУУУУ УУУУУУ УУУУУУ! и с каждым разом он длился все дольше. трибуны учуяли, что дело тухлое, что у кого-то разыгралась алчность. толпу снова предали. 5.40 означало, что ко мне возвращаются лишь 27.00 вместо возможных 39.00. и не я один был уязвлен. ощущалось, как людская масса корчится от боли. для многих на кону каждого заезда лежали аренда жилья, жрачка, выплата по автокредиту.

я посмотрел вниз и увидел, что на беговом поле стоит человек и машет своей программкой, указывая на табло. он явно обращался к распорядителю. потом мужик замахал толпе, призывая всех выходить на поле. один откликнулся и перемахнул через изгородь. трибуны зааплодировали. другой отыскал открытые ворота, и теперь на поле было уже трое. толпа аплодировала. людям стало легче. на поле стало прибывать и прибывать, и апло-

дисменты не смолкали. все повеселели. появился шанс. шанс? что-то типа того. народ все прибывал. вскоре где-то 40–65 человек толпились на беговой дорожке.

комментатор включил микрофон:

— ДАМЫ И ГОСПОДА, ПРОСИМ ВАС ПОКИНУТЬ ПОЛЕ, ИНАЧЕ МЫ НЕ МОЖЕМ НАЧАТЬ ШЕСТОЙ ЗАБЕГ!

голос звучал недружелюбно. внизу были десять полицейских в серых санта-анитских мундирах, и каждый вооружен. толпа гудела: УУУУУУУ!

вдруг один из игроков заметил, что участники следующего заезда появились на задернованной скаковой дорожке. черт, они блокировали грунтовый трек. когда лошадей вывели на предстартовый парад, толпа двинула через грунтовку к зеленому полю, находившемуся внутри трека. им противостояли восемь лошадей, возглавляемые эскортным в красном камзоле и черном картузе. толпа валила через грунтовку.

— пожалуйста, — грозил комментатор, — очистите трек! пожалуйста, очистите трек! тотализатор не смог зарегистрировать последний флеш-даун. цена верная!

лошади медленно двигались на застывших в ожидании людей. они были огромные и явно нервничали.

я спросил у Денвера Дэнни, парня, который зависал на скачках намного дольше меня:

— что это за туфта, Денвер?

— да машина тут ни при чем, это не она наговняла, — отозвался бывалый. — каждый доллар

учитывается. когда кассы закрылись, на табло было пять к двум; затем табло обновилось, финальные изменения были, но на табло осталось пять к двум. знаешь, французы говорят: «а кто будет сторожить сторожей?» если помнишь, уже на третьем круге стало ясно, что победитель — Квадрант, оторвался значительно. могло произойти следующее. возможно, машины вообще не были закрыты во время скачки. и когда Квадрант вырвался, менеджеры просто продолжали выкупать выигрышные билеты. другие говорят, что оставаться доступными могли одна или две машины. точно я не знаю. но могу сказать одно — это кидалово, да любой здесь это просекает.

лошади продолжали надвигаться на толпу. эскортный и первая лошадь — огромный монстр по кличке Непреодолимая Страсть под жокеем по имени Пирс — приблизились к передней линии выжидающих бунтовщиков. один парень обложил полицейских матом. трое копов выхватили его из толпы, оттащили к ограждениям и стали мутузить. толпа двинулась на копов, и они отпустили бедолагу, парень бросился к своим и затерялся в первых рядах, перекрывавших беговую дорожку. а лошади продолжали движение, и было ясно, что они намерены прорваться. таковы были даны указания. и вот — люди на лошадях против людей безоружных. пара-тройка парней легли на пути у наступающих, прямо под копыта лошадей. это было нечто. вдруг лицо эскортного перекосилось, покраснело, как его камзол, он схватил за поводья первую лошадь — Непреодолимую Страсть, — пришпорил

свою и рванул через людей напролом, правда, глаза закрыл. лошади проскочили через лежащих. не знаю, сломали они кому-нибудь спину или нет.

но эскортный отработал свой оклад. послушный служака. какие-то гниды на трибунах зааплодировали. но этим дело не кончилось. несколько бунтовщиков окружили прорвавшуюся лошадь и попытались сдернуть жокея из седла на землю. на поле выдвинулась полиция. остальные лошади пытались следовать за Непреодолимой Страстью, но парни мгновенно окружили ее и почти стащили Пирса на землю. это был звездный час восставших.

я убежден, если бы им удалось выдернуть Пирса из седла, дело закончилось бы поджогом трибун и всеобщим погромом. но копы отлично знали свое дело. оружия они не доставали, им и так нравилось, особенно одному, который с наслаждением дубасил кулаками какого-то старика то по макушке, то по загривку, то по спине. Пирс и Непреодолимая Страсть прорвались, мерин с соответствующей кличкой, заодно и разогрелся для предстоящей скачки на дистанцию в полторы мили. копы действовали чрезвычайно агрессивно и энергично, а протестующие отвечали нехотя. битва была проиграна. вскоре беговые дорожки освободились.

и тут донеслось:

— НЕ СТАВЬТЕ НИЧЕГО! НЕ СТАВЬТЕ НИЧЕГО! НИЧЕГО!

вот уж было бы славно, а? ни доллара стервятникам — жирных полоумных лентяев вышвырнули бы из их особняков на Беверли-Хиллз. слишком уж хорошо. было уже шесть косарей в кассах

тотализатора, когда завопили: «НЕ СТАВЬТЕ НИЧЕГО!» нас подсадили, высосали досуха, опять и во веки веков... и ничего не оставалось, как ставить снова и снова и принимать все как есть.

десять копов стояли вдоль ограждений. гордые, преданные и вспотевшие, они получают премиальные за дополнительные нагрузки на службе. победителем в шестом стала лошадь по кличке Старт, на табло было девять к одному, что и выплатили. если бы вдруг при выплате оказалось восемь или семь, Санта-Аниту в тот день просто разнесли бы по кирпичику.

я читал, что на следующий день, в субботу, на ипподроме собралось около 45 000 человек, то есть в пределах нормы.

я там не был, никто по мне там не скучал, и лошади скакали, а я писал эту заметку.

23 марта, восемь вечера, Лос-Анджелес, та же тоска, и некуда податься.

возможно, в следующий раз у нас будет нужный номер, правильной лошади.

нужна практика, немного юмора и чуточку удачи.

подошел ко мне парень в армейском камуфляже и говорит: «ну, теперь, после убийства Кеннеди, тебе будет о чем писать». сам он тоже считает себя писателем, почему бы ему этим не заняться? мне постоянно приходится подбирать чужие кашки и упаковывать их в литературные пакетики. думаю, на этот случай у нас найдется достаточно экспертов — открывается декада под названием:

Декада Экспертов и Декада Политических убийц. и все они не стоят ссохшегося собачьего дерьма. главная проблема с этим убийством не в том, что мы потеряли стоящего мужика, но и в том, что просрали политические, духовные и социальные достижения, а такие вещи существуют, как бы помпезно это ни звучало. я к тому, что когда случается такое политическое убийство, все античеловеческие и реакционные силы стремятся упрочить свои предрассудки и использовать возникший разлад, чтобы вышибить естественную Свободу к ебням с ее крайнего табурета у барной стойки.

я не рву задницу за человечество, как это делал Камю (читайте его эссе), потому что, если честно, от большей части человечества меня воротит, единственное, что может спасти его, это совершенно новая концепция всеобщего интеллектуально-интуитивного понимания происходящего, реальности и изменений. и это только для малышей, которые еще не умерщвлены, но и им не спастись, ставлю двадцать пять против одного, что никакой новой концепции не будет — уж слишком это было бы разрушительно для властвующей банды. нет, я не Камю, но, дорогие мои, меня задевает, когда я вижу, как Недоумки греют руки на Трагедии.

вот выжимки из высказывания губернатора Рейгана: «Обычный человек — благопристойный, законопослушный, богобоязненный, так же, как вы и я, взволнован и обеспокоен происшедшим.

он, как и все мы, — жертва той позиции, которая вот уже целое десятилетие вызревала в нашей стране, позиции, сводящейся к тому, что человек

может выбирать себе законы, которым будет повиноваться, что он может поставить себя над законом, что преступление необязательно влечет за собой наказание.

эту позицию постоянно подпитывали своими демагогическими и безответственными высказываниями так называемые лидеры и в правящих кругах, и в оппозиции».

боже ты мой, не могу продолжать. такая скука. Идеальный Папаша и его старина ремень для правки бритвы, чтобы сечь наши задницы. правильный губернатор собирается отобрать у нас все игрушки-развлекushки и отправить в постель без ужина.

господи милостивый, я не убивал Кеннеди, ни одного ни другого, ни Кинга, ни Малькольма Икса, ни других. но для меня совершенно очевидно, что левое крыло либеральных сил отстреливают одного за другим — не важно, по какой причине (возможно, убийца в прошлом поработал в магазине диетических продуктов и возненавидел евреев) — по какой бы то ни было причине, но левые либералы погибают и упокаиваются в могилах, в то время как правые либералы даже брючины кладбищенской травой не запятнали, а разве не стреляли в Рузвельта и Трумэна? оба демократы, вот ведь странность.

это убийство — мерзость, я готов согласиться, и Идеальный Папаша тоже мерзость — соглашусь. мне также твердят богобоязненные, что я «грешен», так как рожден человеческим существом, а эти самые существа однажды что-то сделали

какому-то Иисусу Христу. но я не убивал ни Христа, ни Кеннеди, и губернатор Рейган тоже их не убивал. это уравнивает нас, а не возвышает его одного. я не вижу причины потерять остаток судебных или духовных свобод, уж какой ни есть. кто кому лапшу на уши вешает? если человек умирает в постели во время ебли, значит ли это, что все остальные должны прекратить совокупляться? если один не-гражданин оказался сумасшедшим, должны ли остальные граждане считаться сумасшедшими? если кто-то убил Бога, значит ли это, что я хочу убить Бога? если кто-то убил Кеннеди, означает ли это, что я тоже хочу убить Кеннеди? что делает губернатора, самого по себе, таким правым, а всех остальных не правыми? спичрайтеры, причем в основном бездарные.

кстати, забавное наблюдение: раскатывая без всякой надобности по городу 6 и 7 июня, я видел, как в негритянских районах девять из десяти автомобилей ехали в дневное время со включенными фарами, в память о Кеннеди; по ходу движения к Северу, вплоть до бульвара Голливуд, это соотношение постепенно уменьшалось, а ближе к бульвару Сансет между Ла-Бреа и Нормандией таких машин встречалось уже одна из десяти. Кеннеди был белым, друзья мои. я тоже белый, но днем фары моей машины были выключены. в конце концов между Экспозишн и Сенчури подул свежий ветерок, я слегка остыл и совсем успокоился.

так что, как я уже говорил, у всякого, вплоть до губернатора, есть рот и практически каждый, в меру своих предрассудков, его открывает, стараясь

откусить свой кусок от этого трагического пирога. те, кто урвал сполна, теперь будут объявлять вредоносным заблуждением все, что могло бы сдерживать с них золотые панталоны. я-то аполитичен, но с такими дешевыми номерами, которые откалывают эти реакционеры, могу обозлиться и тоже вступить в игру.

вон даже спортивные журналисты в игре, а как всем известно, нет ничего хуже, чем пишущий, а особенно — думающий спортивный журналист. я лично не знаю, что хуже — их писанина или их домыслы, впрочем, что бы у них ни верховодило, этот союз будет всегда порождать лишь ублюдочных и отвратительных монстров. как вы, надеюсь, понимаете, наихудшая форма юмора — это гиперболизированное кривляние. теми же средствами пользуется наихудшая форма субъективного и иррационального типа мышления.

вот как фанфаронит один спортивный журналист нашей крупнейшей не бастующей газеты. цитаты по поводу покушения на Р. Кеннеди (когда тот находился в операционной):

«СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ НАСИЛИЯ: НАЦИЯ В ОПЕРАЦИОННОЙ

...и снова цвет Америки получил пулю в пах. нация в операционной. соединенные штаты насилия.

одна пуля могущественнее миллиона избирательных голосов.

это не Демократия, это Безумие. страна, уклоняющаяся от подавления криминала, воспитания детей, изоляции сумасшедших...

президент Соединенных Штатов выбран в скобяной лавке, по каталогу с доставкой на дом...

свобода расстреляна. “право” убивать — основополагающее право в этой стране. праздность добродетельна. патриотизм — грех. консерватизм — анахронизм. Бог старше тридцати. религия — это быть молодым, словно молодость — это добытая кровью и потом добродетель. “приличие” — половина для грязных ног, работа — предмет для презрения. “любовь” — то, для чего нужен пенициллин. “любовь” вручает цветы обнаженному, зашивленному юнцу, в то время как его мать дома не находит себе места. вы “любите” посторонних, но не своих родителей.

мне нравятся люди из домов с занавесками на окнах, а не люди “хат” и “вписок”. и следующий, кто назовет деньги “капустой”, пусть выгребает зарплату вилкой. меня тошнит от разговоров о том, что следует попытаться “понять” зло. а канарейка сможет “понять” кошку?

конституция не задумывалась как щит для дегенеративности. сначала вы палите флаг, затем поджигаете Детройт. вы предлагаете отменить смертную казнь для всех, кроме кандидатов в президенты и президентов...

...божьи люди превратились в стадное быдло. национальный гимн — вопль в ночи. американцы не могут гулять в своих парках, ездить в автобусах. они вынуждены запирать себя в четырех стенах.

“поднимись с колен, Америка!” — молят люди, но их игнорируют. огрызнись, твердят они, покажи, что намерена драться в ответ. лев скалит зубы,

и шакалы драпают. испуганный зверь так и просит атаковать. но Америка не слушает.

...студенты-неврастеники, водрузив ноги на парты, которые не способны сколотить, разрушают университеты, взамен которых не смогут построить ничего.

...все начинается с обожествления бродяг, праздношатающихся и бездельников — этих наглых гостей у милосердного стола демократии, которые опрокидывают его на обескураженных хозяев...

молите Господа, чтобы наши врачи исцелили Бобби Кеннеди. а кто исцелит Америку?»

вам нравится этот парень? я тоже так думаю. слишком просто. школярское витиеватое сочинение, только раскрашенное с точки зрения нынешней позиции выживания. вы водитель мусоровоза? не расстраивайтесь. есть, конечно, и получше работы, но делаются они хуже.

изолировать сумасшедших. но кто есть сумасшедший? мы все ведем свою маленькую игру в зависимости от положения фигур на доске: коней, ладьи, короля и ферзя, да что за чертовщина, я уже блажу, как этот журналист.

и теперь куча всяких мозгоправов, мыслителей, групп специалистов, президентских коллегий попытаются выяснить, что же такое неправильно с нами. кто псих, кто рад, кто не рад, кто прав, кто не прав. изолировать сумасшедших, когда у пятидесяти девяти из шестидесяти встреченных на улице крыша едет от индустриального невроза, семейных

дразг и постоянной борьбы и нет времени остановиться и расслабиться и определиться, где же они находятся и когда деньги, поддерживавшие и ослеплявшие их так охуенно долго, когда эти самые деньги будут годиться только на подтирку, что прикажете делать? да ладно вам, ребяташки, политические убийства уже давно наша повседневность. и никакой феерии, просто некий тип с изжеванной физиономией и помойными глазками, как много таких среди мужиков и женщин. миллионы.

но скоро мы получим доклады от комиссий психоаналитиков, которые, как и комиссии по бедности, твердящие нам, что есть голодающие низы, будут убеждать нас, что, оказывается, есть и голодающие верхи. а потом все забудется до следующего, слегка эмоционального убийства или городских беспорядков, и тогда они снова будут собираться и излагать свои бестолковые экспертные заключения, потирая ручонки и исчезая, как говно в унитазе. ведь действительно, все это волнует их только до тех пор, пока не уляжется волна. и эти ничтожные психоаналитики, козыряя волшебными знаниями, морочат нас своим словоблудием, утверждая, что поскольку у вашей мамы была косолапость, папаша ваш бухал, а в трехлетнем возрасте вам в рот накакал цыпленок, постольку вы и есть гомосексуалист или оператор штамповочного прессы. все, кроме правды. а правда в том, что есть люди, которых не устраивает, как эта жизнь протекает, и что неплохо было бы ее усовершенствовать. но нет, эти мозгоправы с их механическими побрякушками, которые со временем окажутся абсолютными

фальшивками, будут продолжать твердить нам, что мы совершенно безумны и за это им надо хорошо платить. мы просто неправильно это воспринимаем. помните такие песенки?

ах, какой счастливчик я,
прожигаю жизнь почему зря,
потому что у меня
карман полон грез.

это все моя страна,
даже пусть и без гроша,
потому что у меня
карман полон грез.

Или так:

нет уж денег на счету,
и к друзьям уж не иду.
что же делать,
как же быть,
лучше свет я погашу
и во сне себя спрошу.

чего они нам не скажут, это что наших психопатов и наших убийц породил наш нынешний образ жизни, наш старый добрый чисто американский способ жить и умирать. черт, да то, что мы еще не поголовно выплескиваем свое помешательство наружу, это просто чудо! а раз прежде разговор шел совершенно серьезный, давайте закончим беседу о безумии дискотекой. как-то я был в Санта-Фе и разговаривал, ну, вернее, выпивал со своим приятелем, который слыл весьма известным психоаналитиком, и вот в середине очередной нашей пьянки я спросил его:

— Джин, скажи мне, я псих? давай, дружище, колись. я готов ко всему.

он допил свой стакан, поставил на столик и ответил:

— сперва ты должен мне заплатить.

тут-то я и понял, что по крайней мере один из нас уж точно псих. губернатора Рейгана и спортивных журналистов с нами не было. и второй Кеннеди был еще жив. но меня посетило какое-то странное чувство, я сидел, пил и ощущал, что не так все хорошо, что все плохо и будет плохо как минимум еще пару тысячелетий.

итак, мой друг в армейском камуфляже, теперь слово за тобой.

— хана, — сказал Андерсон, — мертвечина победила.

— мертвечина победила, победила, победила, — повторил Мосс.

— а кто в бейсболе победил? — спросил Андерсон.

— понятия не имею.

Мосс подошел к окну, выглядел проходившего мимо американца мужского пола.

— эй, кто там выиграл в бейсболе? — заорал Мосс, высунувшись из окна.

— «Пираты», три — два, — ответил американец.

— ты слышал, нет? — обратился Мосс к Андерсону.

— ага. «Пираты», три — два. мне интересно, кто победил в девятом заезде?

— это я знаю, — отмахнулся Мосс. — Космонавт Второй, семь к одному.

— а кто наездник?

— Гарза.

оба присосались к своему пиву. они еще недостаточно окосели.

— мертвечина победила, — проронил Андерсон, отдышавшись.

— сказал бы чего новенького, — отозвался Мосс.

— пожалуйста: если в ближайшее время я не дорвусь до свежей пиздытинки, то совсем с катушек съеду.

— за пиздытину всегда приходится дорого платить, лучше забудь.

— знаю. но забыть не могу. уже начинает сниться полный бредос. будто я кур ебу в жопу.

— кур? как же их можно ебать?

— не знаю, во сне получается.

они снова переключились на пиво. два давних друга, обоим за тридцать, у обоих отупляющие работы. Андерсон был женат, но потом развелся, двое детей остались с матерью. Мосс женился дважды и дважды разводился, тоже наплодил безотцовщину. дело происходило субботним вечером у Мосса на квартире.

Андерсон швырнул опустевшую бутылку по длинной дуге. она угодила в огромную мусорную корзину, заполненную пустой пивной тарой.

— ты знаешь, — заговорил он, — некоторые мужики просто не уживаются с бабами. у меня никогда с ними не ладилось. сплошняком тоска зеле-

ная, а когда заканчивается, меня как будто во все щели выебли.

— ты что, пытаешься шутить?

— да ты знаешь, о чем я: это все надираловка. трусы на полу, недоотстиранные от летнего поноса, она шагает в ванную победной поступью, а ты валяешься на кровати, как распolzшаяся квашня, таращишься в потолок и думаешь: что вся эта хренотень значит? и потом остаток вечера слушаешь ее пустопорожнюю трескотню... а ведь у меня еще есть дочь. м-да, слышь, я, наверное, ханжа или педик, ну, или что-то в этом роде, как думаешь?

— да нет, брат. я понимаю, о чем ты. мне тут припомнился один случай. как-то приятель сосватал мне бабенку, ну я и завалил к ней с пинтой и с порога отстегнул еще десятку. мы неплохо покувыркались, я не рассчитывал там на всякие духовную близость, родство душ и тэ дэ и тэ пэ. просто опростал яйца, расслабился, лежу, таращусь в потолок, жду, когда она в ванную свалит. а она пошарила под диваном, вытянула оттуда какую-то ветошь и протягивает мне, чтобы я подтерся, значит. меня чуть не вывернуло наизнанку. эта чертова тряпка аж задубела вся. но я отыграл как профи. отыскал мягкое местечко и подтерся. знаешь, пришлось изрядно постараться, чтобы отыскать свободный пятачок на той тряпице. а она потом спокойно подтерлась этой же ветошью. я тут же свалил без оглядки, так что если ты хочешь назвать это ханжеством, валяй — я ханжа.

некоторое время они сидели молча, попивая пиво.

— но не надо впадать в крайности, — заговорил Мосс.

— мм?

— встречаются и хорошие женщины.

— ммм...

— да, понимаешь, тогда все идет правильно. у меня была одна такая подружка, боже, это было как в раю. никаких покушений на твою душу и всякое такое прочее.

— ну и что же случилось?

— она умерла совсем молодой.

— хреново.

— хреново, да. я чуть до смерти тогда не упился. они снова обратились к своим бутылкам.

— как это получается? — спросил Андерсон.

— получается — что?

— что мы с тобой соглашаемся почти во всем?

— так мы же как-никак друзья, я надеюсь. дружба — это и есть совпадение предрассудков.

— Мосс и Андерсон. команда. нам бы на Бродвей.

— зал будет пуст.

— да уж.

(молчание, молчание, молчание.) затем:

— пиво становится все больше похоже на мочу.

— ага... Гарза... я с Гарзой никогда не выигрывал.

— у него невысокие ставки.

— но теперь, когда Гонсалес больше не начинающий жокей и лишился льгот, может, Гарзе и дадут лошадей получше.

— Гонсалес... у него кишка тонка. плоховато в повороты вписывается.

— да, но он зарабатывает больше, чем мы с тобой.

— ну, это неудивительно.

— да уж конечно.

Мосс бросил пивную бутылку в мусорку и промахнулся.

— я никогда не был спортсменом, — пояснил он. — господа, в школе, когда собирали команду, меня брали предпоследним. кроме меня оставался только самый последний кретин. Винчелл — так его звали.

— е-мое, и что же стало с этим Винчеллом?

— теперь президент сталепрокатной компании.

— бог ты мой!

— хочешь узнать про остальных?

— валяй.

— отличник и герой, Гарри Дженкинс, сидит в Сан-Квентине.

— блин! кого же сажают — тех или не тех?

— да всех: и тех, и не тех.

— вот ты побывал за решеткой. как там?

— да как и везде.

— в каком смысле?

— ну, в смысле, такой же социум со всеми его прибамбасами. там все делятся по своему ремеслу. аферисты никогда не будут якшаться с угонщиками, угончики с насильниками, а насильники с шишкотрясами. и вертикаль выстраивается по принципу — кто за что сел. вот, например, производитель порнухи стоит куда выше, чем, скажем, совратитель малолеток.

— ну а ты по какому принципу их делил?

— да по тому же — кто за что сел.

— ну хорошо, а в чем разница между парнем, владеющим огромным домом, и первым встречным на улице?

— парень с огромным домом — такой же лузер, только он хотя бы попытался.

— ладно, ты победил. мне нужна баба.

Мосс отлучился к холодильнику, принес еще пару бутылок пива, откупорил их и сказал:

— баба, шлюха, пиздятина... какой-то базар пятнадцатилетних щеглов. я что-то совсем уже отгорел.

не могу больше вникать во всякие там тонкости и деликатности. а некоторые мужики умеют от природы. знаешь, мне постоянно вспоминается Джимми Давенпорт. блядь, это было такое самовлюбленное говно и ничтожество, но бабы сходили по нему с ума. отвратительное и мерзкое существо. после того как выебет очередную дуру, он делал вид, что идет в ванную, а сам заглядывал в холодильник и давай ссать во что попало — в миску с салатом, в пакет с молоком. он считал, что это очень смешно. затем появлялась она, присаживалась рядышком, и ее глаза просто вылезали из орбит от любви к этому ублюдку. однажды Джимми привел меня к своей подружке домой и показал, как он это продельывает, все хотел сдружиться со мной, поэтому и открылся, иногда, кстати, и мне перепало. с тех пор я усвоил, что большинство красивых баб всегда выбирают самых отвратных мудаков и очевидных фальшивок. или я просто завидую им и мое мнение предвзято?

— ты прав, брат. бабы любят фальшивок, потому что те красиво врут.

— отлично, допустим, это так и самка производит потомство от фальшивки — разве это не противоречит закону природы: сильный спаривается с сильнейшим? что это за общество, которое допускает такое?

— законы общества и законы природы — разные вещи. у нас противоестественное общество. поэтому скоро все полетит к чертям в ад. интуитивно бабы чувствуют, что всякие подонки более живучи в нашем обществе, поэтому они и предпочитают их. родить и вырастить ребенка — больше баб ничего и не волнует.

— значит, по-твоему получается, это из-за баб мы сейчас стоим на пороге ада?

— есть такое слово — «женоненавистник».

— а Джимми Давенпорт, значит, король.

— Король Ссыкунов. пизда предала нас, их крошечные яйцеклетки лежат вокруг нас штабелями...

— называй это — женоненавистничество.

Мосс поднял бутылку пива:

— за Джимми Давенпорта!

Андерсон поднял свою:

— за Джимми Давенпорта!

они выпили до дна. Мосс притащил еще пару:

— за двух одиноких старперов, обвиняющих в этом всех баб...

— а мы ведь и вправду пара говнюков, — ответил Андерсон.

— это уж точно.

— слышь, а у тебя действительно нет на примете пары завалящих поблядушек?

— ну почему же...

— так может, попробуешь?

— ну ты и хмырь, — сказал Мосс, затем встал и поплелся к телефону.

он набрал номер и стал ждать.

— алло, Шарен? — ожил Мосс. — ох, Шарен, это Лу... Лу Мосс... помнишь? ну, вечеринка на Кателла-авеню у Бринсона... жаркая была ночка... да я понимаю, что вел себя как скотина, но ведь потом у нас все получилось, помнишь? ты всегда нравилась мне, твое лицо, знаешь, я считаю, что твое лицо — это классика. нет, всего пара-тройка пива. как там Мэри Лу? она молодчага... знаешь, ко мне тут друг приехал... что? он преподает философию в Гарварде... без шуток... нет, не пидор... да, я в курсе, что Гарвард — это юридическое заведение! но где Элоизы, там и Ебеляры. что? «шевроле» шестьдесят пятого... да, только что выплатил последний взнос... когда? а у тебя сохранилось то зеленое платье с таким крученым пояском, свисающим до попки? да я не потешаюсь, действительно очень сексуально... и красиво. я постоянно думаю о тебе и о курицах. шутка, шутка... ну так как насчет Мэри Лу? отлично, здорово. только предупреди ее, что это очень вежливый тип. умный, скромный и все такое... о, это мой дальний родственник, кузен... из Мэриленда... что? да господи, у меня мощная и влиятельная семья!.. серьезно? да не смей меня. короче, он приехал, закончил свои дела и сегодня свободен. нет, естественно, он не женат! ну поче-

му я вру? нет, все это время я думал о тебе — этот ниспадающий пояс, — я понимаю, что сейчас скажу банальность, но это класс. ты — высший класс. что шумит? радио и калорифер. сходить куда-нибудь на Стрипе? да ну, там одни пацаны желторотые кучкуются. может, лучше просто прихватчу банку с собой? ладно, извини. нет, когда это я называл тебя старухой?... господи, ну ты же знаешь меня и мой поганый язык... нет, я позвонил бы, но меня отправили из города. сколько ему лет? тридцать два, но выглядит он моложе. получил какой-то грант, скоро летит в Европу. преподавать в Гейдельберге. да кроме шуток... так, через сколько? отлично, Шарен. увидимся, сладенькая.

Мосс повесил трубку, сел и подхватил свое пиво.

— у нас в запасе один час свободы, профессор.

— час?

— час. они должны еще попудрить свои киски и все такое. сам знаешь, как это делается.

— за Джимми Давенпорта! — сказал профессор из Гарварда.

— за Джимми Давенпорта! — поддержал его оператор вырубного прессы.

они выпили до дна.

завзвонил телефон.

он сидел на полу на ковре. дернув за шнур, он стащил с тумбочки аппарат и снял трубку.

— алло?

— Маккаллер!

— оу?

— прошло уже три дня.

— с чего?

— с тех пор, как вы последний раз были на работе!

— я строю лейденскую банку.

— чего-чего?

— прибор для хранения статического электричества, придуманный Канеусом в Лейдене в тысяча семьсот сорок шестом.

он положил трубку и отшвырнул телефон, аппарат развалился. он прикончил очередную порцию пива и отправился просратья. обратно он вернулся, напевая:

— ля-ля! ля-ля-ля-ля! ля-ля-ля-ля!

уж очень ему нравился Херб А. и его «Т. Брасс», господи, что за мрачная меланхолия!

— ра-да! ра-да! ра-да-да-да!

он сел на ковер рядом со своей дочерью трех с половиной лет и пукнул.

— эй! ты ПУКАЕШЬ! — воскликнула малышка.

— я ПУКАЮ! — подтвердил он. оба посмеялись.

— Фред? — обратилась девочка.

— оу?

— а я что-то хочу сказать.

— валяй.

— у мамы из попы достают какашки.

— да ну?

— да, всякие мужики засовывают ей в попу пальцы и выковыривают оттуда какашки.

— ну зачем ты это говоришь? ты же знаешь, что этого не было.

— нет, было, было! я сама видела!

— принеси мне пива.

— ладно.

девочка выбежала из комнаты.

— ра-да, — запел Фред. — ра-да-да-да! ра! РА!

дочь вернулась с пивом.

— дорогуша, а я тоже хочу тебе что-то сказать.

— давай.

— сейчас боль почти всеобъемлющая, когда она созреет до конца, я уже не смогу жить дальше.

— а почему ты не такой синий, как я?

— да я уже синий.

— нет, почему ты не такой синий, как я и цветы?

— ну, я буду стараться.

— давай станцуем под «Человека из Ламанчи», — попросила девочка.

он поставил «Человека из Ламанчи», и они пустились в пляс. он под шесть футов высотой, она в треть или даже в четверть от его роста. танцевали они порознь, кто во что горазд, и были очень серьезные, лишь изредка хохотали.

песня закончилась.

— Марти меня шлепнул, — сказала девочка.

— что?

— да, Марти и мама обнимались и целовались на кухне, а мне пить захотелось, я попросила Марти налить мне воды, а он не налил, тогда я заплакала, а он меня отшлепал.

— принеси мне пива!

— пива! пива!

он встал, прошелся по комнате, поднял телефон и повесил трубку, аппарат тут же зазвонил. он поднял трубку.

— мистер Маккаллер?

— оу?

— ваша автостраховка истекла, новая будет стоить двести сорок восемь долларов за год, оплатить вы должны заранее. у вас имеется три нарушения правил дорожного движения, каждое нарушение приравнивается к дорожно-транспортному происшествию...

— брехня собачья!

— что?

— за аварии платите вы, за так называемые нарушения плачу я, но эти парни на своих мотоциклах, которые защищают нас от нас же самих, должны в день выписать от шестнадцати до тридцати штрафных квитанций, чтобы оплачивать себе дома, новые машины, одевать и обвешивать побрякушками своих женушек, так что не впаривайте мне всякую чушь. я больше не езжу, а машину столкнул с пирса вчера ночью. одно только жалко.

— что это значит?

— это значит, что жалко, я не остался в этой ебаной машине, когда она пошла ко дну.

Маккаллер повесил трубку и принял от дочурки пиво.

— малышка, — сказал он, — возможно, в твоей жизни будет больше хорошего, чем в моей.

— я люблю тебя, Фредди, — сказала девчушка и обхватила папу, правда, ее коротенькие ручки не сошлись кольцом. — я раздавлю тебя! я люблю тебя! и раздавлю!

— я тебя тоже люблю, малышка! — отозвался Фредди и тоже обнял свою дочь.

девочка засияла вся, и если бы она была котенком, то наверняка замурлыкала бы.

— что за смешной мир, — пробормотал он. — у нас есть все, но мы не можем ничем воспользоваться.

они расселись на полу и принялись играть в игру под названием «Построй город». возник небольшой спор насчет железной дороги — на предмет того, как и кто мог ею пользоваться.

но тут в дверь позвонили, Маккаллер встал и открыл.

увидев входящих, дочь воскликнула:

— мама! Марти!

— собирай свои вещи, дорогуша, пора уходить.

— я хочу остаться с Фредди!

— я сказала, собирайся!

— но я хочу остаться!

— больше я повторять не буду! собирайся, или я надеру тебе задницу!

— Фредди, скажи ей, что я останусь!

— она хочет остаться.

— ты опять пьян, Фредди. я же просила тебя не пить при ребенке!

— ну, ты тоже пьяная!

— хватит, Фредди, — вмешался Марти и закурил. — и вообще, ты мне не нравишься. Я всегда думал, что ты наполовину педик.

— спасибо, что высказался на мой счет.

— просто не называй ее пьяной, Фредди, а не то я надеру задницу тебе...

— момент, я тебе что-то покажу, — перебил его Фредди и шмыгнул на кухню.

вернулся Фредди, напевая:

— Ра-да! Ра-да! Ра-да-да-да!

Марти увидел в руке Фредди кухонный нож.

— думаешь, эта штука тебе поможет, Фредди?
да я затолкаю его тебе в жопу.

— без сомнения, только вот послушай. мне позвонила одна мадам из телефонной компании и сказала, что, раз я не оплатил последние счета, мой телефон будет отключен. я ответил, что не прочь был бы ее выебать, но она повесила трубку.

— ты это к чему?

— а к тому, что я тоже могу отключить, кого захочу.

Фредди действовал молниеносно, его быстрота была почти фантастической. кухонный нож скользнул четыре или пять раз по горлу Марти, прежде чем тот повалился на спину и скатился по ступеням.

— господи... не убивай меня, пожалуйста, не убивай.

Фредди вернулся в комнату, бросил нож в камин и снова сел за игру. дочь опустилась рядом.

— теперь мы сможем доиграть.

— это точно.

— машинам нельзя ездить по железной дороге.

— нет, черт побери, нельзя. полиция нас сразу арестует.

— а мы же не хотим, чтобы нас арестовала полиция, правда?

— угу...

— а из Марти это все кровь течет, да?

— конечно.

— это мы из нее сделаны?

— ну, большей частью.

— большей частью чего?

— ну, большей частью из крови, костей и боли.

они сидели на ковре и играли в игру под названием «Построй город». снаружи раздавались сирены — «скорой помощи» (слишком поздно) и трех патрульных машин. к Марти подошел белый кот, повел носом и отскочил прочь. на подошву левого ботинка убитого заполз муравей.

— Фредди?

— что?

— я хочу тебе что-то сказать.

— валяй.

— к маме в попу лазают пальцами всякие мужики и выковыривают оттуда какашки...

— ладно, я тебе верю.

— а где сейчас мама?

— не знаю.

а мама металась по улице, исповедуясь всем подряд — продавцам газет, служащим лавок, барменам и просто сумасшедшим бродягам, садистам и мотоциклистам, отставным морякам и наркоманам, сутенерам и шлюхам, читателям Мэтта Вайнстока и т. д. и т. п. а небеса были голубыми-голубыми, и в пекарнях упаковывали свежеевыпеченный хлеб — и впервые за многие годы мамины глаза прояснились и ожили и стали просто прекрасными. а вот смерть выглядела по-настоящему скучной, просто тоска зеленая. и никто — ни тигры, ни муравьи — никогда не узнает, почему это так, и даже персик в один прекрасный день возопит.

все реки со временем выходят из берегов, однако это тяжелое испытание, учителя лупят вас линейками, а черви жрут зерно; вот на треноги устанавливаются пулеметы и животы белые, животы черные, животы есть животы. людей бьют просто за ради битья; в судах все решения известны заранее, а процедура — не более чем водевиль. людей вызывают на допрос, а с допроса выходят уже не люди, если выходят вовсе. некоторые надеются на революцию, но когда вы совершаете переворот и сажаете новое правительство, то обнаруживаете, что это все тот же старый Папаша, который просто сменил картонную маску. чикагские боссы явно ошиблись, дав по шапке своим воротилам от прессы, этот удар по башке может спровоцировать мыслительные процессы, а большая пресса — ну, кроме «Нью-Йорк таймс» в лучшие времена и некоторых изданий «Крисчен сайнс монитор» — прекратила думать еще с объявления Первой мировой войны. можно разорить «Открытый город» за публикацию обыденной части человеческого тела, но когда вы даете под зад автору передовицы газеты с миллионным тиражом, следует быть готовым к тому, что он начнет писать правду не только о том, что творится в Чикаго, но и в других городах и весях, и к черту рекламу. может, он напишет лишь одну колонку, но эта колонка заставит миллион читателей задуматься — для разнообразия, — и никто не может сказать, к чему это приведет. но гайки затягивают все туже: когда вам предлагают выбирать между Никсоном и Хамфри, это все равно что выбирать, какое дерьмо жрать — холодное или теплое.

публичный оратор, а как писатель; он погиб еще задолго до автокатастрофы.

многие мои знакомые просто недоумевают, когда на их вопрос: «Буковски, а ты почему не устраиваешь поэтические чтения?» — я отвечаю: «нет».

итак — у нас есть Чикаго, есть Прага, но изменений — ноль. пока мальчик маленький, его лупят, но когда он вырастет (если вырастет), то уже сам захочет надрать кому-нибудь задницу. я бы скорее предпочел видеть президентом Кливера, чем Никсона, но это ничего не решает. эти хреновы революционеры, что толкутся у меня на хате, пьют мое пиво, жрут мою еду и похваляются своими бабами, должны усвоить одну вещь — настоящие изменения рождаются изнутри. нельзя просто дать человеку новое правительство, как новую шляпу, и ожидать, что шляпа изменит сущность человека. нет, человек не собирается отказываться от своих трусливых наклонностей, полное брюхо и коллекция пластинок Диззи Гиллеспи ничего не изменят. многие божатся, что грядет революция, но не хотелось бы видеть, как все они погибнут ни за что ни про что. то есть можно перебить кучу народу без малейшего проку, но несколько хороших людей наверняка погибнут. и что в итоге: новое правительство НАД народом. новый диктатор в овечьей шкуре; идеология была поводом спустить курок.

недавно вечером один парнишка сказал мне (он сидел на ковре и выглядел очень одухотворенным и красивым):

— я собираюсь заткнуть все канализационные трубы. тогда город будет плавать в параше!

зачем? паренек и так наговорил мне столько говна, что хватило бы похоронить под ним весь Л.-А. и округу вплоть до Пасадины.

потом он спросил:

— а есть еще пиво, Буковски?

его шлюха сидела, скрестив ноги, и семафорила мне свежими ляжками в розовых колготках. так что я встал и подал пацану пиво.

знаете, революция звучит очень романтично. но на деле это кровь, жестокость и безумие; революция — это когда гибнут желторотики, случайно попавшие под руку, не врубающиеся, что за хуйня творится вокруг; революция — это когда вашей телке или вашей жене пропорют брюхо штыком, а потом будут насиловать в жопу на ваших глазах; революция — это когда люди, только что ржавшие над мультиками про Микки-Мауса, начинают пытаться себе подобных. перед тем как решиться на все это, подумайте, где ваша душа сейчас и где она будет, когда вы пройдете через все это. я не вторю Досу — ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ, — что человек не имеет права отбирать жизнь другого человека. но именно об этом стоит задуматься в первую очередь. конечно, бесит, что они забирают наши жизни, не израсходовав ни одной пули. я тоже вкалывал за гроши, пока какой-нибудь пужан насиловал четырнадцатилетних девственниц в Беверли-Хиллз. я видел, как увольняли людей только за то, что они задержались в туалете на пять минут. я видел такое, о чем и говорить не хочется. но прежде чем изничтожить что-нибудь, следует убедиться, что у вас есть на замену что-нибудь

получше, а не политический авантюрист, разжигающий ненависть в публичном парке. если уж вынуждены платить бешеную цену, то добивайтесь большего, чем трехлетняя гарантия. но пока я не видел ничего, кроме эмоциональной и романтической страсти к Революции; я не вижу ни серьезного лидера, ни реалистичной платформы для страховки от предательства, которое, как показывает история, всегда следует за революцией. если уж я готов убить человека, то не желаю видеть на его месте точную копию. мы разбазарили историю, как пьяные бомжи, что режутся в кости в мужском туалете местного бара. мне стыдно принадлежать к роду людскому, и я не хочу усугублять это чувство стыда, я хочу хоть немного освободиться от него.

одно дело рассуждать о Революции, когда у тебя в брюхе плещется чужое пиво и ты путешествуешь с шестнадцатилетней беглянкой из Гранд-Рэпидс; или когда трое всемирно известных писателей-обалдуев увлекают тебя плясками в ООООООММММ-МММММ-игру. и совсем другое дело провоцировать Революцию, совсем другое дело сама Революция. Париж 1870–1871 гг., 20 000 трупов на улицах города, улицы словно политы кровавым дождем, улицы кишат крысами, пожирающими тела, а оставшиеся в живых голодают, они подавлены, они уже не понимают, что это все значит, и они идут на улицы, они собирают крыс по трупам и едят их. ну и где Париж сегодня? что сегодня — Париж? а мой приятель собирается добавить к этому и свою кучу дерьма, и при этом он улыбается. ему двадцать, и читает он в основном

поэзию. а поэзия всего лишь мокрая тряпка в тазике для мытья посуды.

теперь дурь. они всегда отождествляют дурь с Революцией. но дурь попросту не так уж и хороша. черт возьми, да если бы дурь легализовать, половина пыхачей бросили бы курить. сухой закон породил больше алкоголиков, чем бабушкины бородавки. как только вам что-нибудь запрещают, вам тут же хочется это сделать. а кто захочет трахать собственную жену каждый день? или, коли уж на то пошло, даже раз в неделю?

есть много чего, что я бы хотел сделать. во-первых, я бы не допускал на президентские выборы кандидатов с безобразными рожами. затем я бы изменил музеи. нет ничего более удручающего и более вонючего, чем музеи. для меня навсегда останется загадкой, почему частота приставаний к трехлетним девочкам на ступеньках музеев не растет. перво-наперво я бы открыл как минимум по одному бару на каждом этаже; выручки оттуда хватило бы на зарплату всем служащим да еще оставалось бы на реставрацию картин и восстановление разваливающегося саблезубого тигра, чья жопа уже больше похожа на бильярдную лузу. плюс я бы разместил на одном этаже рок-группу, на другом свинг-группу, а на третьем симфонический оркестр и запустил бы три-четыре красотки, чтобы просто фланировали и выглядели на все сто. вы не способны ничего усвоить или даже просто увидеть, пока не расшевелитесь. большинство людей смотрят на этого саблезубого за стеклом и бредут себе дальше, немного конфузясь и немного скучая.

нетрудно же вообразить такую картину: парень со своей женой разгуливают по музею с пивком, и вот они останавливаются возле тигра, и он говорит:

— черт, глянь на его бивни, почти как у слона, а?

а она ему:

— милый, пойдем лучше домой и займемся любовью!

тогда он ей:

— да ну в жопу! мне еще надо спуститься в подвал и посмотреть «Спад» семнадцатого года. говорят, на нем летал сам Эдди Рикенбекер. Семнадцать гансов завалил. да еще я слышал, сегодня «Пинк фloyd» здесь играет.

но революционеры собираются сжечь музеи. они полагают, что огонь разрешит все проблемы человечества. они готовы и собственную бабушку сжечь, если она уже не так шустро двигается. а потом они начнут искать воду, или кого-нибудь, кто может удалить аппендицит, или того, кто сможет охранять их от маньяков, чтобы те не перерезали им горло во время сна. по ходу они выяснят, сколько крыс проживает в городе, не людей-крыс, а крыс-крыс. и тогда они поймут, что последние, кто тонут, сгорают или подыхают с голоду, — это крысы; что крысы первые находят себе воду и пропитание, потому что они веками занимаются этим без всякой посторонней помощи. крысы истинные революционеры, крысы настоящие подпольщики. но они не покушаются на вашу задницу, ну если только прикусят, и к тому же они совсем не интересуются OOOOO MMMM.

я не призываю разувериться и опустить руки. я за любое проявление истинного человеческого духа, где бы оно ни скрывалось и какого бы ни было сорта. но бойтесь этих велеречивых ковбоев, которые бросят вас на площади перед четырьмя крепкими полицейскими и восьмью-девятью парнями из Национальной гвардии, и тогда вам придется рассчитывать только на собственную кишку. а эти крикуны в городских парках, призывающие вас жертвовать собой, обычно уже очень далеко, когда на улицах начинается стрельба, ведь они хотят жить, хотят написать мемуары.

я вот вспоминаю, как посещал что-то типа религиозных проповедей. не большие церковные, те сплошная тягомотина. все дохли от скуки, включая проповедника. а это происходило в небольших цокольных помещениях, внутри все было выкрашено в белый цвет. черт, вот уж кто был горазд трендеть. обычно я приходил вдрызг пьяный, просто сидел и смотрел. а что оставалось, если в барах мне уже не наливали. только топать домой и там гонять лысого. а Лос-Анджелес был впереди всех городов по части религиозной промывки мозгов, за ним уже шли Нью-Йорк и Филадельфия. эти проповедники были просто художниками своего дела. я еле сдерживался, чтобы не кататься по полу вместе со всеми. большинство из них с красными похмельными глазами, им всегда не хватало бабла, чтобы похмелиться или, может, ширнуться, черт, я не знаю.

да, они здорово меня заводили, хотя я приходил промерзший до костей и совершенно измотанный. это было получше, чем подцепить злобучую шала-

ву, несмотря на то что я и не кончал со всеми на полу. мне бы хотелось поблагодарить этих чуваков, большинство из них были негритосы, ох, простите, чернокожие, за те забавные вечера. думаю, я бы мог позаимствовать у них что-нибудь и для своей поэтической писанины.

но сейчас это дело тоже зачихло. Бог не платит вместо них за жилье и не подгоняет бутылочку вина, как бы они ни голосили и ни пачкали свою последнюю чистую одежду, катаясь по полу. Бог сказал — ЖДИТЕ, но ЖДАТЬ тяжело, когда в животе пусто, а на душе тоска и вряд ли протянешь до 55 годков, к тому же последний раз Господь являлся почти 2000 лет назад, продемонстрировал несколько дешевых ярмарочных фокусов, позволил евреям ошельмовать себя и покинул подмости. человек настрадался до жопы. у него такие проблемы с зубами, что пиздец, или с одной и той же бабой в одной и той же комнатенке.

религиозные горе-глашатаи смешиваются с революционными горе-проповедниками, и вот вы уже не можете отличить шоколадку от какашки, братишки. вообразите это себе, и вы поймете первопричину. слушайте их осторожно, и вы ухватите истоки. проглотите все махом, и вы мертвец. Бог слез с древа, увел змия и отобрал рай, теперь на том древе сидит Карл Маркс и швыряется золотыми яблочками, обычно вымазанный жженой пробкой.

если существует борьба, а я верю, что существует, всегда существовала, то именно она породила Ван Гогов и Малеров, а также и Диззи Гиллеспи и Чарли Паркероу, так что, пожалуйста, поосто-

рожней со своими лидерами, в ваших рядах немало таких, кто желал бы видеть себя президентом «Дженерал моторс», а не поджигать бензоколонку «Шелл» за углом, но так как первого им не светит, они довольствуются вторым. испокон веков в людях сидят крысы, поэтому мы там, где мы есть. поэтому и Дубчек возвращается из Союза уже получеловеком, боясь духовной смерти. но человеку все же придется усвоить, что лучше уж умереть, когда ему медленно и методично отрезают яйца, чем жить как-то иначе. чушь? не больше чушь, чем величайшее чудо! если вы попались в ловушку, обязательно постарайтесь понять, что именно вам всучивают, иначе душе не удержаться. Казанова задирали юбки дам, когда на королевском дворе четвертовали подданных; но и он умер обычным дряхлым старикашкой с громадным членом, длинным языком и никакой волей. сказать, что он здорово жил, — бесспорно; сказать, что я плюну на его могилу без всяких сожалений, — говно вопрос. наши дамы выискивают самых отъявленных кретинов, каких только можно отыскать среди мужиков. вот почему род людской попал так, как попал: мы плодим смышленных и настырных казановчиков, сплошь пустотелых, как шоколадные зайцы, которых мы всучиваем на Пасху нашим бедным детям. гнездилище художников, как и гнездилище революционеров, кишит завшивленными уродами, которые ищут утешения в кока-коле, поскольку не могут ни устроиться мыть посуду, ни писать, как Сезанн. если вы не подходите под стандарт, остается только молиться или работать над новым стан-

дартом. а когда вы обнаружите, что и этот новый вас не принимает, то почему бы не взяться за другой? и все по-своему довольны.

угу, даже в мои почтенные года я очень доволен жить именно в это время. ПРОСТО МАЛЕНЬКОМУ ЧЕЛОВЕКУ НАДОЕЛО ПОСТОЯННО ХЛЕБАТЬ ДЕРЬМО. такое случается повсюду. будь то Прага, Уоттс, Венгрия или Вьетнам. дело не в форме правления. просто Человек против правления как такового. Человека уже не получается дурачить белым Рождеством с голосом Бинга Кросби и крашеными пасхальными яйцами, которые необходимо прятать от детей, а те должны изрядно ПОТРУДИТЬСЯ, ЧТОБЫ ОТЫСКАТЬ ИХ. от лиц будущих президентов Америки на телеэкранах нас уже тошнит, и мы бежим в ванную блевать.

мне нравится это время. нравятся эти ощущения. в конце концов, молодежь начала думать. думающей молодежи становится все больше и больше. но как только у них появляется предводитель, его убивают. старики и окопавшиеся напуганы. они понимают, что революция может произойти традиционным американским путем — через выборы. мы можем опрокинуть их без единого выстрела. мы можем уничтожить их, обретая себя самих и становясь человечнее, мы просто не будем голосовать за всякое дерьмо. но они умны и находчивы. что они предлагают нам? Хамфри или Никсона. как я уже сказал, что холодное говно, что горячее, все равно — говно.

единственное, почему меня до сих пор не прикончили, это потому, что я слишком мелкая со-

шка. я не политический деятель, я — созерцатель. у меня нет сторонников, кроме одного — человеческого духа, что, признаться, звучит довольно мелко, будто я что-то втюхиваю, но речь-то главным образом о моем духе, а значит, и о вашем, ибо если я не воистину жив, как же я могу видеть вас?

народ, я хотел бы видеть на каждом мужике пару отличной обуви и чтобы он имел шикарную чувиху и жрал от пуза. черт, последний раз мне удалось перепихнуться в 1966 году, с тех пор я усердно гоняю лысого. а суходрочка не идет ни в какое сравнение с живой чудо-дырой.

сейчас суровые времена, братишки. и я в точности не знаю, что вам сказать. я белый, но должен согласиться — хреновато держится краска, — это слишком легко, а мне претит любое жидкое дерьмо, но и среди чернокожих братьев я встречал много таких, от общения с которыми потом блевал всю дорогу от Венис-Вест до Майами-Бич. у Души нет кожи; Душа — это сплошное нутро, которое желает ПЕТЬ, разве вы не слышите наконец ее пение, братья? тише, прислушайтесь, разве вы не слышите, братья? чумовая чувиха и новый кадиллак не есть то, чем ограничивается человеческое существо. морячок Попай станет одноглазым, а Никсон — нашим следующим президентом. Христос соскочил с креста, и теперь мы пригвождены к этому ебаному миру, черные и белые, белые и черные, накрепко.

наш выбор — почти никакого выбора. если мы слишком поспешим, то погибнем. если замешкаемся — снова смерть. это не наша колода карт. как

можно просрать, если у нас в жопе сидит христианская пробка длиной в 2000 футов?

зарубите себе на носу, не читайте Маркса. редкостное дерьмо. изучайте дух. Маркс — это лишь танки на улицах Праги. не скатитесь на эту дорожку, пожалуйста. перво-наперво почитайте Селина, лучший писатель последних двух тысячелетий, туда же и «Посторонний» Камю. «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», весь Кафка. все книги неизвестного писателя Джона Фанте. рассказы Тургенева. избегайте Фолкнера, сторонитесь Шекспира и бойтесь Джорджа Бернарда Шоу — самый огромный мыльный пузырь нашей эпохи. поистине виртуозное дерьмо с невероятными политическими и литературными связями. из молодых разве что Хемингуэй имел перед собой такую же вымощенную дорожку и так же лизал жопу по первому свистку, но разница между Хемингуэем и Шоу в том, что Хэм написал несколько отличных вещей на старте, а Шоу всю жизнь кропал совершенно бессмысленные и глупые мили писанины.

итак, мы здесь смешиваем Революцию с Литературой, и отторжения нет. все каким-то образом сочетается. но я утомился и жду завтрашнего дня.

Человека ли увижу на пороге?

да кого ебет?

надеюсь, вы расплескали свой утренний чай.

что, так вот оно и заканчивается? всюду смерть? дешевка. сплошной плагиат. отвратительно — словно недожаренный гамбургер, забытый и протухший на плите.

он блевнул прямо себе на грудь, не в силах даже шевельнуться.

никогда не мешайте колеса с виски, ребята, это вам не шутки.

он чувствовал, как душа покидает его тело, он явственно видел, как она повисла, словно кошка, вверх тормашками, уцепившись лапами за пружины матраса.

«блядь, ну-ка, назад!» — приказал он своей душе.

душа рассмеялась: «ты слишком долго третировал меня, красавчик, и теперь получил то, что заслужил».

было около трех утра.

то, что он уходил, не беспокоило его, волновало то, что оставалось — незавершенное, потерянное, — четырехлетняя дочурка в колонии хиппи где-то в Аризоне, носки, трусы, разбросанные по полу, грязная посуда в раковине, невыплаченный кредит на автомобиль, счета за газ, счета за свет, счета за телефон; он наследил почти в каждом штате страны, оставил частичку себя в неподмытых пиздах полусотни шлюх, его присутствие хранили чердаки и подвалы, пустыри, католические богадельни, тюремные камеры, пароходы, шалаши и канализационные люки; частицы его застряли в сломанных будильниках и изодранных ботинках, брошенных женщинах и оставленных друзьях...

это было печально, ох как это было печально...

его снова вырывало. он лежал не двигаясь, до его слуха доносился гомон сверчков, только лишь одно верещанье голливудских сверчков в кустах вдоль

бульвара Сансет. жизнерадостные песни сверчков — это все, что у него оставалось.

«я все просрал, Господи, все просрал», — думал он.

«да, брат, ты все просрал», — поддакнула душа.

«но я хочу еще увидеть мою маленькую дочурку», — обратился он к душе.

«дочурку? ты не художник! ты не мужчина! ты тряпка!»

«я тряпка, — согласился он, — ты права. я тряпка».

никакое лечение уже не помогало. организм отторгал все: пиво, колеса, дурь, любовь, пустые разговоры, посторонние звуки — остались только песни сверчков, ни надежды, ни даже спичек под рукой, чтобы подпалить эту гребаную халабуду, одни сверчки.

ему стало еще хуже.

в башке постоянно звучала одна и та же песенная фраза: «осторожней, мистер Деловар, берегите навар...»

и ничего больше. один и тот же кусок по кругу.

«осторожней, мистер Деловар,
берегите навар...»

«осторожней, мистер...»

«осторожней...»

ему стоило огромных усилий, чтобы сквозь это безумие (кто выдует блюз? да никто) дотянуться и включить светильник над головой, простую голую лампочку, абажур давно расколотен (кто выдует блюз?). огромная тень растянулась по комнате. он

поднял открытку, которую обнаружил в почтовом ящике еще несколько дней назад, и прочитал:

«дружище! кланяемся тебе, залитые немецким пивом и шнапсом по самые гланды, с витражным приветом...»

неряшливый и слезливый почерк одного из этих жирных юнцов, которые счастливо бултыхаются по жизни, не нуждаясь ни в остроте ума, ни в безрассудной отваге.

дальше сообщалось о скором отъезде в Англию, сетования на то, что стихи писать некогда, слишком много визитов и гулянок, слишком много соблазнов для его залупы...

«...мы считаем тебя величайшим поэтом со времен Элиота...»

и под всем этим подпись профессора и его любимчика студента.

всего лишь после Элиота? что за подачка? он учил этих говнюков писать живую, кровоточащую поэзию, и теперь они куролесят по Европе, а он поддыхает в одиночестве в трущобах Голливуда.

«осторожней, мистер Деловар...»

он бросил открытку на пол, это уже не имеет никакого значения, вот если бы он смог ощутить чуточку настоящего сострадания к себе, или пережить какую-никакую ярость, или хотя бы загореться никудышной жаждой отмщения, тогда бы это спасло его. но уже давно внутри у него все пересохло и осталась лишь одна немощь.

два года назад в его дверь стали тарабанить профессора от словесности. они пытались выяснить, откуда что берется, а ему нечего было сказать им.

профессора были похожи друг на друга — довольно вежливые, совершенно невозмутимые и женоподобные — с нескладными длинными ногами, с распахнутыми окнами глаз и, в конце концов, довольно тупые. их визиты осточертели ему. ну ни дать ни взять толстолобые сановники в эпоху перемени, которые, подобно идиотам в кондитерской лавке, не желают видеть горящие стены, их интересуют только сладости. их лакомством был разум.

...держиcь за интеллект, держиcь за интеллект, держиcь за интеллект...

«осторожней, мистер Деловар...»

а он, господи, он был тряпкой, несмотря на все его крутые стишки. он разыгрывал из себя крутого парня всю жизнь, а на самом деле был тряпкой, как все, впрочем. вся крутизна — лишь прикрытие от слабости, какой нелепый мудацкий трюк.

он понял, что должен подняться с постели. это удалось ему с трудом. он тащился по коридору и блевал, рвота выходила бледно-желто-зеленой с кровью, его бросало то в жар, то в озноб, в жар, в озноб, ноги раздулись, как у резинового слона — бух, бух, бух, — а взгляд (он вдруг подмигнул кому-то) умоляющий и затравленный взгляд Конфуция на его последний глоток.

выдует блюз.

он добрался до гостиной, думая,

как хорошо, что он снял эту квартирку, и снова услышал:

«осторожней, мистер Деловар...»

он попытался сесть на стул, промахнулся и шлепнулся на жесткий пол. рассмеялся, затем посмотрел на телефон.

вот так уходит одиночка: одинокая смерть, смерть в одиночку.

к этому одиночка должен быть готов заблаговременно.

здесь мне не помогут ни стихи, ни женщины, которых я поимел, ни тем более женщины, которых я не имел. мне нужен кто-то, кто бы выдул весь этот блюз, развеял тоску. необходим тот, кто скажет: «я все понимаю, парень, давай возьми себя в руки и умри».

он смотрел на телефон и думал, он размышлял, кому бы он мог позвонить, чтобы тот выдул ему блюз, сказал бы эти простые слова. он перебрал в уме всех, кого знал из миллиардов, одного за другим, всех, кого знал, а потом подумал, что время еще очень раннее, не совсем подходящее время умирать, и что это нехорошо — будить людей так рано, они подумают, что он просто юродствует, что просто нажрался пьян и теперь устраивает клоунладу или просто свихнулся, и он не мог осуждать их за это — все мы замкнуты, задрочены, запуганы, все в своей маленькой камере-одиночке, осторожней, мистер Деловар...

— еб твою мать!

да уж, всем играм игра, знатный придумщик ее придумал. назовем его Богом, Ему должно было прилететь в лобешник, но Он так и не появился, на прицел не попал. Эпоха Убийц упустила Самую Главную Шишку. раньше они чуть не оприходовали Сына, но Он в последний момент слинял, пришлось нам так дальше и ковылять, оскальзываясь в ванной на кафеле. Дух Святой так и не появился,

расслабился и ну надрачивать. самый умный из всех троих.

«если б я только мог позвонить моей дочурке, я бы умер покойно», — подумал он.

из спальни вышла душа, она несла пустую банку из-под пива и вопила: «эх ты, тряпка, слюняй ебаный! да твоя маленькая дочь шляется по хипповской коммуне, пока ее мать натирает яйца всяким идиотам! так-то вот, Одиночка, мудло ссыкливое!»

«...тебе нужна любовь, нужна любовь, она будет с тобой, мой друг, когда тебе придет каюк!»

мне каюк?

да, Великая и Неумолимая Леди Смерть...

он рассмеялся, замолк, потом снова расхохотался, его вырвало, в этот раз почти одной кровью. он забыл про телефон и отправился на кушетку.

«...тебе нужна любовь, нужна любовь...»

«ну, слава богу, — думал он, — хоть пластинку сменили».

подыхать было не так уж легко, как это он себе представлял. повсюду лоснилась его извергнутая кровь, шторы опущены, за шторами люди спешат на работу. ворочаясь на кушетке, он как будто увидел перед собой книжную полку, заставленную томиками его стихов. и он понял, что проиграл, ему не дотянуться не только до Элиота, но и до вчерашнего утра; он все просрал, он оказался еще одной обезьяной, сигающей с ветки дерева прямиком тигру в пасть, и это было печально, но всего лишь на одно весьма короткое мгновение.

нет, все правильно, и не надо выдувать блюз. Сачмо, иди домой. Шостакович, в своей Пятой, перестань. Петр III, тебя женили на психованной сопрано с морщинами под глазами, на старой лесбиянке, когда ты еще и мужчиной-то не был, расслабься. Мы все были обольщены огнем, и все мы облажались как хуесосы, артисты, художники, доктора, сутенеры, «зеленые береты», судомои, дантисты, циркачи и сборщики фруктов.

каждый пригвожден к своему собственному кресту.

...выдуй блюз...

«тебе нужна любовь, нужна любовь...»

он снова поднялся и попытался открыть шторы, чертовы тряпки сгнили напрочь, от легкого прикосновения затрещали, порвались и рухнули на пол.

блядское солнце жарило как обычно и, как обычно, плодило повсюду цветы и юных девушек.

он стоял и смотрел на людей, которые спешили на работу, ничего нового он не познал.

необеспеченные знания — то же самое, что и обеспеченное невежество. превосходство — это миф.

он позволил себе расположиться на хозяйском диване, сейчас это был его диван.

столько трепыханий — а толку ноль.

и он умер.

тщедушный портной был совершенно счастлив. он сидел и шил. когда в дверь позвонили, портной занервничал.

— простокваша, я продаю простоквашу, — сказала женщина портному.

— убирайся, от тебя воняет, — ответил он, — не нужна мне твоя гребаная простокваша!

— фу-у-у-у-у! — отшатнулась молочница. — да это у тебя в квартире смердит! ты что, никогда мусор не выбрасываешь? — и она убежала прочь.

тогда-то портной и вспомнил о трех трупах. один валялся на кухне, возле плиты. второй был подвешен за ворот в платяном шкафу, он так и стоял там — окоченевший, прямой. третий сидел в ванне, над краем виднелась только его голова. что было действительно плохо, так это мухи. казалось, что мухи просто счастливы от такого количества трупов, они были опьянены трупами, а когда портняжка пытался бороться с ними, они очень сердились. да он никогда не слышал, чтобы мухи жужжали так злобно, они даже нападали на него, кусали, и ему пришлось оставить их в покое.

он снова сел за шитье, но в дверь опять позвонили. «похоже, я никогда не закончу свою работу», — подумал портной.

за дверью оказался его кореш — Гарри.

— привет, Гарри.

— привет, Джек. Гарри вошел.

— что это воняет?

— трупы.

— трупы? шутишь, да?

— нет, посмотри сам.

Гарри нашел их по запаху: одного на кухне, другого в шкафу, третьего в ванной.

— зачем ты убил их? ты что, рехнулся? что ты дальше собираешься делать? почему ты их не спря-тал, не избавился от них? у тебя крыша съехала?

почему ты их прикончил? почему не позвонил в полицию? мозги-то у тебя есть? господи, какая вонь!

послушай, мужик, не приближайся ко мне! что ты задумал? что происходит? ффу-у-у-у! вонь! меня тошнит!

Джек взялся за шитье. он просто шил, строчил, строчил и строчил, словно пытался спрятаться.

— Джек, я звоню в полицию.

Гарри подошел к телефону, но его задушила тошнота, он бросился в ванную и проблевался в унитаз, рядом с ним торчала из ванны голова трупа.

Гарри вернулся в комнату, снял трубку и обнаружил, что, если вытащить микрофон, трубка подойдет для суходрочки. он расстегнулся, сунул внутрь член, попробовал и понял, что это здорово, очень здорово. скоро он кончил, повесил трубку, застегнулся и сел напротив Джека.

— Джек, ты сумасшедший?

— Бекки тоже говорит, что я чокнутый, она даже грозилась, что сдаст меня.

Бекки — это дочь Джека.

— она знает про трупы?

— еще нет. она в Нью-Йорке в командировке, торговый агент одного из этих больших универмагов. хорошая у нее работа. я горжусь своей девочкой.

— а Мария знает?

Мария — жена Джека.

— Мария не знает. она давно не появлялась. пошла работать в пекарню и возомнила о себе невесть что. живет с какой-то бабой. думаю, она стала лесбиянкой.

— знаешь, мужик, я не могу заложить тебя полиции, ты мой друг, сам решай. но может, хотя бы объяснишь, почему ты их убил?

— они мне не нравились.

— но ты не можешь убивать всех, кто тебе не по душе.

— они мне очень не нравились.

— Джек?

— Да?

— не желаешь попользоваться телефоном?

— а ты не против?

— твой телефон, Джек.

Джек встал, расстегнул ширинку, снял трубку и сунул член в аппарат. он плавно и с удовольствием водил членом вперед-назад, пока не кончил, затем застегнулся и вернулся к шитью, но тут зазвонил телефон, пришлось снова снять трубку.

— о, Бекки, привет! рад тебя слышать!.. чувствую себя хорошо. а, это мы просто микрофон из трубки вытащили, потому и... Гарри и я... Гарри сейчас здесь... что Гарри?.. серьезно, что ли?.. да нет, я думаю, с ним все в порядке... я просто шью. Гарри сидит рядом. денек довольно тусклый, небо затянуто.

солнца не видно. люди ходят под окном со злыми физиономиями... да, со мной все в порядке, и чувствую я себя хорошо... нет еще, но у меня в хо-

лодильнике есть лобстер... нет, я ее не видел. она думает, что теперь она крутая... ладно, я скажу ей... не беспокойся... всего хорошего, Бекки.

Джек повесил трубку и засел за шитье.

— знаешь, — заговорил Гарри, — это напонило мне один случай. когда я был еще пацаном... блядь, эти чертовы мухи! пошли вон, я еще не мертвый! Так вот, когда я был пацаном, я подрабатывал вместе с одним парнишкой. мы обмывали трупы, и, знаешь, иногда нам попадались симпатичные телки. ну, значит, прихожу я однажды на работу, а Микки, так звали моего напарника, залез на одну такую милашку. «Микки! — заорал я. — ты что творишь? Постыдись!» а он просто взглянул на меня мельком — и дальше наяривать. потом, когда кончил, слез с нее и говорит: «Гарри, я, наверное, уже дюжину их оттянул, это здорово! попробуй, сам поймешь!» «о нет!» — отказался я. правда, потом, когда обмывал одну по-настоящему классную, я не удержался и всунул ей палец. но на большее так и не решился.

Джек продолжал шить.

— а ты бы попробовал, Джек, как думаешь?

— черт, не знаю! откуда мне знать? — отозвался Джек, не отрываясь от работы, и через некоторое время добавил: — послушай, Гарри, у меня была тяжелая неделя. я хочу перекусить и лечь спать. у меня есть лобстер, и, знаешь, может, это смешно, но я люблю есть один. мне не нравится есть в компании, так что...

— что? хочешь, чтобы я ушел? ну, ты расстроен слегка, так что все нормально, я ухожу.

Гарри поднялся.

— не держи зла, Гарри, мы же друзья, давай ими и останемся. мы слишком долго дружили.

— да уж, с тридцать третьего. Вот были денечки! ФДР! НСА! УОР! Но мы все сдюжили. нынешние щенки ничего не знают.

— это точно.

— ну, пока, Джек.

— пока, Гарри.

Джек проводил Гарри до двери, отворил замок и еще некоторое время смотрел вслед уходящему другу. все те же мешковатые штаны, этот парень всегда одевался как кретин.

затем Джек направился на кухню, достал из холодильника лобстера и прочитал инструкцию, к лобстерам всегда прилагается дебильная инструкция. потом он обратил внимание на труп, лежащий возле плиты. нужно было избавиться от тела, кровь под ним уже давно высохла, давно превратилась в жесткую корку на полу. наконец-то из-за туч выглянуло солнце, вечерело, начинался закат, розовый свет проникал на кухню через окно, можно было разглядеть, как он вползает, медленно, словно гигантское щупальце улитки. тело лежало ничком, лицо повернуто к плите, левая рука вывернута, и кисть выглядывала из-под тела. розовое щупальце улитки коснулось кисти, и кисть стала розовой. Джек посмотрел на кисть, такую розовую. она выглядела совершенно невинной, просто кисть, розовая кисть сама по себе, как цветок. в какое-то мгновение Джеку показалось, что кисть шевельнулась. нет, она не шевелилась, ро-

зовая кисть, только кисть, невинная кисть. Джек стоял и смотрел на нее, затем он сел, лобстер был у него в руках, а он не отводил взгляда от кисти. и вдруг он заплакал. бросив лобстера, Джек обхватил голову руками и повалился на стол. он рыдал очень долго, как женщина, как ребенок, как любой другой, затем он встал, побрел в комнату к телефону.

— оператор, соедините меня с полицией. да, я знаю, что звук дурацкий, это в трубке микрофона нет, но мне нужна полиция.

Джек подождал.

— алло, слушайте, я убил человека! трех человек! я серьезно, точно серьезно! пожалуйста, заберите меня. и захватите фургон, чтобы увезти трупы. я сумасшедший. у меня крыша съехала. я не знаю, как это случилось. что?

Джек продиктовал адрес.

— что? а это потому, что микрофон вынут. я разьебал свой телефон.

дежурный продолжал еще что-то спрашивать, но Джек повесил трубку. он вернулся на кухню, сел за стол и обхватил голову руками. он больше не плакал, он просто сидел и смотрел на исчезающее солнце. становилось темно, и Джек подумал о Бекки, затем подумал о самоубийстве и больше не думал ни о чем. упакованный южноафриканский лобстер лежал рядом, Джек так его и не съел.

в тот вечер я уже слегка поднасосался, когда этот парень, что издал пару моих книжонок, спросил:

— Буковски, хочешь познакомиться с Л.?

Л. слыл известным писателем, причем давно, его работы переводились повсюду, в том числе на дерьмо собачье, гранты сыпались со всех сторон, любовницы, жены, премии, романы, стихи, рассказы, картины... проживание в Европе, знакомства со знаменитостями, ну и все такое.

— нет, нахуй, — замахал я на Дженсена. — меня его писанина утомляет.

— да ты так про всех говоришь.

— ну а что, если так оно и есть.

Дженсен уселся напротив и уставился на меня. он любил сидеть и разглядывать меня. ему хотелось понять, почему я такой тупой. да, я тупой, но ведь и луна такая же бестолковая.

— он сам изъявил желание познакомиться с тобой. много слышал о тебе.

— слышал? ну и что, я тоже о нем наслышан.

— ты, наверное, и не подозреваешь, как много людей о тебе говорят. как-то вечером я был у Н. А., и она сказала, что хотела бы пригласить тебя на ужин. знаешь, она якшалась с Л., еще когда он был в Европе.

— серьезно?

— да, они оба знали Арто.

— и она Арто не дала.

— это точно.

— я ее не осуждаю. я ее не домогался.

— слушай, ну сделай мне одолжение, поедem к нему.

— к Арто?

— нет, к Л.

я допил и сказал:

— Поехали.

мы долго тащились из трущоб к дому Л. надо видеть это жилище поэта. Дженсен свернул на подъездную дорожку, она показалась мне не меньше съезда с автострады.

— и этот парень все время вопит о нищете? — вырвалось у меня.

— говорят, он задолжал коммунальщикам восемьдесят пять штук за все это хозяйство.

— бляха-муха!

мы выбрались из машины и встали перед трехэтажным домом. На крылечке стояли качели, в них лежала гитара баксов за 250. Вдруг объявилась толстожопая немецкая овчарка и с рыком поперла на нас, брызгая слюной. Я схватил гитару и стал отгонять псину, ну, не игрой, естественно, а просто отмахивался, пока Дженсен бросился к двери и позвонил.

открылось смотровое окно, и показалась желтая морщинистая физиономия.

— кто вы? — спросила рожа.

— Буковски и Дженсен.

— кто?

— Дженсен и Буковски!

— я вас не знаю.

овчарка прицелилась, прыгнула, ее зубы лязгнули прямо у моей глотки, когда она пролетала мимо. я огрел ее хорошенько инструментом, но она только отряхнулась и вновь закружилась, готовясь

к прыжку. шерсть встала дыбом, псина щерилась, показывая мне свои старые желтые клыки.

— Буковски, — продолжал разъяснения Дженсен. — он написал книгу «Оружий под дождем дни и ночи напролет». а я Хиллиард Дженсен — «Нью маунтин пресс».

псина издала последний угрожающий рык, сжалась и уже была готова к прыжку, когда Л. сказал:

— Ох, Пупу, нельзя!

Пупу слегка расслабился.

— молодец, Пупу, — пролепетал я. — Хороший Пупу!

Пупу посмотрел на меня, было ясно, что его на мякине не проведешь. и тут старик Л. открыл дверь.

— заходите, — сказал он.

я бросил сломанную гитару на качели, и мы зашли в дом. прихожая была величиной с подземную парковку.

— садитесь, — предложил Л.

стульев было навалом, я подтянул ближайший к себе.

— я даю истеблишменту еще один год, — заявил Л. — народ уже проснулся, мы просто спалим все нахуй!

Л. щелкнул пальцами и продолжил:

— это будет, — (щелчок), — как пить дать! и лучшая жизнь наступит для нас!

— а есть чего-нибудь выпить? — поинтересовался я.

Л. затеребил маленький звонок, болтающийся у него на стуле, и завопил:

— Марлоу!

затем посмотрел на меня и сказал:

— я читал вашу последнюю книгу, мистер Мид.

— я Буковски.

он повернулся к Дженсену.

— так это вы Тейлор Мид! извините меня!

— нет-нет, я Хиллиард Дженсен — «Нью маунтин пресс».

тут в комнату рысцой вбежал япошка — черные блестящие штаны и белый пиджак. он еле заметно поклонился, на лице у него стояла многообещающая улыбка, будто он знал, что однажды прибудет всех нас.

— Марлоу, ебанный придурок, эти джентльмены хотят выпить. мигом прими у них заказ и немедленно возвращайся, а не то я тебе жопу порву!

невероятно, но на лице Л. не отражалось ни капли боли, и хотя все морщины остались, они казались просто речушками — или пришитыми, или нарисованными, или наклепленными. эксцентричное лицо, желтое. лысина, крошечные глазки, безнадежное и ничтожное лицо — это на первый взгляд, но тогда как он мог написать все свои книги? «о, у Мака большой хуй! у-у, Мак обладатель огромного члена! какой у Мака хуина! у Мака самый огромный хуй в городе, наибольший к западу от Миссисипи, все говорят о хуище Мака, ох, блядь, вот это хуина!..» и так далее. в общем, в плане стиля Л. сделал всех, но, как по мне, это все равно утомительно.

вернулся Марлоу с выпивкой, и вот в чем ему не откажешь: налил он щедрой рукой и довольно крепко. оставил стаканы и важно удалился. я обратил внимание на то, как покачиваются его ягоды под обтягивающими брюками, когда он спешил на свою кухню, где дневал и ночевал.

Л. был уже прилично пьян, но залпом ополовинил свой стакан — любитель разбавлять скотч водой — и заговорил:

— я постоянно вспоминаю тот отель в Париже, где все мы поселились: Кэй Джонсон, Хэл Норс, Берроуз — величайшие литературные умы нашего поколения.

— вы думаете, это помогало вашей работе, мистер Л.? — поинтересовался я.

дурацкий вопрос. Л. посмотрел на меня сурово, но потом одарил улыбкой:

— все помогает моей работе.

затем некоторое время мы просто сидели, пили и переглядывались. Л. побренчал звонком, и снова прибыл Марлоу дозаправить наши стаканы.

— Марлоу переводит Эдну Сент-Винсент Миллей на японский, — объявил Л.

— прекрасно! — оживился Дженсен из «Нью маунтин».

я не видел ни хуя прекрасного в том, чтобы переводить Эдну Сент-Винсент Миллей на японский.

— я не вижу ни хуя прекрасного в том, чтобы переводить Эдну Сент-Винсент Миллей на японский! — заявил Л.

— ну, Миллей — это вчерашний день, а с современной поэзией что не так? — спросил представитель «Нью маунтин».

«молода, поспешна, поэтому и скисает быстро», — ответил я мысленно.

— дышалки не хватает, — сказал старик.

снова повисла пауза, было очевидно, что мы не нравимся друг другу. Марлоу курсировал между нами и кухней, поднося выпивку. мне казалось, что я нахожусь в какой-то жуткой глубокой пещере или участвую в бессмысленном отвлеченном кино. просто череда бессвязных сцен. во время очередной дозаправки Л. поднялся и залепил Марлоу оплеуху, крепко залепил. я даже не знал, что и думать: секс? скука? игра? Марлоу оскалился и слинял к прелестям Миллей.

— мой дом не переступит нога человека, который не может вынести как весь мрак этого мира, так и весь его блеск, — высказался Л.

— слушай, мужик, — заговорил я, — я думаю, что ты полное говно. И твоя писанина меня никогда не впечатляла.

— меня твоя тоже, Мид, — парировал старикан. — вся эта чушь про отсасывание у киношных звезд, да любой может отсосать у кинозвезды... это, блядь, не проблема.

— возможно, — согласился я. — но я не Миди!

старый хрыч, переведенный на восемнадцать языков, поднялся и, пошатываясь, направился ко мне.

— хочешь драться или ебаться? — спросил старпер.

— ебаться, — был мой ответ.

— МАРЛОУ! — завопил Л.

влетел Марлоу, и Л. выкрикнул: — ВЫПИТЬ!

а я уж было решил, что старый пень прикажет Марлоу спустить штаны и я удовлетворю свое желание, но не случилось. пришлось довольствоваться прыгающими ягодицами убегающего на кухню любителя Миллей.

мы начали новый раунд.

— вот так! — вступил Л. первым и щелкнул пальцами. — истеблишмент спекся! мы его спалили!

тут голова старика упала на грудь, и он засопел, спекся вслед за истеблишментом.

— пошли, — сказал Дженсен.

— погоди-ка...

я подошел к великому литератору и просунул руку за спинку кресла-качалки, прямиком к жопе старого мудака.

— ты что делаешь? — зашептал Дженсен.

— все помогает моей работе, — сказал я. — а эта скотина при деньгах.

присев, я вытянул кошелек.

— вот теперь пошли!

— да не надо бы, — проямлил Дженсен, пока мы продвигались к двери.

вдруг кто-то схватил меня за правую руку и тут же заломил ее за спину.

— перед тем как покинуть мистера Л., мы оставляем все деньги здесь — в его честь! — объявил переводчик Э.В. Миллей.

— блядь, ты мне руку сломаешь, ты, косоглазая блевотина!

— МЫ ОСТАВЛЯЕМ ВСЕ ДЕНЬГИ ЗДЕСЬ! В ЧЕСТЬ МИСТЕРА Л.! — заорала блевотина.

— ЕБНИ ЕГО, ДЖЕНСЕН! ЕБНИ РАЗОК! УБЕРИ ЭТОГО ЕБАНАШКУ ОТ МЕНЯ!

— если он тронет меня — твоя рука СЛОМАНА!

— ладно, забирай кошелек, хуй с ним! я все равно скоро получу чек от «Гроув пресс»...

он забрал кошелек Л. и бросил его на пол, затем вытащил мой и тоже бросил на пол.

— эй, минутку! ты кто такой? кидала хуев?!

— мы ВСЕ деньги оставляем здесь!

— даже не верится! этот дом хуже любого борделя.

— а сейчас скажи своему приятелю, пусть бросит свой кошелек на пол, или я сломаю тебе руку!

Марлоу слегка поднажал, давая понять, что не шутит.

— Дженсен! кошелек! брось его!

Дженсен выбросил портмоне. Марлоу отпустил мою руку. я повернулся. дееспособной у меня осталась только левая.

— Дженсен! — позвал я.

он оценил Марлоу и ответил:

— нет.

я бросил взгляд на сопящего старика, и мне показалось, что на его губах блуждает нежная улыбка. мы вышли за дверь.

— хороший Пупу, — сказал я.

— очень хороший Пупу, — подтвердил Дженсен. мы прыгнули в машину.

— ну, кого еще ты хочешь, чтобы я сегодня посетил?

— я думаю, может, сгоняем к Анаис Нин.

— хватит думать. с ней мне точно не справиться.

и мы покатали обратно. стоял обычный теплый южнокалифорнийский вечер. скоро мы выбрались на бульвар Пико, и Дженсен поехал на восток. когда же наконец эта гребаная революция, задрало ждать.

— Рыжий, — сказал я навестившему меня пацану, — для женщин я больше не существую, и в этом есть моя вина. на танцы я не хожу, благотворительные вечера не посещаю, поэтические чтения игнорирую, групповуху не жалую. обычно я бухал в барах или в поезде, возвращаясь из Дель-Мара с ипподрома, да везде, где наливали. теперь я в бары не хожу, там обосновались никчемные мудаки и просиживают часами в надежде, что к ним заглянет какая-нибудь сифилисная дура. это зрелище — позор человеческой расы.

Рыжий подбросил бутылку пива, подхватил в полете и сбил с нее пробку о край моего кофейного столика.

— это все от ума, Буковски, тебе это не нужно.

— это все гнездится на кончике моей залупы, Рыжий. и мне нельзя без этого.

— помнится, поймали мы одну старую пьянчужку, привязали к кровати и стали сдавать ее по пятьдесят центов всяким калекам, психам и бродягам. им ведь тоже хочется ебаться. за три дня и три ночи мы обслужили пятьсот клиентов.

— ебическая сила, Рыжий, я сейчас сблую!

— а я-то думал, ты прожженный грязный старикан.

— да, это означает, что я не меняю носки каждый день. ты хотя бы водил ее испражняться?

— что значит — испражняться?

— блядь, вы ее кормили?

— алкаши не жрут. Мы давали ей бормотуху.

— кошмар...

— почему?

— да потому, что это жестоко, бесчеловечно, раскинь мозгами, даже животные так не поступают друг с другом.

— мы заработали двести пятьдесят баксов.

— а ей сколько дали?

— нисколько. мы оплатили номер за два дня и оставили ее там.

— развязали?

— естественно, что мы, убийцы, что ли.

— благородно с твоей стороны.

— ты говоришь как проповедник.

— бери еще пива.

— для тебя у меня тоже есть пизда.

— почем? полтинник?

— нет, немного побольше, другой класс...

— спасибо, без надобности.

— да, похоже, тебе сейчас не до этого.

— это точно.

мы оба принялись за пиво. он лихо высосал бутылку и подскочил.

— смотри, я всегда ношу с собой бритвочку, вот здесь, за поясом. почти у всех бродяг проблемы с

бритьем, только не у меня. я все просчитываю. когда выхожу на дорогу, надеваю две пары штанов, видишь? а когда прибываю в новый город, я верхнюю пару снимаю, бреюсь, моюсь, надеваю белую рубашку, повязываю галстук, надраиваю ботинки, в ближайшей скупке подбираю подходящий к штанам пиджак и через пару дней уже сижу в какой-нибудь конторе среди этих говнюков в белых воротничках. и никто из них не подозревает, что я только что спрыгнул с товарного поезда. но я не могу долго отсиживать жопу на такой работе, и скоро я уже снова в пути.

я не знал, что мне ему ответить на это, и продолжал молча пить пиво.

— и еще при мне всегда вот этот маленький пестик для колки льда, я ношу его в рукаве, видишь, под стрипкой, чуть выше кисти?

— да, вижу. один мой приятель считает, что пивная открывашка самое надежное оружие.

— твой дружок прав, но, когда меня прихватывают копы, я всегда выбрасываю пестик. вот так, вскидываю руки и ору: «не стреляйте!»

Рыжий продемонстрировал мне свои навыки.

— они ни разу не нашли у меня оружия. не знаю, сколько я выкинул пестиков, бессчетное количество...

— а ты когда-нибудь пускал в дело свой пестик, Рыжий?

он так удивленно посмотрел на меня, что я отмахнулся:

— ладно, забудем.

мы снова занялись каждый своим пивом.

— я всегда читаю твою колонку, когда останавливаюсь на ночлег, и думаю, что ты великий писатель.

— спасибо...

— я тоже пробовал писать, но ничего у меня не вышло. пыжился, пыжился, но так ничего и не вымучил, не приходит.

— а сколько тебе лет?

— двадцать один.

— время еще есть, может, еще и придет.

он посидел немного, видимо, обдумывал перспективу стать писателем, затем полез в задний карман брюк.

— вот что мне дали, чтобы я держал язык за зубами.

он вытащил кожаный бумажник.

— кто?

— я видел, как двое парней замочили третьего, и, чтобы я помалкивал, они мне отдали его бумажник.

— зачем они его грохнули?

— у него был бумажник, а там семь баксов.

— как они его убили?

— камнем. он пил вино, а когда совсем упился, они разmozжили ему башку булыжником и забрали бумажник. я все видел.

— а что они с трупом сделали?

— когда поутру поезд остановился заправиться водой, они отнесли его к этому сходу, где скот выгоняют, выбросили в траву и забрались обратно в вагон.

— мгу, — промычал я.

— копы часто находят такие трупы — рваная одежда, испитая физиономия — не подлежит идентификации — еще один неизвестный бродяга. никому это не интересно.

так мы проболтали еще несколько часов — ничего примечательного. потом разговор иссяк, мы замолчали и просто сидели и думали каждый о своем.

наконец Рыжий поднялся.

— ладно, мужик, кажется, мне пора сваливать, хорошая была ночка.

поднялся и я.

— да, действительно, Рыжий.

— ну, еще увидимся, бя.

— как нехуй делать, Рыжий.

возникла пауза, кажется, он колебался, уходить или не уходить.

— до встречи, пацан.

— пока, Буковски.

я видел, как он прошел мимо кустов, свернул к Норманди, в сторону Вермонта, где у него была комнатуха, оплаченная еще дня на три-четыре. наконец его фигура скрылась в темноте, и остался лишь лунный блеск. я закрыл дверь, откупорил последнюю бутылочку пива, выключил свет и завалился в кровать. стянув с себя одежду, я лежал в темноте и представлял себе армию бродяг, блуждающих по путям, выбирающих вагоны и маршрут следования — в поисках лучших городов, лучшего времени, лучшей любви, лучшей удачи, чего-нибудь лучшего. они никогда не найдут этого и никогда не оставят своего поиска.

затем я уснул.

его звали Генри Беккет, и дело было утром понедельника. он только что проснулся и теперь смотрел в окно на женщину в экстремально короткой юбке. «а меня это уже почти не волнует, — подумал Беккет. — и это скверно. женщина должна что-нибудь надеть, иначе с нее будет нечего снять. голое мясо всего лишь голое мясо».

в трусах он отправился в ваннуюриться, но когда взглянул в зеркало, то обнаружил, что его лицо стало золотистого цвета, да еще в зеленый горошек. Беккет зажмурился и, снова открыв глаза, выронил помазок. отражение оставалось золотистым в зеленый горошек. стены зашатались. Генри, придерживаясь за раковину, вышел из ванной, кое-как добрался до спальни и рухнул на кровать лицом вниз. его сознание лихорадило, поднялась тошнота, он пролежал без движения минут пять, затем поднялся, вернулся в ванную и встал перед зеркалом: золотистая физиономия в зеленый горошек, ярко-зеленые пятна на ярко-желтой коже.

он покинул ванную и подошел к телефону.

— алло, это Генри Беккет. я не смогу сегодня выйти. я болен. что? ужасное расстройство желудка, просто кошмарное.

он повесил трубку и снова посетил ванную — бесполезно — все без изменений. пустив воду в ванну, он вернулся к телефону и позвонил в поликлинику. сестра сказала, что может записать его на прием в следующую среду.

— послушайте, — закричал он в трубку, — это критический случай! я должен показаться доктору немедленно! вопрос жизни и смерти! я не могу вам

сказать, нет, не могу, но, пожалуйста, запишите меня на сегодня! умоляю!

ему назначили на три тридцать.

он разделся и забрался в ванну. теперь выяснилось, что все его тело постигла та же участь — оно стало совершенно все золотистое и в зеленый горошек: и живот, и спина, и мошонка, и пенис, и ничем это не смывалось — ни мылом, ни шампунем. Генри вылез из ванной, вытерся и стал одеваться. зазвонил телефон. оказалось, Глория — его подружка, они работали вместе.

— Глория, не могу я сказать тебе, что случилось! это так ужасно... да нет, не сифилис, это хуже. ну не могу я тебе объяснить, ты просто не поверишь.

Глория пообещала прийти в свой обеденный перерыв.

— пожалуйста, не надо, детка, иначе я покончу с собой.

— тогда я приду прямо сейчас! — закричала она.

— прошу, умоляю, не надо...

она дала отбой. Генри постоял, таращась на телефон, затем повесил трубку и снова сунулся в ванную — без изменений. тогда он вернулся в спальню и лег на кровать. он лежал и смотрел в потолок, покрытый паутиной трещин. странно, ведь он впервые заметил эти трещины на своем потолке. и выглядели они приветливо, элегантно и даже обаятельно. до его слуха доносился уличный шум: щебет птиц, голоса людей — какая-то женщина уговаривала своего ребенка: «ну, иди быстрее, пожалуйста», и периодически жужжал самолет.

задребезжал дверной звонок. Беккет выскочил в переднюю комнату и, приоткрыв штору, выглянул наружу — это пришла Глория, на ней были белая блузка и голубая летняя юбочка, такой привлекательной он ее давно не видел. рыжеватая блондинка в самом соку, правда, нос слегка толстоват и портит первое впечатление, но со временем и он становится милым. Генри замер. он слышал, как тикает его сердце, словно пусковой механизм бомбы в пустом шкафу; казалось, все его внутренности удалили и осталось одно лишь сердце — гулкая пустота образовалась внутри, огромная пустота.

— я не могу тебя впустить, Глория!

— открой дверь, к чертовой матери, ты, недоумок!

она металась у окна, пытаясь заглянуть сквозь шторы внутрь.

— Глория, ты не понимаешь...

— я сказала, ОТКРОЙ ДВЕРЬ!

— ладно, — закричал он в ответ, — черт с тобой, сейчас!

пот бежал у него с головы, заливая уши, шею, глаза.

Генри подошел к двери и резко отворил ее.

— боже! — вскрикнула Глория, закрывая рот рукой.

— я говорил тебе, пытался остановить, я предупреждал!

Генри отошел в глубь комнаты. Глория прикрыла дверь и последовала за ним.

— что это?

— не знаю. черт, понятия не имею. не прикасайся ко мне, вдруг это заразно.

— бедный Генри, мой несчастный мальчик...
она продолжала следовать за ним. Генри, отступая, споткнулся о мусорную корзину.

— о черт! я же сказал тебе: не приближайся.

— ну почему, ты даже стал красивее!

— КРАСИВЕЕ?! — завопил Генри. — **НО Я НЕ МОГУ ПРОДАВАТЬ СТРАХОВЫЕ ПОЛИСЫ В ТАКОМ ВИДЕ, ЭТО ТЫ ПОНИМАЕШЬ?!**

и вдруг они оба засмеялись, но потом он опустился на кушетку и заплакал. обхватив свою золотистую в зеленый горошек голову руками, он горько рыдал, причитая:

— господи, ну почему это не рак, не сердечный приступ, что-нибудь простое и понятное? Бог обоссал меня с ног до головы, просто взял и обоссал!

Глория стала целовать его в шею, руки, но он оттолкнул ее.

— прекрати, прекрати это!

— я люблю тебя, Генри, и мне это вовсе не мешает.

— ты рехнулась, чертова баба.

— да, наверное... Когда ты идешь к врачу?

— в полчетвертого.

— мне нужно возвращаться на работу, ты позвони мне, когда что-нибудь прояснится. я освобожусь к вечеру.

— ладно, ладно...

и Глория ушла.

в три десять Генри натянул шляпу на глаза, обвязал горло шарфом, надел темные очки. он ехал к доктору, стараясь смотреть только прямо перед со-

бой и не привлекать ничего внимания; к счастью, ему это вполне удалось.

в приемной у доктора все посетители читали прессу — «Лайф», «Лук», «Ньюсуик» и т. д. стульев и диванов едва хватало. стояла невыносимая жара. слышался шорох переворачиваемых страниц. Генри уткнулся в свой журнал и старался не привлекать к себе внимания. минут пятнадцать — двадцать все шло нормально, но потом маленькая девочка, игравшая с воздушным шариком, оказалась совсем рядом. шарик отскочил от башмака Генри. девочка подбежала, подхватила шарик и посмотрела на странного дядю. затем она бросилась к своей матери — уродине с ушами как блинчики и крошечными паучьими глазенками.

— ма-ма-а! — заголосила девчонка. — а что у этого дяди с лицом?

мама сказала:

— Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш!

— но оно все желтое и в больших лиловых пятнах!

— Мэри Энн, я сказала тебе, замолчи! прекрати свою беготню и сядь рядом со мной! слышишь, немедленно сядь!

— ну, мамочка! — захныкала девчонка, но села рядом.

она сидела, шмыгала носом и глазела на Генри.

вскоре их вызвали к доктору. пациенты заходили и выходили из кабинета, наконец вызвали и Генри.

— мистер Беккет, как себя чувствуете? — спросил доктор, что-то записывая.

— посмотрите на меня и увидите.

доктор поднял голову и вскрикнул:

— господи боже мой!

— вот так примерно и чувствую, — сказал мистер Беккет.

— я никогда не видел ничего подобного! Пожалуйста, разденьтесь и садитесь за стол. когда это впервые случилось?

— сегодня утром, когда я проснулся.

— как вы себя чувствуете?

— как будто меня вымазали говном, которое не стирается.

— я имею в виду — физически.

— до того как посмотрел в зеркало — превосходно.

доктор замерил давление.

— давление в норме.

— ладно, док, давайте отбросим эти формальности и перейдем к делу. вы не знаете, что со мной, так?

— не знаю, никогда не видел ничего подобного.

— у вас какое-то произношение странное, откуда вы?

— из Австрии.

— ну-с, профессор из Австрии, и что вы намерены со мной делать?

— не знаю. возможно, вас нужно показать дерматологу, госпитализировать, сделать анализы...

— не сомневаюсь, что мной там заинтересуются, но это не пройдет.

— что не пройдет?

— то, что на мне. я чувствую всем нутром, что это уже никогда не пройдет.

доктор решил послушать его сердце, но Генри отвел стетоскоп и стал одеваться.

— не торопитесь с выводами, мистер Беккет, пожалуйста!

но Генри не слушал. он ушел, оставив и шляпу, и шарф, и темные очки. вернувшись домой, взял свое охотничье ружье и все боеприпасы, которых хватило бы перестрелять целый батальон. затем сел в машину и отыскал съезд с автострады, который вел к высокому холму. с этого холма открывался вид на всю окрестность и особенно хорошо просматривался поворот автострады, на котором все машины значительно сбавляли скорость. почему Беккет облюбовал именно этот холм, он и сам не знал. оставив машину внизу, Генри взобрался на самую вершину холма, обтер пыль с оптического прицела, заслал патрон в патронник, снял с предохранителя и залег.

сначала у него ничего не получалось, пули ложились мимо цели. потом он сообразил, что не учитывает скорость движения машины, и стал спускать курок чуть раньше. и хотя автомобили двигались примерно с одной скоростью, он интуитивно менял поправку на скорость для каждой машины. с первым попаданием получилась странная штука: пуля угодила водителю в лоб и Генри показалось, что мужчина посмотрел прямо на него, будто знал, где он залег; затем автомобиль перевернулся, врезался в ограждение и снова встал на колеса — и тут Генри выстрелил в следующую машину, кото-

рую вела женщина. попал в двигатель, и машина загорелась. но женщина продолжала сидеть за рулем, орать и махать руками. Генри не хотел видеть, как она сгорит заживо, и пристрелил ее. движение остановилось, люди стали выскакивать из своих автомобилей и разбегаться. он решил больше не стрелять в женщин — неприятные ощущения, — да и в детей тоже. а этот доктор из Австрии, зачем он не остался у себя в Австрии? что, там нет больных?

Генри успел уложить четверых или даже пятерых, перед тем как внизу сообразили, откуда ведется огонь. подъехали патрульные машины и кареты «скорой помощи». копы перекрыли автостраду. Генри дал медикам погрузить трупы и раненых, он не стрелял в медработников, он охотился за копами и подстрелил одного. настоящего борова завалил. ощущение времени пропало. стемнело. Генри чувствовал, что они приближаются. он не стал дожидаться их на одном месте, а выдвинулся навстречу. на левом фланге он устроил засаду, в которую угодили два копа, но огонь справа заставил его отступить. возвращаться на старую позицию было неразумно. он попытался прорваться еще раз, но его встретили плотным огнем. пришлось медленно отползать на вершину холма, прикрываясь чем возможно. он слышал их переговоры, проклятия в его сторону. их было очень много. он прекратил стрелять и затаился. вскоре он разглядел за кустами ногу, прицелился чуть выше, где, по его расчетам, должно было начинаться тело, — и спустил курок. раздался крик. Генри продолжил

отступление на вершину. стало совсем темно. Глория его бросит. если бы с ней судьба сыграла такую красочную шутку, он бы ее бросил; разве можно с желтой в лиловую крапинку девицей заявиться... ну, скажем, на концерт Брамса?

в конце концов копы оттеснили его к вершине, где он залег за камнями. дальше копы идти не решались. на вершине не было кустов, чтобы укрываться, а всем им хотелось вернуться домой живыми. и он решил, что сможет продержаться довольно долго. они закидали вершину осветительными ракетами. несколько ракет Генри отстрелил, но их было слишком много. полицейские приближались, стреляли, не давали ему головы поднять, смыкали кольцо... черт, вот блядство. ладно.

одна ракета вспыхнула совсем близко — так, что в ее свете он увидел свои руки, сжимающие ружье... он присмотрелся внимательнее — его руки были БЕЛЫМИ.

БЕЛЫЕ!

все прошло!

он снова стал БЕЛЫМ, БЕЛЫМ, БЕЛЫМ!

— эй! — заорал он. — я сдаюсь! сдаюсь! все!

Генри разорвал на себе майку и осмотрел грудь — БЕЛАЯ. он стянул остатки майки, намотал на дуло ружья и стал махать. стрельба прекратилась. нелепый, безумный сон закончился, человек в горошек исчез, клоун испарился. что за шутка, вот же дерьмо, да было ли это все на самом деле? этого не могло случиться! возможно, все это плод его воображения, или же это было наяву? а Хиросима была? и вообще, реальность существует?

он выбросил ружье, швырнул со всей силы, затем стал медленно приближаться; руки у него были подняты над головой, он кричал:

— я выхожу! сдаюсь! сдаюсь! я сдаюсь!

он слышал, как копы двинулись ему навстречу. они переговаривались:

— что будем делать?

— не знаю, будь начеку.

— он убил Эдди и Уивера. ненавижу таких ублюдков.

— он приближается.

— СДАЮСЬ! Я СДАЮСЬ!

один из копов выстрелил пять раз подряд. три пули попали Генри в живот, две пробили легкие. все остановилось и не двигались с места несколько бесконечных минут. наконец тот, кто стрелял, подошел к телу и носком ноги перевернул его с живота на спину. это был черный полицейский Адриан Томпсон, 236 фунтов весу, он уже почти выплатил кредит за дом в западной части города и теперь стоял и ухмылялся в лунном свете.

вскоре и движение на автостраде возобновилось в обычном режиме.

мы постоянно упираемся в тупиковые стены, особенно когда бодун ебет по-черному, в такие минуты я вспоминаю советы друзей о разных способах суицида. чем лучше можно доказать свою дружбу? у одного моего кореша вся левая рука была в резаных шрамах. другой начинал свою косматую черную бороду убийными колесами. оба были поэтами. сочинение стихов неким образом подталкивает

человека к пропасти — что есть, то есть. но мы все трое легко можем дожить и до девяностолетних седин. представьте-ка себе мир в 2010 году н. э.! естественно, как он будет выглядеть, зависит от того, как мы распорядимся Бомбой. я рассчитываю, что человек по-прежнему будет есть яичницу на завтрак, путаться в сексуальных проблемах, писать стихи и кончать с собой.

кажется, моя последняя попытка самоубийства была в 1954 году. я тогда жил на четвертом этаже в доходном доме на Норт-Мэрипоуз-авеню. я закрыл все окна и пустил газ в духовку и через все конфорки, не зажигая их, разумеется. потом завалился в кровать. шипение газа успокаивало, и я быстро заснул. это должно было сработать, но от газа у меня страшно разболелась голова, и от этой головной боли я проснулся. встав с кровати, я расхохотался и сказал сам себе: «мудила, да ты не хочешь умереть!», потом выключил газ и распахнул все окна. я продолжал смеяться, ситуация казалась мне анекдотической шуткой, если учесть, что автоподжиг на плите почему-то не сработал, иначе мое славное путешествие в ад не оборвалось бы так быстро.

несколькими годами раньше я, помнится, очнулся от недельного запоя и твердо решил убить себя. я тогда шоркался с одной ебливой бабенкой и нигде не работал. деньги кончились, за хату висел долг, и даже если бы я нашел в себе силы и подыскал какую-нибудь ничтожную работенку, это все равно выглядело бы как смерть. я решил, что покончу с собой, как только моя сожительница отлучится из нашей лачуги. а пока она была

дома, вышел на улицу прошвырнуться. вдруг меня почему-то заинтересовало, а какой нынче день. во время запоя день мешался с ночью, мы постоянно пили, еблись, дрыхли, снова еблись и снова пили. солнце тянулось к зениту, и я побрел на угол квартала, чтобы взглянуть на вывешенные там газеты и узнать, в какой же день я очнулся. по газетам выходило, что пятница. ну что ж, пятница — день не хуже других. и тут я наткнулся на заголовок: «Кузену Милтона Берля упал на голову камень».

«и какого хрена убивать себя, когда в газетах пишут такие заголовки?» — мысленно спросил я.

подрезав газету, я вернулся домой.

— слыхала? — спросил я у своей возлюбленной.

— что?

— кузену Милтона Берля упал на голову камень.

— да не пизди!

— точно. вот в газете прописано.

— интересно, а что это был за камень?

— я думаю, круглый, желтый и гладкий.

— да, мне тоже так кажется.

— а как ты думаешь, какие у милтон-берлевского кузена глаза?

— мне кажется, коричневые, скорее светло-коричневые.

— светло-коричневые глаза и ярко-желтый камень.

— хрясь!

— точнок — хрясь!

я снова выскочил на улицу, взял в лавке в долг две бутылки бормотухи, и мы отменно провели

остаток дня. не помню точно название той газеты, наверное, что-то вроде «Экспресс» или «Ивнинг геральд», но все равно я благодарен этой газете, а также кузену Милтона Берля и тому круглому, гладкому, желтому камню.

итак, речь идет о суициде. помнится, работал я в доке. обычно мы обедали прямо на пирсе, свесив ноги вниз. и вот однажды парень, что сидел неподалеку от меня, снял с себя ботинки, носки и сложил все это очень аккуратно рядом с собой. затем я услышал всплеск, оглянулся — а он уже вниз. это было так неожиданно. он успел крикнуть: «помогите!» — и скрылся под водой, на поверхности расходились круги, из глубины поднимались пузыри, на которые и оставалось таращиться. но тут подскочил какой-то мужик и заорал на меня:

— делай что-нибудь! он хочет покончить с собой!

— блядь, а что я должен делать?

— возьми веревку! брось ему веревку, канат или что-нибудь!

я подорвался и побежал в лачугу, где старик упаковывал пакеты и картонки.

— дай мне веревку! — заорал я.

старик едва глянул на меня.

— эй, мать твою, дай мне какую-нибудь веревку! человек тонет! Я должен бросить ему веревку!

старик отвернулся, поднял что-то и подал мне. это оказался огрызок белой бечевки.

— ты, старая вонючая крыса! — завопил я.

а в это время молодой парнишка скинул с себя портки, сиганул в воду и вытащил нашего суицидника. этот парнишка получил оплачиваемый

выходной. суицидник настаивал, что он свалился случайно, но никак не мог объяснить, зачем же он тогда снял ботинки и носки. я не видел его больше среди нас, возможно, он закончил свою карьеру докера тем же вечером.

никогда нельзя сказать наверняка, что терзает человека. даже самые пустяшные вещи могут превратиться в кошмар, когда вы попадаете в определенное состояние духа, а хуже всех забот/страхов/мучительной усталости — это нечто, что вы не можете объяснить, или понять, или даже обсудить. оно наваливается на вас и давит, как большой лист металла, и нет возможности его сбросить. даже за 25 баксов в час. я знаю. самоубийство? оно кажется совершенно непостижимым, пока вы сами о нем не задумаетесь. и совершенно необязательно принадлежать для этого к Союзу поэтов. однажды, когда я был помоложе и жил в дешевом мотеле, мне довелось соседствовать с одним мужиком постарше, из бывших заключенных, который работал чистильщиком автоматов для изготовления конфет. не самая вдохновляющая работенка, верно? как бы там ни было, иногда по вечерам мы квасили вместе, и он казался мне нормальным мужиком — сорокапятилетним ребенком, одиноким и спокойным, не озлобленным на все и вся. Лу — так его звали — бывший шахтер с ястребиным носом и огромными искалеченными руками, в обшарпанных ботинках, волосы не причесаны, и с дамами не так ловок, как я был — тогда. короче, он прогулял один рабочий день, потому что забухал, и повелители конфетоделательных машин его уволили. он пришел и сообщил мне об этом. я посоветовал

ему не заморачиваться по этому поводу — любая работа просто-напросто сжирает у людей их драгоценное время. видно, моя доморощенная мудрость не произвела на него должного впечатления, и он удрученно ушел. через пару часов я постучался в его дверь, хотел стрельнуть курева, но Лу не отозвался. тогда я решил, что он просто напился, и толкнул дверь — она отворилась. Лу лежал на кровати, а газ наполнял комнату. я еще подумал тогда, что Южнокалифорнийская газовая компания и понятия не имеет, как много людей пользуется ее услугами. но как бы там ни было, я распахнул окна и перекрыл газ в калорифере и плитке — у него и нормальной плиты-то не было, — обыкновенный забулдыга, который потерял свою работу по уборке автоматов для изготовления конфет за то, что прогулял день. «босс сказал мне, что у него еще не было такого хорошего работника. Но все дело в том, что я прогулял слишком много — два дня за последний месяц. он ведь предупреждал меня, что если еще такое повторится, все — я вылетаю».

я подошел к кровати и потормошил Лу.

— эй, выкидыш безмозглый!

— а?

— ты, жертва аборта, еще такое сделаешь, и я тебе задницу порву на глазах у всего этого гнилого городишки!

— эй, Ски, да ведь ты мне жизнь спас! я теперь обязан тебе своей жизнью! ты спас ее!

чувака переклинило на этом «ты мне жизнь спас» так, что последующую пару недель нашего совместного запоя он ни о чем другом говорить уже

не мог. уткнувшись своим орлиным шинобелем в плечо моей чувихи и накрыв своей огромной изуродованной рукой ее руку или, что хуже, ее коленку, он вопил:

— эй, этот сопливый выблядок мне жизнь спас! знаешь об этом?

— ты мне уже миллион раз рассказывал об этом, Лу.

— как пить дать, спас мою жизнь!

а потом он исчез, не заплатив за жилье недели за две. и больше я его не встречал.

вот поговоришь о суициде с бодуна — и вроде бы немного отпускает. или все же попробовать? я прикончил последнюю баночку пивка, радио на полу передавало японскую музыку. зазвонил телефон. какой-то пьяница. межгород. из Нью-Йорка.

— послушай, мужик, до тех пор, пока будут появляться хотя бы по одному Буковски каждые пятьдесят лет, я готов жить.

я позволил себе порадоваться этому заявлению, использовал его в свою пользу в борьбе против безжалостной похмельной лихорадки.

— помнишь наши загулы, мужик?

— да, помню.

— а ты чем сейчас занимаешься, все пинешь?

— да вот сейчас пишу про самоубийство.

— самоубийство?

— ага, я веду колонку в новой газетенке, звать «ОТКРЫТЫЙ ГОРОД».

— и что, они напечатают про самоубийство?

— не знаю.

мы поговорили еще немного и распрощались.

еще одно похмелье. еще одна колонка. я вспомнил свое детство, тогда по радио передавали песню «Грустный понедельник». говорят, когда ее крутили в Венгрии, что ли, кто-нибудь обязательно накладывал на себя руки. в конце концов песню запретили транслировать. вот и сейчас из моего радио разливается по всему полу нечто нехорошее. если в следующем выпуске вы не найдете эту колонку, ее тема тут может быть и ни при чем. хотя я сомневаюсь, что разорю этим Коутса с Вайнстоком.

это случилось на рассвете в понедельник. все воскресенье я вкалывал до полуночи. с работы ехал с включенными фарами. заехал в одно местечко. с собой у меня имелась упаковка пива. выпили. завелись. кто-то сбегал принес еще.

— видел бы ты Буковски на прошлой неделе, — услышал я разговор двух юнцов. — надрался, схватил гладильную доску и стал с ней танцевать, а потом заявил, что будет ее ебать.

— на полном серьезе?

— естественно, но потом отвлекся на чтение стихов. если бы мы не отобрали у него книгу, так и бубнил бы до самого утра.

я крикнул им, что там была женщина с глазами ангела и она смотрела на меня, поэтому остановиться было очень трудно. женщина... да какая, к черту, женщина — девчушка — свежачок! как я мог остановиться?

— знаете, — сказал я им, — сейчас на дворе уже середина июля, а я в этом году еще никому не вставлял.

они рассмеялись, подумали, это смешно. люди, которые в любой момент могут кому-нибудь присунуть, полагают, что можно надрывать пупки над теми, у кого с этим проблемы.

они завели разговор о молодом красавце блондине, который одновременно шоркался с тремя цыпочками. я предупредил их, что когда ему стукнет 33, придется искать себе другую работенку. но мое предупреждение показалось им плоским и завистливым. мне ничего не оставалось, как сосредоточиться на пиве и дожидаться атомной войны.

отыскав под рукой обрывок бумаги, я тайком записал:

«любовь не лишена смысла. секс полон смысла».

скоро молодежь утомилась и завалилась спать. остались только старожилы — я и еще один мужичок моих лет. мы воспитывались на круглосуточных попойках, это точно. когда закончилось пиво, возникла бутылочка виски. мой напарник был старым журналистом, работал редактором в одной крупной газете на Восточном побережье. приятный, неспешный разговор. двое старых псов понимали друг друга почти с полуслова. незаметно подкралось утро. в четверть седьмого я сообщил, что мне пора. вышли вместе. я оставил машину и решил пройти пешком — всего-то восемь кварталов. старик прошел со мной до бульвара Голливуд, затем старомодное рукопожатие, и мы расстались.

в паре кварталов от своего дома я заметил женщину в автомобиле. она пыталась завестись, пыталась отъехать от обочины, для нее это была проблема. машина постоянно глохла: заведется,

дернется, прокатится чуть-чуть и заглохнет. женщина немедленно врубает стартер. в этом ее нетерпении я почувствовал некую эксцентричность; судя по всему, паника была ее стилем. да и авто было очень старой модели. я остановился и стал наблюдать. скоро автомобиль затормозил прямо напротив меня. теперь я мог отчетливо разглядеть эту женщину: огромные сережки, блузка, замужнее кольцо, темные чулки, высокий каблук и... розовые трусики. ни юбки, ни брюк, просто светло-розовые трусы. я полной грудью втянул утренний воздух. это была странная женщина с лицом старухи и телом молодухи — ни складок, ни целлюлита, ни морщин.

автомобиль снова взревел, дернулся и заглох. я шагнул к машине и заглянул в салон:

— мадам, вам бы лучше припарковать эту штуку, полиция в это время суток очень расторопна, у вас могут быть неприятности.

— верно, — тут же согласилась она и выбралась из машины.

грудь у нее соответствовала телу. и вот она стоит передо мной в розовых трусиках, в темных чулках, в туфельках на высоком каблуке, с лицом 55-летней бабы и телом 18-летней девчушки в шесть двадцать пять утра в самом центре Лос-Анджелеса.

— вы в порядке? — спросил я.

— я в полном порядке.

— уверены?

— уверена, что уверена, — сказала она, развернулась и пошла прочь.

а я стоял и смотрел на ее ягодицы, подпрыгивающие под розовыми трусиками и удалявшиеся от

меня все дальше и дальше по улице между рядами домов... и никого в округе — ни полиции, ни людей, даже птиц не было, только упругие подвижные ягодицы под розовыми трусиками, покидающие меня. я был слишком пьян и ошеломлен, чтобы застонать, но я физически ощущал эту грызущую, дикую тоску очередной безвозвратной потери. я не сказал правильных слов. не нашел правильной комбинации слов, даже не попытался. да, мой удел — стиральная доска... господи, что за хуйня, ведь это всего лишь какая-то чокнутая сучка, шатающаяся на рассвете по городу в розовых трусах!

но я продолжал стоять и таращиться ей вслед. и вдруг она повернулась и пошла обратно, прямо на меня. спереди она тоже смотрелась неплохо, и чем ближе она подходила, тем лучше и лучше смотрелась, кроме лица, конечно, но видели бы вы мою рожу. лицо — первое, что вы теряете, когда удача поворачивается к вам жопой.

женщина оказалась прямо передо мной. а вокруг по-прежнему никого. бывают такие моменты, когда безумие становится настолько реальным, что перестает быть безумием. вот она — в розовых трусах, живая — стоит и дышит рядом со мной, а поблизости ни души, даже не видно патрульных машин, будто все вымерло от итальянской Венеции до Венеции калифорнийской, от ада до рая.

— вы вернулись, отлично... — выговорил я.

— я просто хотела удостовериться, что задние колеса машины остались на проезжей части.

тут она нагнулась, и у меня лопнуло терпение. я схватил ее за руку и выпалил:

— хорош, мы идем ко мне, это тут за углом. сейчас захватим выпивку и слиняем с улицы.

она повернула ко мне свое развалившееся лицо. я еще никак не мог совместить ее голову с телом, но трясся от возбуждения, как остервеневшее животное. и она сказала:

— ладно, пошли.

мы завернули за угол. я ее больше не трогал. предложил ей сигарету, пачку которых обнаружил в кармане шорт. мы остановились возле церкви, чтобы прикурить. я так и ждал, что в любой момент из какого-нибудь соседнего дома послышится визгливое: «эй, ты, клушка в розовых панталонах, проваливай отсюда, а то легавых вызову!» что ж, может, жить на задворках Голливуда не так уж и плохо. наверное, мужики из соседних домов подглядывали за нами из-за штор и давали волю рукам, пока их жены готовили завтрак.

мы добрались до моей норы. я усадил гостью и выставил полкувшина малаги, которая осталась у меня после одного хиппана. мы молча выпивали, я находил ее все более и более здравомыслящей. например, она не носила в сумочке семейных фотографий — детей, я имею в виду. муж-то в разговоре всплыл, как иначе.

— Фрэнк меня достал. совсем не дает развлекаться.

— да?

— запирает меня. как я это ненавижу. прячет все мои юбки, платья, когда я выпью. кстати, пьем мы вместе.

— серьезно?

— он хочет, чтобы я сидела возле него, как рабыня. ты тоже думаешь, что бабы должны быть у мужиков в рабстве?

— да с какой стати, нет!

— я нашла чулки, трусы, блузку, а юбку нет. Фрэнк отрубился, и я слиняла.

— похоже, Фрэнк неплохой парень, — сказал я. — ты уж не долбай его очень-то. понимаешь, о чем я?

это прием профессионала — всегда притворяться понимающим, особенно если дело обстоит с точностью до наоборот. женщинам не нужна чувствительность, им подавай только волнующую месть тому, на ком они слишком зациклены. на самом деле женщины довольно тупые животные, но они всецело сосредоточены на мужчинах, и поэтому победа всегда остается за ними, поскольку мужики могут отвлечься на какие-то другие мысли.

— я думаю, Фрэнк обыкновенная скотина, но, похоже, ты не очень рад меня тут видеть?

ну, гладильная доска была ей не конкурентка. я осушил стакан, приблизил ее старушечье лицо, держа в уме молодое тело, и поцеловал взсос, запустив ей в рот язык. ее язык обвил мой и присосался. я поглаживал ее нейлоновые ноги и упругую грудь. нет, Фрэнк хороший парень, особенно когда нажрется.

мы оторвались друг от друга, отдышались и снова взялись выпивать.

— чем ты занимаешься? — спросила она.

— я декоратор по интерьерам.

— не надо гнать туфту.

— эй, а ты очень наблюдательна.

— я закончила колледж.

я не стал интересоваться какой. старый профи знает, как это срабатывает.

— а ты учился?

— недолго.

— слушай, у тебя красивые руки, как у женщины прямо.

— я уже тысячу раз это слышал, еще раз повторишь, и вышибу тебе зубы.

— кто ты, а? какой-нибудь актер, или художник, или что-то в этом роде? выглядишь каким-то потерянным. и еще я заметила, что ты не любишь смотреть собеседнику в глаза. мне не нравятся люди, которые не могут смотреть мне в глаза. ты что, трус?

— да. но и глаза бывают разные. глаза людей мне не нравятся.

— а ты мне нравишься.

и тут она прильнула ко мне и схватила за яйца. я на это уже и не рассчитывал. уже был готов проводить ее обратно к автомобилю или даже хуже, просто выставить.

это было приятно, в смысле, ее объятия. и прекращение болтовни.

мы выпили еще, и я потащил ее в спальню, или она поволокла меня туда. да какая разница, первый раз всегда особенный. кто бы там что ни говорил. я не позволяю ей снять ни чулки, ни туфли. вот такой я придурок. человеческое существо в своем нынешнем виде для меня непереносимо, я должен постоянно обманываться. согласен, пси-

хиатр найдет этому объяснение, но и я могу расписать по полочкам любого психиатра.

знаете, это как с велосипедом: однажды научившись балансировать, вы уже никогда не теряете это умение.

короче, все получилось. посетив по очереди ванную, мы вернулись в гостиную и добились кувшинчик. не помню, как мы снова оказались в кровати, но проснулся я под плотоядным взглядом старушечьего лица, нет, правда, взгляд был на грани помешательства. я чуть не расхохотался. она обхаживала моего вялого, пока я дрых; такое со мной уже бывало однажды, разница лишь в том, что тогда была молодая пухленькая негритянка с Айроло-стрит.

— давай, детка, давай, — сказал я и навалился на нее.

55-летнее лицо подалось ко мне и поцеловало, это было ужасно, но 18-летнее тело возмещало упругостью, податливостью, доступностью. и мы снова сделали это.

затем я отрубился. но что-то опять разбудило меня, и первое, что я увидел, очнувшись, это были розовые трусы на ее заднице, которую она пыталась впихнуть в мои старые, задрипанные джинсы. о, как это было печально наблюдать, печально и смешно, мерзко и слезоточиво, но старый профи зажмурил глаза и притворился спящим.

Фрэнки, твоя ЛЮБОВЬ возвращается!

ну, как успеет.

я заметил ее прощальный взгляд, последний взгляд, брошенный на меня поверх пустой пачки

сигарет. это может показаться чудовищным само-мнением, но я почувствовал, что она мною восхищена. да нахуй все это, у меня у самого проблем по горло, но я до сих пор ощущаю осадок, вспоминая, как она уходит в моих изодранных, грязных, рабочих штанах. но профи всегда отличит предначертанное механическое будущее, основанное на случайности, от верняка, который хрен наступит, разве что в форме стиральной доски. она вышла из спальни. я позволяю уходить женщинам, они не задерживают меня. все это ужасно, а я еще и добавляю ужаса. и пока мы не подохнем, они так и не дадут нам спать спокойно, а потом удумают еще какой-нибудь трюк... блядь, я чуть-чуть не разрыдался, но потом, сориентированный веками, Иисусовой продрочкой, всем печальным и непрочным, я подскочил как ужаленный с кровати и проверил свои пока еще не драные брюки, я отыскал свой кошелек и исследовал его на предмет наличности и обнаружил 7 баксов. ну что ж, подумал я, значит, не ограбили. отпустив слегка смущенную улыбку своему отражению в зеркале, я завалился на еще не остывшее ложе любви и... уснул.

— а ко мне приходили бейки.

— серьезно?

— да.

— белки?

— бейки!

— и много их было?

— много.

— и что произошло?

- они разговаривали со мной.
- серьезно?
- да, они со мной разговаривали.
- и что они говорили?
- они спрашивали, хочу я...
- что спрашивали?
- они спрашивали, хочу ли я ширнуться.
- что? что они спрашивали?
- я же сказала — они спрашивали, хочу ли я ширнуться.
- и что же ты ответила?
- я сказала — нет.
- а что сказали эти бейки?
- они сказали: «НУ И ЛАДНО!»

* * *

- мама встречалась с Биллом, мама встречалась с Джином, мама встречалась с Дэнни.
- серьезно?
- ага!

* * *

- можно, я потрогаю твою писю?
- нет.
- у меня есть тити. и у тебя есть тити.
- верно.
- смотри! я могу сделать так, что твой пупок исчезнет. а тебе больно, когда я прячу твой пупок?
- нет, это просто жир.
- а что такое жир?

— ну, жир — это много меня там, где меня быть не должно.

— ой...

* * *

— а сколько время?

— пять двадцать пять.

— а щас сколько время?

— все еще пять двадцать пять.

— ну а теперь сколько время?

— послушай, время так быстро не меняется. сейчас все еще пять двадцать пять.

— сколько время СЕЙЧАС?

— я тебе сказал — сейчас пять двадцать пять.

— а сейчас сколько время?

— пять двадцать пять и двадцать секунд.

— давай я тебе мячик покидаю.

— отлично.

* * *

— ты что делаешь?

— я лезу!

— не упади! упадешь оттуда — разобьешься.

— я не упаду!

— смотри!

— не! не упаду! вот смотри!

— о господи!

— я слезаю! я сейчас слезаю!

— хорошо, становись вот сюда.

— ох ёпс!

— что ты сказала?

— я сказала — ЁПС!

— я так и думал.

— мама встречалась с Ником, мама встречалась с Энди, мама встречалась с Ройбеном.

— серьезно?

— ага! а ты на работу собираешься?

— да.

— я не люблю, когда ты на работу уходишь!

— да я тоже не люблю.

— тогда не ходи.

— ну, только там я могу зарабатывать деньги.

— ой...

— верно.

— ты ручку взял?

— да.

— ключи взял?

— да.

— значок взял?

— да.

— иди на работу, иди на работу, иди на работу, иди на работу, иди на работу...

* * *

— а мы вчера вечером ходили на семинар.

— да?

— да.

— и что там люди делали?

— они говорили. все говорили и говорили. только говорили.

— ну а ты что делала?

— а я спала.

* * *

— где же ты взяла такие большие и прекрасные голубые глаза?

— я сделала их сама!

— ты сама сделала?

— ага!

— понятно.

— твои глаза тоже голубые.

— нет, они зеленые.

— нет, они голубые!

— это, наверное, от света. здесь освещение плохое.

— а ты сам себе глаза сделал?

— мне немного помогли.

— а я сама сделала себе глаза, и руки, и нос, и ноги, и брови. всё сама.

— порой мне кажется, что так оно и есть.

— и глаза у тебя голубые.

— хорошо, у меня голубые глаза.

* * *

— я пукнула! ха-ха-ха! я пукнула!

— правда?

— ага!

— хочешь в туалет?

— НЕТ!

— ты уже несколько часов не делала пи-пи. что с тобой такое?

— ничего. а с тобой что такое?

— не знаю.

— почему?

— я не знаю почему.

— сколько время?

— шесть тридцать пять.

— а сейчас сколько время?

— все еще шесть тридцать пять.

— а сейчас?

— шесть тридцать пять.

— эх, ЁПС!

— что?

— я сказала: «эх, ЁПС! ЁПС! ЁПС! ЁПС! ЁПС!»

— послушай, принеси-ка мне пива, а?

— ладно. мама встречалась с Дэнни, мама встречалась с Биллом, мама встречалась с Джином.

— хорошо, дай допить пиво.

она отбегает и начинает записывать в свою сумочку кубики, канцелярские скрепки, резинки, удлинительные шнуры, купоны, конверты, рекламные проспекты и статуэточку Бориса Карлоффа. а я пью пиво.

место действия — дно Филадельфии, я — мальчик на побегушках за хавку и пойло. Джим — утренний бармен — запускал меня в полшестого утра, и, пока он убирался, я мог бесплатно выпить, затем в семь бар открывался. в два ночи я должен был его закрывать. времени на сон оставалось совсем мало, но в то время у меня по всем фронтам было хреново, что с едой, что со сном, что еще с чем. заведение наше было старое, запущенное, пропахшее мочой и смертью, так что, когда какая-нибудь шлюха заглядывала к нам поохотиться, мы испытывали особенную гордость. как я

платил за жилье, о чем я тогда думал — не помню. примерно в то время мой рассказ был напечатан в «ПОРТФОЛИО III», наряду с Генри Миллером, Лоркой, Сартром и многими другими. стоил такой журнал 10 баксов — внушительная охапка не сшитых страниц разноцветной дорогой бумаги, отпечатанной разными шрифтами, плюс безумные экспериментальные картинки. Кэress Кросби — редакторша — отписала мне: «весьма необычные и чудесные рассказы. кто Вы?» я чиркнул в ответ: «дорогая госпожа Кросби, я не ведаю, кто я есть. искренне Ваш, Чарльз Буковски». вскоре после этого я забросил писательство почти на десять лет. но тогда... мой авторский экземпляр «ПОРТФОЛИО», ночь, идет дождь... и сильный ветер разносит разноцветные листы по улице, люди, бегущие за ними, и я, пьяный, наблюдаю за этой картиной; здоровенный мойщик окон, неизменно потребляющий яичницу из шести яиц на завтрак, своим огромным башмаком припечатывает одну страничку: «есть! я поймал!» «нахуй! выброси! пусть летят!» — крикнул я ему, и мы все вернулись в бар. я выиграл нечто вроде пари — напечатался, и этого было достаточно.

около одиннадцати утра Джим говорил мне, что я свободен и могу прогуляться, это означало, что мне больше не наливают. я шел на задний двор и заваливался прямо на земле в проулке. я любил это место, потому что там часто ездили грузовики и казалось, никто меня не будет доставать, но как бы не так: каждый день появлялись черномазые сорванцы и тыкали меня в спину палками. я не ре-

агировал, потом раздавался окрик их матери: «все, хватит, хватит, оставьте мужика в покое!» повалившись, я вставал, возвращался в бар и продолжал квасить. еще одна неприятность поджидала меня на заднем дворе — известка. каждый раз по возвращении кто-нибудь долго меня отряхивал и все прикалывался.

однажды, сидя в баре, я спросил у завсегдатаев: «а чего это никто из вас никогда не ходит в тот соседний бар?» и мне ответили: «это бандитский бар, пойдешь, и тебя там пришьют». я допил остатки и отправился туда.

бандитский бар выглядел намного чище, там сидели молодые громилы, было тихо и мрачно.

— мне виски с водой, — сказал я бармену.

он притворился, что не слышит.

я прибавил громкости и повторил:

— бармен, я попросил виски с водой!

он выдержал долгую паузу, затем взял бутылку, подошел и наполнил мой стакан. я опрокинул.

— еще.

он налил. по ходу дела я заметил сидящую в одиночестве симпатичную молодую женщину. да, она была симпатичная и одинокая. у меня оставались кое-какие деньжата, не помню, откуда они появились, я взял свою выпивку и подсел к ней.

— что бы вы хотели послушать? — спросил я, кивая на музыкальный автомат.

— что-нибудь на ваш вкус.

я запустил автомат. хотя я и не знал, кто я таков есть, но уж запустить музыкальный автомат я был в состоянии, тем более для такой красоты.

как она, такая молодая и симпатичная, оказалась в одиночестве?

— бармен! бармен! повтори два раза! для леди и для меня!

вскоре я почувствовал в воздухе запах Смерти. правда, я так и не разобрался — хорош этот дух или плох.

— если чего желаешь, дорогая, позови человека!

мы просидели часа полтора, когда один из молодчиков, сидевших в глубине бара, поднялся и медленно подошел ко мне. он встал позади и, дождавшись, когда красотка ушла в туалет, проговорил:

— послушай, приятель, хочу сказать тебе кое-что.

— валяй, я к твоим услугам.

— это девушка нашего босса, продолжишь в том же духе, сам дух испустишь.

так и сказал: «дух испустишь». прямо как в кино. затем он вернулся на свое место. тут и девушка подошла и устроилась напротив меня.

— бармен, еще парочку!

я продолжал загружать музыкальный аппарат и поддерживал беседу, но пришло время и мне посетить сортир. отворив дверь с пометкой «М», я обнаружил, что за ней находится лестница, ведущая вниз. значит, мужской туалет у них в подвале — как странно. я начал спускаться и тут заметил, что за мной идут двое парней из тех, что сидели в глубине. страха не было, скорее ощущение необычности. ничего не оставалось, как спуститься даль-

ше. я подошел к писсуару, расстегнул ширинку и принялся сливать. будучи еще не очень пьяным, я заметил приближающуюся дубинку. успел слегка отклонить голову и получил не по уху, а по затылку. перед глазами поплыли круги и вспышки, но я устоял. закончив писать, я застегнулся и повернулся к выходу. они стояли и ждали, когда я упаду.

— прошу прощения, — сказал я и, протиснувшись между ними, поднялся по лестнице и занял свое место за столиком. вот, правда, руки сполоснуть забыл.

— бармен, еще пару.

появилась кровь. я достал носовой платок и приложил к голове. в зал вернулись и двое громил.

— бармен, — кивнул я на них, — две порции для тех джентльменов.

и снова музыка, и снова разговоры, девушка не собиралась уходить. я почти ничего не понимал, о чем она говорит, мне снова захотелось отлить. пришлось вставать и идти. проходя мимо парней, я услышал, как один сказал: «этого сукина сына хрен убьешь, он же псих, мать его».

и они не пошли за мной вниз по лестнице, а я, когда вернулся, не подсел к девушке. я уже все доказал, и интерес иссяк. я просидел там до закрытия и вышел вместе с ребятами. остаток ночи мы пили, смеялись и пели. потом мы остались вдвоем с черноволосым, который сказал мне:

— давай к нам в банду. ты крутой чувак, нам нужны такие.

— спасибо, друг. ценное предложение, не могу его принять, но все равно глубоко признателен.

на этом мы расстались. главное — красиво уйти. через пару кварталов я подвалил к патрульной машине и рассказал, будто меня отпиздили и ограбили два моряка. копы отвезли меня в «травму», и я оказался в хирургическом кресле под ярким электрическим светом в компании доктора и сестры.

— сейчас будет больно, — сказал док и пустил в ход иглу.

но я ничего не ощущал, кроме того, что неплохо контролирую себя и ситуацию. я так раздухарился, что, когда стали накладывать повязку, опустил руку и схватил сестру за ногу. я сжал ее коленку и возрадовался.

— эй! ты что, охренел?

— нет, просто шутка, — ответил я возмущившемуся доктору.

— может, нам его с собой забрать? — поинтересовался один из копов.

— не надо, отвезите его домой. у него была трудная ночь.

копы выполнили поручение. отличный сервис. в Лос-Анджелесе я бы точно оказался в «обезьяннике». а тут я приехал домой, выпил бутылочку вина и завалился спать.

в то утро я не пошел к открытию бара. иногда я валялся в постели весь день. около двух часов пополудни я услышал за окном разговор двух женщин.

— не знаю, что и думать об этом новом жильце, — говорила одна. — иногда он целый день не выходит из комнаты, шторы опущены, играет музыка по радио, вот и все.

— видела его, — отвечала другая. — почти всегда пьяный — ужасный тип.

— наверное, я попрошу его съехать, — заявила первая.

ах ты, блядь, подумал я, блядь, блядь, блядь, блядь. выключил радио со Стравинским, натянул одежду и отправился в бар.

— эй, а вот и он!!! — встретили меня возгласы.

— а мы думали, тебя убили!

— ну как? ты побывал в этом бандитском баре?

— побывал.

— ну расскажи!

— сначала надо бы выпить.

— конечно, конечно...

подоспел виски с водой. я присел в конце стойки. грязное солнце совершало свой путь между Шестнадцатой и Фейрмаунт. мой день начался.

— слухи о том, что это крутое заведение, — начал я свой рассказ, — соответствуют действительности. — и дальше я поведал им о событиях, изложенных выше.

конец этой истории таков, что я не имел возможности причесываться еще пару месяцев. пару раз я заглядывал в бандитский бар и был радушно встречен. затем я покинул Фили, до того как успел огрести еще каких-нибудь проблем, или уж не знаю, чего я там искал. но чего-то мне точно не хватало. может, мы обретаем это после смерти? а может — и нет. короче, у всех есть книги по философии, знакомые священники и проповедники, ученые, так что не спрашивайте меня. но помните: держитесь подальше от баров с мужскими туалетами в подвалах.

похороны матери Генри прошли неплохо. отличная католическая церемония: священник помахал кадиллом и все было кончено, гроб не открывали. прямо с похорон Генри отправился на скачки и удачно поиграл на тотализаторе. там же он подцепил молодую мулатку, они поехали к нему, она приготовила мясо, и все случилось как нельзя лучше.

когда же умер отец, сложностей было больше. во-первых, гроб был открыт и ему пришлось подходить для последнего прощания. перед ним прощалась подруга старика, которую он раньше никогда не видел, Ширли, так вот эта Ширли бросилась на гроб, завывала, зарыдала, обхватила мертвую голову и принялась целовать. ее оттащили. затем, когда Генри шел за гробом, она, эта Ширли, заграбастала его и стала целовать, приговаривая: «как ты похож на своего отца!» от ее поцелуев Генри возбудился, и, когда Ширли отошла, штаны у Генри топорщились. он рассчитывал, что этого никто не заметил, и в дальнейшем старался держаться от нее подальше. Ширли была ненамного его старше. после похорон он отправился на скачки, но ставил неудачно, проигрался, и никакой мулатки на сей раз ему не досталось, короче, старик оставил на нем печать скорби. душеприказчик отца объявил, что завещания старик не оставил. денег тоже не было, только дом и машина. Генри тогда не работал и решил сразу же переселиться. и забухал вместе со своей давней подружкой Мэгги. проснувшись после обеда, он выходил поливать лужайку перед домом и эти чертовы цветы, старик обожал свои цветы. Генри

поливал цветы и вспоминал, как отец козлил его за то, что он не любит работать, пьет и шляется по бабам. теперь отцовы дом и машина принадлежали Генри, а старик гнил в земле. вместе с домом по наследству перешли и соседи, теперь Генри должен был общаться с ними. с северной стороны жил парень — управляющий прачечной — Гарри. у этого Гарри весь двор был забит птицами, тысяч на пять баксов, разной масти, со всех частей света, у всех у них был причудливый окрас и разнообразное оперение. некоторые из них разговаривали, а одна птица все время твердила одно и то же: «пошел к черту, пошел к черту». Генри прыскал на говоруна водой, но это не работало. птица спрашивала: «огоньку не найдется?» и затем коронное «пошел к черту» несколько раз подряд очень быстро. весь двор Гарри был заставлен клетками, в которых трещали эти твари. Гарри жил ради птиц, Генри ради выпивки, и еще ради ебли. может быть, ему попробовать трахнуть какую-нибудь из этих птах? как это вообще делается?

Мэгги была хороша в постели, но в ней текла гремучая смесь ирландской и индейской кровей, и, если в эту смесь попадал алкоголь, в Мэгги просыпался бес. время от времени Генри приходилось умирять этого беса кулаками.

однажды Генри нашел телефон Ширли, позвонил ей и пригласил в гости. Ширли пришла, снова стала целовать его, приговаривая, как он похож на своего отца. Генри приобнял ее и поцеловал в ответ, но в кровать не потащил, решил повременить, не хотелось ее спугнуть.

почти каждый вечер приходил Гарри со своей женой, и начиналась пьянка. Гарри мог говорить только о своей прачечной и своих птицах. жена Гарри, закинув ногу на ногу и обнажив ляжки, рассуждала о том, как она ненавидит всех этих пернатых, а Генри чувствовал, что у него в трусах очень беспокойно. чертовы бабы, они дразнят его!

Ширли тоже стала заглядывать частенько и присоединялась к компании. Мэгги не нравились посещения Ширли, а Генри все присматривался то к Ширли, то к жене Гарри, пытаюсь определиться, кто же лучше. и вот однажды вечером, когда вся компания была в сборе, произошло следующее: жена Гарри, напившись, выпустила всех птах на волю. пять тысяч баксов упорхнули из своих клеток. Гарри был в ахуе, затем он дико заорал и принялся пиздить свою жену. каждый раз, когда она падала на пол, Генри таращился на задравшийся подол платья, он видел ее красивые ноги, трусики и зверски возбуждился. Мэгги выскочила во двор, пыталась ловить птиц и распихивать их по клеткам, но у нее ничего не получалось. чертовы птахи почти на пять тонн баксов разлетелись по всей улице, они попрятались в кронах деревьев, разгуливали по крышам — разноцветные, разномастные, они вкушали воздух свободы. Генри не мог уже сдерживать себя, сграбастал Ширли и поволок ее в спальню. он быстро содрал с нее одежду и оседлал. пьяный в жопу, он еле двигался; каждый раз, когда Гарри ударял свою жену и она взвизгивала, Генри совершал еле ощутимый толчок... и тут в дом вбежала Мэгги с птичкой в руках — это была

птаха с оранжевым перышком на головке и такими же перышками на груди и лапках, все остальное тельце птицы покрывала серая противная кожа, эта тварь обошлась Гарри в 300 баксов. «я поймала птицу!» — завопила Мэгги и, не найдя Генри, влетела напрямик в спальню. увидела, чем он там занят, шлепнулась в кресло и принялась орать. Гарри продолжал мутузить свою благоверную, которая визжала в голос с Мэгги. такую картину и застала подроспевшая полиция. два молодых копа стащили Генри с Ширли, заставили всех одеться и предложили проехаться в участок. прибыла еще одна патрульная машина с двумя легавыми. Мэгги впала в ярость и разбила нос одному из блюстителей порядка. тогда копы надели на нее наручники, загрузили в патрульную машину, втроем вывезли за город и там по очереди оттянули на заднем сиденье. оставшийся легавый повез Генри, Гарри, Ширли и жену Гарри в участок, там составили протокол и всех арестовали. на улице остались только ошалевшие от свободы птицы.

в воскресенье проповедник говорил о «распутных алкоголиках, которые привносят в наше общество грех и срам». на службе присутствовала Мэгги, ее к тому времени единственную освободили из-под ареста, к тому же она была очень религиозна. Мэгги сидела в первом ряду, высоко закинув ногу на ногу. с кафедры проповеднику были хорошо видны ее обнаженные ноги, огромные ляжки почти до трусов. в трусах у проповедника стало беспокойно. к счастью, кафедра скрывала его по пояс, но ему пришлось отвести взгляд в окно и го-

ворить, говорить, пока не улеглась его подрейтузная буря.

Гарри потерял работу, Генри продал дом, а проповедник поимел Мэгги. Ширли вышла замуж за телевизионного мастера. Гарри бродил по двору, заглядывая в пустые клетки, а его любимцы голодали и умирали на улицах, и каждый раз, когда он находил очередной трупик, он пиздил жену. Генри проиграл и пропил вырученные за дом деньги за шесть месяцев.

меня зовут Генри. Чарльз — мое второе имя. когда умерла моя мать, похороны прошли неплохо — отличная католическая церемония: священник помахал кадилом и все было кончено, гроб не открывали. со смертью отца сложнее — гроб был открыт, подружка старика бросилась на гроб... целовала мертвеца в голову, и это повлекло за собой длинный ряд событий.

P. S. пташку никак не выебешь, если не поймалешь.

самое лучшее в современных газовых сушилках — это, конечно, то, как они воздействуют на одежду, я облажался пять раз — один, два, три, четыре, пять — и получил пинок под жопу. и вот я в Атланте. и мне еще хуже, чем в Нью-Йорке. я еще беднее, еще безумнее, еще больнее и худее. шансов не больше, чем у пятидесятитрехлетней шлюхи или у паука в горящем лесу. и тем не менее бреду по улице, ночь и холодина, а Богу наплевать, и женщинам наплевать, и придурковатому редактору наплевать, и даже паукам наплевать, а холоду

не наплевать, и улицам не наплевать, они лижут мой живот, замерзший и опустевший, ха-ха-ха, улицы многое повидали; я шел наугад в легкой летней рубашонке, совершенно заочоленев, я постучался в дверь, было около девяти вечера спустя почти два тысячелетия после воскрешения Христа, и дверь открылась, и в дверях стоял человек без лица. я сказал, что мне нужна комната, что я видел вывеску «сдается комната», и он ответил, чувак, ты в меня не врубаешься. так что проваливай.

да мне только и нужно, что комната, сказал я, а тут такая холодина, я заплачу. может, на неделю у меня и не хватит, но мне бы только от холода укрыться. сдохнуть — это еще не так страшно, потерять куда хуже.

отъебись, был ответ.

дверь захлопнулась.

и снова я брел по улицам, не зная ни их названий, ни куда иду. и, что самое печальное, что-то явно было не так. но сформулировать, что именно, я не мог. так оно и болталось у меня в башке, словно Библия. ну и хренотень. это же надо так зависнуть. ни карты, ни людей, ни звуков, только осы, камни, стены и ветер. мой хуй и яйца болтались без чувств. я мог бы орать, визжать, ругаться, но никто не услышал бы, никто и пальцем не шевельнул бы, да и с какой стати. я не требовал любви, нет. но что-то ведь явно было не так. в книгах ничего не говорится об этом. родители никогда не заводят разговоров на эту тему. а вот пауки могут поведать многое. отъебись так отъебись.

тогда я впервые заметил, что все частное имеет на себе замок. все было закрыто. урок для воров, бродяг и сумасшедших. красота по-американски.

впереди замаячила церковь. я не жалую эти храмы Господни на земле, особенно когда они битком набиты людьми, но в девять вечера я надеялся, что такого не будет.

я стал подыматься по ступенькам.

эй, женщина, посмотри, что случилось с твоим мужем.

я рассчитывал посидеть там немного, надышаться этой дрянью, возможно, я понял бы что-нибудь относительно Бога, а может, предоставил бы ему шанс. я налег на дверь.

хуй в рот — закрыто.

пришлось возвращаться на улицу. я тащился куда глаза глядят, сворачивая то направо, то налево, и снова шел, шел, больше ничего не оставалось. стен — вот чего всегда боялся человек, подумалось мне. ты изолирован, у тебя нет друзей, и тогда ужас охватывает все твое существо, до самых кишок. ужас, который может и прикончить. и тогда человек прибегает к дешевым уловкам, думает, его спасут всякие кредитные карточки. полный кошелек наличных. страховка. автомобиль. кровать. окно. туалет. кошка. собака. цветок в горшке. музыкальный инструмент. свидетельство о рождении. поводы сердиться. враги. группа поддержки. мешки с мукой. зубочистки. порция здоровой пиздятины. ванна. фотоаппарат. полоскание для рта, о господи, о-о-о-ох! замки (тони в этой гуще, плыви в ней, чеши ей спинку) (все, что имеется, — запихни в

себя, как плавники, резиновые крылья, запасной хуй в аптечке).

я перешел через мостик и увидел еще одну веску: «сдается комната». я подошел к дому и постучался. естественно, постучался, а что мне оставалось? наяривать чечетку в летней рубашке, не ощущая ни ног, ни жопы?

да, дверь открылась. на пороге — старуха. от переохлаждения я не приметил, было у нее хоть какое-нибудь лицо или нет. скорее всего — нет. ну, судя по статистике. да, я охуенный математик с жопой-ледышкой. я растер окоченевшие губы и заговорил.

вы сдаете комнату?

ну, сдаю, и что?

у меня есть веские причины думать, что мне потребуется комната.

а мне потребуется доллар с четвертью.

за ночь?

за неделю.

за неделю?

да.

господи!

я отсчитал доллар и двадцать пять центов, и у меня еще осталась пара-тройка баксов. заглянув в дом, я возликовал. боже мой, там полыхал огонь — пять футов в ширину и фута три в высоту. нет, это был не пожар — в доме имелся обалденный камин. о, возле такого камина можно было вернуться к жизни. возле такого камина можно было поправиться на пару фунтов без всякой жратвы, просто глядя на огонь. еще я приметил, что возле камина

сидит старик. Его заливали красные сполохи от огня. бляха-муха. нижняя челюсть отвисла, похоже, он не врубался, где находится. все его тело содрогалось, и он не мог справиться с этой дрожью, бедняга, старый, трухлявый пенёк. я подался вперед и ступил за порог.

куда прешь? — зашипела старуха.

как это куда? я же заплатил за неделю вперед.

заплатил, но твоя комната не здесь. ступай за мной.

старуха закрыла дверь, старый черт остался в тепле, а я поплелся за старухой по двору. блядь, весь двор покрывала грязь, сплошная непролазная грязюка. оказывается, во дворе стояла картонная хибара, которую я раньше и не приметил. у меня всегда было хуево с наблюдательностью. старуха распахнула ветхую дверь, которая болталась на одной петле, и сказала:

не закрывается, но сюда никто не сунется.

хочется верить, ответил я.

и она ушла. а я был прав. теперь я разглядел ее лицо — у нее его не было. просто плоть, обтягивающая кости черепа, как сморщенная кожа на спине у курицы.

света не было, с потолка свисал оголенный провод. земляной пол, застланный газетами, наверное, вместо половика. кровать без простыней, только тонкое одеяло, одно-единственное. и вдруг я обнаружил керосиновую лампу. здорово! удача! чудо! спички у меня имелись, и я запалил фитилек. лампа разгорелась!

это был великолепный огонь, в нем билась душа залитых солнцем горных склонов, несущихся косяков рыб, теплых шерстяных носков, пахнущих поджаренным хлебом. я обхватил лампу руками. у меня красивые руки.

но тут пламя погасло.

я повертел лампу и так и сяк, но, будучи дитем двадцатого века, я мало знал о ее секретах. И все же мне не потребовалось потратить всю свою жизнь на то, чтобы сообразить, что загвоздка в жидкости, вернее, в горючем, скорее всего, требуется керосин.

я пихнул картонную дверь и вышел в божественно звездную ночь. пробравшись через засраный двор, постучался в дверь дома своей красивой рукой.

да, дверь отворилась, и на пороге стояла старуха, а кто же еще? Микки Руни? я еще раз мельком глянул на трясущегося старого беса в отблесках восхитительного огня. идиот хренов.

чего такое? — спросила старушенция своей куриноспиноподобной головой.

не хочется вас беспокоить, но там у вас есть керосиновая лампа, знаете?

да.

она погасла.

погасла?

да. и я хотел спросить, нельзя ли одолжить у вас какого-нибудь горючего для нее?

ты сбрендил, парень, это дерьмо денег стоит!

она не хлопнула дверью — старое воспитание. а прикрыла ее с эдакой неряшливой учтивостью — многовековая практика, учтивые предки, все с ку-

риноподобными лицами, куриноподобные унаследуют землю.

я вернулся в свою лачугу и уселся на кровать. и тут со мной приключилась совершеннейшая неловкость: хоть я долгое время уже ничего не ел, мне вдруг приспичило срать. пришлось снова выходить в божий мир и тарабанить в дверь. и опять на пороге появился совсем не Микки Руни.

слушаю.

простите, что снова беспокою вас, но в моем жилище нет туалета. Он вообще есть где-нибудь?

вон там! — указала старушенция.

там?

там! и знаешь что...

что?

отъебись, парень. сколько можно бродить туда-сюда и тарабанить, дурья твоя башка? ты же мне весь дом выстудишь!

извините...

на этот раз она так хлопнула дверью, что меня от яиц до ушей обдало теплом, это было как ласка, правда, мимолетная. я повернулся и стал пробираться к сооружению, названному сортиром.

унитаза не было — просто дыра. я заглянул в дыру — наверное, она тянулась на милю вглубь и воняла так, что даже для туалета это было невероятно. в лунном свете я разглядел паутину, сплетенную прямо в дыре, и в центре паутины хозяина — черного жирнющего паука. и тут же мне расхотелось срать.

я вернулся в лачугу, уселся на кровать и махнул своей восхитительной рукой, целясь по свисающе-

му с потолка проводу. не попаду, так хоть согреюсь. обезумевший, полный окаменевшего говна, я сидел и махал на электрический провод. потом встал и вышел. я прошагал по улице почти квартал и остановился под замерзшим деревом. теперь я стоял под огромным промерзшим деревом вместе со своим окаменевшим говном и смотрел в окна бакалейной лавки. там, у прилавка, стояла толстая тетка и разговаривала с бакалейщиком, они просто стояли в желтом свете ламп и болтали, окруженные разнообразной снедью, и им было плевать и на картины, и на литературу, и на Платона, и даже на капитана Кидда. их кумиром был Микки Руни. они были мертвы, но, в определенном плане, смысла в них было больше, чем во мне, который не мог выдавить из себя даже говно.

я вернулся в хибару и утром написал на полях старой газеты длинное письмо отцу. затем приобрел конверт, наклеил марку и отправил свое прошение. я написал, что голодаю и хотел бы купить билет до Лос-Анджелеса, а что касается писательства, то ну его к дьяволу, вон Демасс подхватил сифон и спянул на своей академической гребле. пришли денег.

точно не помню, но я, кажется, так и не сходил в туалет, дожидаясь ответа. и ответ пришел. я разорвал конверт, вытряхнул содержимое. там оказалось десять-двенадцать листов, исписанных с обеих сторон, но денег не было. письмо начиналось словами: ШУТКИ КОНЧИЛИСЬ!

...ты мне должен десять долларов, которые так и не вернул. я вкалываю в поте лица. я не имею

возможности содержать тебя, пока ты кропаешь свои глупые побасенки, если бы продавал их или совершенствовался в мастерстве, это было бы совсем другое дело, но я читал твою писанину — это ОТВРАТИТЕЛЬНО, люди не хотят читать всякую ГАДОСТЬ. научись работать как Марк Твен — вот это великий человек. он умел смешить читателей. а в твоих рассказах люди или кончают с собой, или сходят с ума, или убивают других, но на самом деле жизнь не такая, какой ты себе ее представляешь. сделай что-нибудь полезное, позаботься о себе...

и так далее и тому подобное, я не смог дочитать до конца. я еще раз перетряхнул все страницы — ноль. в этот же день, блуждая по улицам, я увидел объявление: «требуется помощь». я заинтересовался — им нужен был человек в бригаду дорожных ремонтников где-то на западе Сакраменто. я подписался. но и в бригаде дорожников у меня не сложилось. нас везли в старом, пыльном вагоне. один из парней забрался под мою лавку и, пока я пытался уснуть, сдул пыль прямо мне в лицо, а все остальные гоготали. БЛЯДЬ! и все же это было лучше, чем голод и холодрыга Атланты. в конце концов я разозлился и поднялся. парень выскочил из-под койки и присоединился к остальной банде.

этот пацан чокнутый, сказал он, так что, если он дернется, надеюсь, вы мне поможете, ребята.

я не дернулся. возможно, Марк Твен выжал бы из этой ситуации пару смешков, возможно, он бы дернулся, а затем распил бы с этими говнюками пузырь и стал бы горланить песни, он же слыл настоящим мужиком. я не был таким, но я покинул

Атланту и остался жив. при мне оставались мои прекрасные руки, и вся жизнь была впереди.

поезд катился себе и катился.

не знаю, в чем тут было дело, может, в этих китайских улитках с их крохотными кругленькими анусами, или в турке с его лиловым зажимом для галстука, или просто в том обстоятельстве, что мне приходилось барахтаться ее по семь, восемь, девять или даже двенадцать раз в неделю, или еще в чем-нибудь и еще и еще, короче, однажды я женился на женщине, девице, которой светило наследство в миллион баксов, как только кто-то там помрет, хотя в той части Техаса, откуда она, о смоге и говорить не приходится, полноценное питание, качественное бухло, и к доктору бегают с каждой царапиной или чихом. она была нимфоманка, и что-то там с шеей у нее было не слава богу, а свели нас мои стихи, она считала, что они лучшее, что появлялось со времен Блэка, стоп, я имел в виду Блейка — Блейк. ну, некоторые, пожалуй, да. или что-то еще. она начала писать мне. я не знал про ее миллион. Обитал я тогда на Норт-Кингсли-драйв, недавно вышел из больницы, куда попал из-за открывшегося кровотечения, прохудились и желудок, и жопа, вся окружающая больница была в моей крови, и после того, как в меня вкачали пять литров крови и столько же глюкозы, мне заявили: «еще одна пьянка — и ты труп». нашли чем страшить суицидника. в общем, я сидел в своей комнатенке и ночи напролет хлестал пиво, курил дешевые сигары, писал стихи, бледный и изможденный, и ждал, когда же рухнет моя последняя перед вечностью стена.

и вот стали приходить письма. я отвечал. после обсуждения достоинств моих стихов она присылала собственные сочинения (неплохие, кстати), а затем каждый раз одно и то же: «ни один мужчина не захочет жениться на мне. все из-за моей шеи. она не поворачивается». и так в каждом письме: «ни один мужчина не захочет жениться на мне, ни один мужчина не захочет жениться на мне, ни один мужчина не захочет жениться на мне». однажды вечером я не выдержал, спьяну написал: «да черт возьми, я женюсь на тебе. расслабься». отправил письмо и забыл про него. только она не забыла. до этого она присылала мне фотографии, и на них она выглядела здорово. но после моего обещания пришли другие — просто кошмарные. я дико НАЖРАЛСЯ. я опустился на колени посередине комнаты, ужас переполнял меня, и я прошептал: «сие есть акт самопожертвования. ибо если человек может за всю свою жизнь осчастливить хотя бы одного себе подобного, значит, его жизнь обретает смысл». черт, должен же я был придумать для себя хоть какое-то оправдание. стоило мне взглянуть на одну из этих фотографий, и душа моя содрогалась и никла, вопия, ну и херак-с — очередная банка пива.

а может, эти китайские улитки с их маленькими кругленькими анусами и ни при чем, возможно, во всем виновата изостудия. на чем я остановился?

итак, дамочка приезжала на автобусе, мама ничего не знала, папа не подозревал, и дедушка тоже, все они свалили куда-то в отпуск, и денег у нее было всего ничего. я встречал ее на автовокзале,

ну то есть сидел бухой и ждал женщину, которую никогда не видел и с которой никогда вживую не разговаривал, ждал, чтобы жениться на ней. я просто спятил. меня следовало изолировать. прозвенел звонок — прибыл ее автобус. из дверей повалили люди, я наблюдал. и вот появилась эта миловидная сексуальная блондинка на высоких каблуках, молодое тело в самом соку, 23 года, и шея не портила общую картину. неужели это она? может, моя просто опоздала? я подошел.

— вы Барбара?

— да. а вы, я полагаю, Буковски?

— думаю, что да. ну что, идем?

— разумеется.

мы загрузились в мою развалюху и отправились ко мне.

— я чуть не вернулась с полпути.

— я не в претензии.

дома я выпил еще, но она заявила, что не ляжет со мной, пока мы не поженимся. поспав, мы укатили в Вегас и там поженились. я вел машину туда и обратно без отдыха, и когда мы наконец оказались в постели, это было нечто... ПЕРВЫЙ раунд был нечто. до этого она говорила мне, что нимфоманка, но я не верил. теперь после третьего или четвертого раунда я вынужден был поверить и признать, что серьезно влип. каждый мужик склонен думать, что уж он-то сможет укротить нимфу, но все попытки заканчиваются могилой — для мужика, естественно.

я бросил свою работу экспедитора, и мы автобусом отправились в Техас. там я и узнал, что моя женушка миллионерша, но факт этот не особенно

вдохновил меня. ну, я всегда был слегка не в себе. это был маленький городишко, по оценкам экспертов — последний город в Америке, на который враг позарился бы сбросить атомную бомбу, и они были совершенно правы. между визитами в спальню я выбирался на кратковременные прогулки по городу, изможденный, обескровленный и пресыщенный, и весь городишко, конечно же, тарасился на меня. для них я был городским пройдохой, который ошельмовал их богатую девчушку. должно быть, он совсем не прост, думали они. и не ошибались. у меня на вооружении стоял очень усталый член, и чемодан, полный стихов, пылился в засаде. у нее была мелкая чиновничья работенка в городской администрации, а я днями просиживал на солнышке у окна и гонял мух. папаша считал меня полным ничтожеством, правда, дедушка выказывал некоторые симпатии, но последнее слово, как и основные деньги, было за папой. как-то я, по обыкновению, гонял балду. ввалился здоровенный ковбой. сапоги. широченная ковбойская шляпа. полный фарш, короче.

— здорово, Барбара, — сказал он и посмотрел на меня. — скажи, чем ты занимаешься? — спросил ковбой.

— чем ЗАНИМАЮСЬ?

— да, если проще, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?

глядя в окно, я выдержал долгую паузу. затем отогнал муху и повернулся к ковбою. он навалился на стол всей своей двухметровой тушей, эдакий краснорожий техасский герой. мужик.

— я типа... ну, что-то вроде ПЛЫВУ по течению...

наудачу, короче.

он откинулся от стола и вышел.

— знаешь, кто это был? — спросила Барбара.

— не-а.

— местный громила. весь город держит. мой двоюродный брат.

— ну, он же ничего не СДЕЛАЛ, верно? — промямлил я.

впервые она посмотрела на меня по-другому. перед ней сидел чистокровный ублюдок. а образ тонко чувствующего поэта оказался всего лишь розочкой в петлице моего рождественского наряда. в «день синего хлопка» я облачился в единственный свой костюм и разгуливал по всему городу. это смахивало на голливудский фильм. по идее, любо-го, кто в этот день появлялся на улице не в джинсах, полагалось поймать и бросить в озеро, но сказать легче, чем сделать. я фланировал по улицам слегка навеселе, но так и не обнаружил никакого озера. город был мой. местный доктор зазывал меня на охоту или рыбалку. ее родственники приходили отовсюду и глазели, как я забрасываю пустые пивные банки в корзину для мусора и отпускаю остро-ты. они по ошибке принимали мою суицидальную беспечность за храбрость. шутка сработала.

но Барбара хотела в Лос-Анджелес. она никогда не жила в большом городе. я пытался отговорить ее. мне нравилось бездельничать в захолустье. но нет, она настояла на своем, дедуля выписал нам солид-ный чек, мы снова сели на автобус и укатили пря-миком в Л.-А. потенциальные миллионеры доволь-ствовались общественной скотовозкой. мало того,

она требовала, чтобы мы сами зарабатывали себе на жизнь. пришлось мне снова устроиться экспедитором, а она слонялась без дела, пестуя в себе желание отдаться созидательному труду. каждый вечер после работы я напивался, «господи милосердный! — вопил я. — глянь, что я натворил. женился на конченной деревенщине». от таких рулад она бесилась не по-детски. но я не собирался лизать жопу миллиону баксов, это не в моем стиле. мы жили на вершине холма, снимали маленький домик, задний двор весь зарос высоченной травой, а в высоченной траве прятались мухи. когда они покидали свое укрытие, то заполняли весь двор — 40 000 мух, они просто сводили меня с ума. я брал огромный флакон с ядом и выходил на охоту, я убивал по тысяче на дню, но они еблись слишком быстро, как и мы. эти придурки, что жили в доме до нас, увешали стену в спальне полками, а полки заполнили горшочками — горшочками с геранью. большие горшочки, маленькие, но все исключительно с геранью. мы еблись так ожесточенно, что стена раскачивалась, а от стены — и полки. и вот я услышал этот нарастающий звук, словно голос пробуждающегося вулкана, — горшки сползали с полок. я притормозил. «нет! не останавливайся! господи, только не останавливайся!» пришлось снова набрать темп. и началось, горшки летели вместе с полками на меня, катались по спине, шлепали по заднице, путались в ногах и руках. она хохотала, вопила и яростно подмахивала мне. ох и нравились ей эти горшочки.

— слушай, я вышвырну эти полки со стены, — сказал я.

— ой, нет! не надо, ну пожалуйста, милый!

она просила так нежно, что я отступился. мы повесили полки, расставили горшки — до следующего раза.

Барбара купила черного щенка-дебила и назвала его Брейгель. был такой живописец Питер Брейгель, или кто уж там. но через несколько дней интерес к новой забаве иссяк. теперь, если щенок попадался ей на пути, она пинала его со всего маху своей остроносой туфлей и шипела: «пшел вон, ублюдок!» так что по вечерам, напившись пива, я катался с ним по полу в шуточной схватке. это единственное, на что он был способен, — драться, и зубы у него были крепче моих. я чувствовал, что миллион потихоньку уплывает от меня, и не напрягался по этому поводу.

еще она купила нам новую машину — «плимут» 57-го года выпуска, я до сих пор его вожу. по моей наводке Барбара решила делать карьеру в окружной администрации. она прошла собеседование и поступила на службу в полицейский департамент. вскоре я объявил ей, что меня уволили из экспедиторов. и теперь я целыми днями намывал машину, а потом ехал и забирал Барбару с работы. однажды, выезжая со стоянки и глядя на вываливающих студенческой гурьбой из здания департамента сосунков, одетых в цветастые рубашки или пестрые футболки, с глупыми улыбками на бледно-одутловатых лицах, с поникшими плечами, я спросил ее:

— что это за гопники?

— это офицеры полиции, — ответила она своим надменно-язвительным тоном.

— да ладно! они выглядят как идиоты! это не копы! что? кончай, это не могут быть копы!

— все они офицеры полиции и прекрасные люди.

— маразм!

она разозлилась не на шутку, в ту ночь мы лишь наскоро перепихнулись. на следующий день повторилось.

— вон идет Хосе, — указала она. — он испанец.

— испанец?

— да, он родился в Испании.

— половина мексиканцев, с которыми я работал на фабрике, утверждали, что они родились в Испании. это пижонство. Испания — прародитель, суперматадор, Великая Мечта старины.

— Хосе родился в Испании, я точно знаю.

— откуда знаешь?

— он сказал мне.

— маразм!

как-то вечером ей взбрела в голову идея об изостудии. она же, оказывается, всю жизнь рисовала. она слыла гением в своем городке. может быть, даже во всем штате. а может, я и перехлестываю.

— я тоже пойду с тобой, — сказал я.

— ты? зачем?

— ну, у тебя будет компания во время перерыва на кофе, и я буду возить тебя туда на машине.

— ну хорошо.

мы попали в один класс. после трех-четырех занятий она начала психовать, рвала свои эскизы и швыряла клочки на пол. я ничего не делал, просто сидел и старался даже не смотреть на нее. а все вокруг были очень сосредоточенны и все же изредка

прокалывались, прыская смехом, будто это был какой-то розыгрыш или им просто стыдно рисовать. наш преподаватель вспомнил про меня:

— послушайте, Буковски, вы должны уже изобразить хоть что-то. почему вы сидите и таращитесь на чистый лист?

— я забыл купить кисточки.

— отлично. я одолжу вам кисть, мистер Буковски, но будьте любезны вернуть мне ее после занятий.

— ага.

— а сейчас нарисуйте вон ту вазу с цветами.

я решил разделаться с этим поскорее. работал быстро и скоро закончил. но все вокруг еще корпели, производя в воздухе манипуляции пальцами, прикидывая тени или пропорции, короче — фигню всякую. я удалился, выпил кофе, выкурил сигаретку и вернулся. все столпились вокруг моего мольберта. Блондинка, сущность которой определялась огромными сиськами, повернулась ко мне всей своей сущностью и спросила:

— вы рисовали РАНЬШЕ, так ведь?

— нет, это впервые.

сиськи пришли в движение, словно пытались просверлить меня:

— ой, ну вы ШУТНИК!

— умммммммгу, — только и смог промычать я в ответ.

профессор подхватил мой рисунок и выставил перед всеми.

— ВОТ чего я добиваюсь от вас! — воскликнул он. — видите — ЧУВСТВО! ДВИЖЕНИЕ! ЕСТЬЕСТВО!

«бог ты мой», — подумалось мне.

Барбара пришла в бешенство. схватив свои вещи, она скрылась в маленькой подсобке, где ученики нарезали бумагу, она рвала все, что попадалось ей под руку, и расшвыривала краски, в запале она уничтожила коллаж, созданный каким-то бедным идиотом.

— мистер Буковски, — обратился ко мне профессор. — эта женщина, ваша ммм... жена?

— ээ... ум... да.

— в этом классе мы не терпим всякого рода примадонн, вы не могли бы деликатно донести это до вашей супруги. и еще, позвольте использовать ваш рисунок на нашей художественной выставке?

— конечно.

— вот спасибо, спасибо и еще раз спасибо!

он был чокнутый, этот профессор. любую мою мазню он требовал на выставку. я даже не знал, как правильно смешивать краски. мне никак не поддавался цветовой круг. я смешивал фиолетовый с оранжевым, коричневый с черным, черный с белым, все, что попадалось под кисть. большинство моих шедевров выглядели как колоссальная лепеха собачьего дерьма, но профессор полагал, что я типа... Божьей отрыжки. итог. Барбара бросила студию. ушел и я, расставшись с живописью.

и вот она стала приходить с работы и рассказывать мне о деликатном турецком джентльмене:

— у него лиловый зажим для галстука, знаешь, и сегодня он поцеловал меня в лоб, лишь слегка прикоснулся и сказал, что я ПРЕКРАСНА.

— послушай, дорогая, пора бы тебе усвоить, что такие дела происходят во всех офисах по всей

Америке. порой из этого что-то получается, но в основном это ничего не значит. большинство из этих бедолаг теребят вялого в туалетах и смотрят слишком много фильмов с Шарлем Буайе. те, кто имеет серьезные намерения, не выставляют их напоказ. ставлю сто к одному, что у твоего парня в башке сплошное кино. прижми его разок, и он сразу отвалит.

— по КРАЙНЕЙ мере, он ДЖЕНТЛЬМЕН. и ТАКОЙ измотанный. мне очень жаль его.

— ЧЕМ это он измотан? работой в городской администрации?

— у него свой открытый кинотеатр, и по вечерам он сам крутит фильмы. он практически не дышает.

— ну, значит, я мудак!

— ты-то уж точно, — сказала она нежно, и в эту ночь горшки падали дважды.

а потом случился этот ужин с китайскими улитками. хотя, может, это были и японские улитки. не важно, главное, я пошел в магазин и наткнулся на очень интересный прилавок. я скупил практически весь ассортимент: крохотные осьминожки, улитки, змеи, тритоны, слизни, жуки, кузнечики... улиток я приготовил на первое блюдо и подал к столу.

— я обжарил их в масле, — похвалился я. — давай трескай. кстати, это пища азиатских бедняков.

забросив пару-тройку улиток в рот, я поинтересовался:

— как там старина Лиловый Зажим поживает?

— на вкус как резина...

— резина, шмазина... ешь давай.

— да у них маленькие анусы... вон я вижу их крохотные анусы... ой...

— все, что ты ешь, имеет анус. у тебя есть анус, у меня, все мы с анусами. даже мистер Лиловый Зажим имеет анус...

— буэээ...

она выскочила из-за стола и метнулась в ванную, ее всю выворачивало.

— господи, какие крохотные анусы... Буэээ...

я ржал, давился, брызгал слюной и снова набивал рот крохотными анусами, запивал их пивом и ржал не переставая.

поэтому я и не был так уж сильно удивлен, когда пару дней спустя в нашу дверь постучались, вернее в ее дверь, и я получил повестку на развод.

— малыш, что это? — спросил я. — ты меня больше не любишь?

и она заплакала. она плакала и плакала и плакала.

— ну-ну, успокойся, не переживай, возможно, Лиловый Зажим славный парень. я не думаю, что он дробит в туалете. наверное, он то, что надо.

— ооооооох, ооооооох, ооооооох.

— может, он дробит в ванной.

— ах ты, свинья!

наконец она успокоилась. и мы, так сказать на посошок, уронили все горшки с полок. Барбара удалилась в ванную и, мурлыча себе под нос, стала собираться на работу. вечером я помог ей найти новое жилье, помог собрать вещи и перевез ее. на старом месте ей, видите ли, было бы неуютно, сука гребаная. на обратном пути я прикупил газету и

открыл страницу с объявлениями о приеме на работу по следующим специальностям: экспедитор, складской рабочий, уборщик, кладовщик, сиделка, курьер. вышвырнув газету, я купил 0,7 крепкого и закатил проводы моего миллиона. мы с ней виделись еще пару раз, кажется без цветочных горшков, — она поведала, что все же переспала с Лиловым Зажимом, но лишь раз, затем уволилась из полиции и решила заняться живописью и литературой — «по-крупному».

позже она уехала на Аляску и вышла замуж за эскимоса, японского рыбака, и теперь, когда я напиваюсь, то время от времени шучу, будто однажды проиграл миллион баксов японскому рыбаку.

— ой, да прекрати, — кричат мне в ответ, — у тебя никогда не было миллиона баксов!

и я полагаю, что они совершенно правы: не было у меня миллиона.

зато я дважды в год получаю от нее длинные письма, одно обязательно перед Рождеством. «пиши», — наставляет она. у нее уже двое или даже трое детей с эскимосскими именами. еще она написала книгу, стоит где-то там, на полках, и хотя это детская книга, она все равно «горда» этим. но теперь она собирается написать роман о «распаде личности»! да-да, она собирается написать ДВА РОМАНА, и оба на тему РАСПАДА ЛИЧНОСТИ! ой, я подозреваю, один обо мне, а другой про эскимоса. который к этому времени, наверно, уже ходит под себя. или на сторону. а может, второй роман о Лиловом Зажиме?

возможно, мне следовало закрепить свой успех с той сисястой из изостудии. но угодить женщине на все сто слишком тяжело. не исключено, что ей тоже не нравятся крохотные анусы. но вы все же должны отведать осьминогов. они как детские пальчики, перемазанные в топленом масле. морские пауки, грязные крысы. и, обсасывая эти пальчики, вы смакуете месть, прощаетесь с миллионом, хлещете пиво, к чертям собачьим электрокомпанию, фуллеровские кисточки, телетайпы и тexasское захолустье с его чокнутыми бабами, у которых даже шея не поворачивается, которые воют как белуги, ебутся до посинения, бросают тебя, пишут доверительные письма к каждому Рождеству, хотя ты им уже давно посторонний, не позволяют ничего забыть, Брейгеля, мух, «плимут» 57-го года выпуска за окном, тщету и страх, печаль и поражение, вечный шутовской балаган, все наши жизни, наши падения и взлеты, притворство и то, как мы, усмехаясь и хныча, подтираем свои крошечные анусы, и всякое в этом роде.

Пиздострадальцу Буковски!

я называю тебя пиздострадалец, Буковски, так как

*ты для меня мерзкий похотливец
не бесись, Буковски, ведь мне нравится твоя
похоть — я возбуждаюсь, когда читаю, как ты
заглядываешь женщинам под юбки
или дрочишь в лифтах
или нюхаешь панталончики
чтобы завестись*

теперь ты озадачен, я знаю
кто это пишет тебе?
хорошо, я раскроюсь простыми словами,
чтобы ты безошибочно меня узнал
я прекрасна и чиста
я та гладенькая и благоухающая киска,
о которой ты гредишь, когда ебешь
раздолбанные и сморщенные, вонючие
пезды
я та незнакомка в соседнем ряду
на ночном сеансе фильма для взрослых,
которая наблюдает, как ты дрочишь и конча-
ешь в штаны
я незаметно задираю свою юбку,
надеясь, что ты оценишь мои бедра,
когда пойдешь сполоснуть липкие руки
я называю это «секс на расстоянии»
я обожаю его, мне нравится воображать
твое учащенное дыхание на своей шее,
когда ты пытаешься попасть пальцем
мне в попку прямо через растрескавшееся си-
денье
наверное, ты думаешь сейчас:
«звучит заманчиво, правда, я не помню ее»
но теперь ты будешь думать обо мне всегда —
это то, чего я хотела, мой мерзкий тип.
Без подписи

публика выбирает у писателя, из его произве-
дений, все, что ей нужно, и отторгает остатки. но
то, что она берет, чаще всего оказывается самым
последним, что ей требуется, а вот отторгает она

как раз то, что ей больше всего необходимо. тем не менее это позволяет мне создавать мои маленькие святые отступления, не заботясь, поймут их или нет, иначе творцов вообще не существовало бы и все мы оказались бы в одной общей куче дерьма, а сейчас я все же в своей кучке, а они в своей — и я, естественно, считаю, что моя куча воняет лучше.

секс, конечно, интересен, но не необходим. в смысле, он даже не так необходим (в физиологическом плане), как испражнение. мужик может спокойно прожить лет до семидесяти и даже не понюхать пиздятинки, тогда как он не протянет и недели, не опорожня кишечник.

теперь, и особенно в Штатах, значимость секса неимоверно раздута. женщина, обладающая сексуальным телом, немедленно превращает его в оружие для приобретения МАТЕРИАЛЬНОГО достатка, и я не говорю сейчас о бордельных шлюхах, я говорю о ваших матерях, сестрах, женах и дочерях. правда, и американский мужчина — это типичный профан (плохой термин, согласен), эдакий памятник экстремальной профанации, ведь ему с младенчества вымывают мозги американское образование, американские предки при поддержке главного монстра — американской рекламной индустрии. и к двенадцати годам парнишка готов и девочка готова. она — продавать, он — покупать. вот почему профессиональных шлюх с полотенцем под матрасом так ненавидят профессиональные шлюхи из других сфер (почти весь остаток женского поголовья; но не перевелись еще и нормальные бабы, слава тебе господи, хоть и мало их) и Его

Величество Закон. общедоступность уличной проститутки является разрушительной угрозой для всего американского мошеннического общества: она девальвирует пизду. да уж, секс полностью потерял свое истинное значение. замечали, наверное, в утренней газете (в «Открытом городе» этого вы не найдете, ну разве что ради смеха) фотографии девушек в купальниках, снятые для какого-нибудь конкурса красоты, видели эти длинные ноги, покатые бока, груди — восхитительные тела, действительно, и девушки знают это, они вывесили ценник. а теперь посмотрите на их лица, на их улыбки. ведь эти улыбки не улыбаются, это просто бумажные физиономии, растиражированная смерть, носы и уши, ротики и подбородки, все правильно, все вписывается в каноны красоты, но как они ужасно далеки от всего живого!.. ни мысли, ни воли, ни глупости, ни любви... ничего, пустота — плоское отображение умерщвленной кожи, без глаз. но покажите эти ужасы обыкновенному американцу, и он скажет: «да, классные телки. мне не по карману».

а теперь посмотрите на победительниц таких вот конкурсов красоты спустя годы в каком-нибудь супермаркете. повзрослевшие, потолстевшие, они суетливы, нервозны, озлоблены, унижены — они продешевили со своим скоропортящимся товаром, их просто надули; остерегайтесь острых ножей их продуктовых тележек — перед вами ведьмы рода человеческого.

итак, для писателей, включая и достославного наглеца Буковски, секс является не чем иным, как

трагикомедией. я не пишу о сексе как об орудии наваждения. у меня это смешная пьеса, над которой вы должны поплакать, немножко, между актами. Джованни Боккаччо преуспел на этом поприще намного больше, потому что смог дистанцироваться и имел стиль. я просто еще слишком близок к объекту и, как говорится, не остыл. а люди считают меня блядуном. так что если не читали Боккаччо, прочтите. можно начать с «Декамерона».

и хоть я еще не остыл от 2 000 погружений в женские дыры, большинство из которых были совершенно неинтересны, я все же способен смеяться и над собой, и над своими прихватами.

я вспоминаю один разговор в подвале магазина готового женского платья. тогда я работал подсобником продавца. моим боссом был довольно молодой, но уже лысеющий сморчок. и вот этого сморчка призывают в армию и собираются отправить на Вторую мировую. и что же вы думаете — он переживал, что его убьют? или задумывался о смысле войны? или о ее бессмысленности? или каково это — быть разорванным в ключья минометным снарядом? нет!

сморчок почему-то считал, что я отличный парень, и проникся ко мне доверием. и вот мы оказались вдвоем в огромном сыром и пыльном подвале (остальные упаковщики потели этажом выше). мы ползали по картонным ящикам, громоздившимся друг на друге шестифутовыми штабелями, и пытались отыскать ящик с определенным номером. все огромное помещение освещали четыре крошечные электрические лампочки. в полумраке мы, как па-

укообразные обезьяны, перескакивали с ящика на ящик на четвереньках и вглядывались в надписи, отыскивая магический номер, за которым скрывался специальный фасон женского платья.

Господи, смилуйся, мысленно причитал я, что за блядская жизнь? Что за хуевая постановка вопроса — корячиться и надрываться за гроши. при такой установке суицид разве не гуманнее, а, Господи?

а тут еще этот сморчок вопит мне:

— ну что, не нашел?

— не-а... — еле-еле выдавил я.

блядь, я даже и не смотрел на эти номера. а что интересного в таком поиске? но каждый раз, когда босс оглядывался на меня, я перескакивал на другой ящик. в конце концов он подобрался ко мне поближе, уселся на соседний ящик и запалил сигарету.

— Буковски, ты классный мужик, — сказал он. я промолчал.

— меня призывают. это моя последняя неделя. все недолгое время, что работал в магазине, я еле сдерживался, чтобы не надавать этому типу тумаков, — и вот теперь он решил вознаградить меня своей зевотной исповедью.

— знаешь, что самое неприятное в призыве?

— нет.

— что я не смогу ебать свою жену. сейчас большинство парней и понятия не имеют, что это такое. но, глядя на тебя, я могу сказать, что ты знаешь в этом толк.

(никакого толка я тогда еще не знал.)

— ...ну, я так и сказал своей: «дорогуша, что мне делать? теперь я не смогу тебя ебать». и знаешь, что она ответила?

я пожал плечами.

— она сказала: «еб твою мать, иди служи и будь мужчиной! а я буду тебя ждать!» блядь, молодец, но как же мне будет не хватать этого! я буду скучать... как я буду скучать! многие новобранцы и пизды-то живой не видали, но мы-то с тобой знаем, что это такое, да...

(я не сказал ему, что пока он будет отсутствовать, найдутся те, кто займется его женой. а если он вовсе не вернется, то она устроит очередную распродажу остатков своих прелестей.)

этот маленький крот рода человеческого перетерпит грошовую работу и банзай-атаку косоглазых или, еще хуже, неумолимую, как по клеточкам шахматной доски, контратаку загнанной в угол Белокурой Бестии, которая будет охотиться теперь за его номером, за его жетоном, являясь сквозь снегопады. Белокурая Бестия, ожесточенная, храбрая и опытная, ослепленная последней вспышкой безумия в Арденнах, будет жаждать его крови. ах, мелкий грызун! он будет все это стойко переносить, как чесотку, или зевоту, или гриппозный насморк, чтобы просто удержаться в рядах Победителей. и при этом он будет надеяться, что ему повезет и он вернется и снова будет ебать свою жену.

вот ваш секс: мудаки приводят в движение целые армии. мужики покрывают себя доблестью, потому что у них на уме одни бабы. что же тогда есть мужество? мужество слабоумных не в счет;

считается разумное человеческое мужество, но оно требует колоссальных усилий и удачи.

подмешав секс к человеческому существу, мы получаем нечто ни с чем не сообразное. и чем больше мы это изучаем, тем меньше понимаем. теория сменяет теорию, и почти в каждом случае человеческое существо подвергается надругательству. возможно, так и должно быть. со всем нашим потенциалом, мощный рост оказывается падением.

даже Великого Буковски секс приводит в замешательство. вот одно воспоминание: как-то я засиделся допоздна в баре, что располагался в западной части города. жил я неподалеку, спешить мне было некуда, я был молод и полон сил и думал, что смогу дать отпор любому, кому захочется проблем. мне даже хотелось, чтобы нашлись такие смельчаки. что поделаешь, тогда жизнь для меня была еще со всем свежа, можно сказать, что в свои 22–23 года я маршировал в рядах романтических придурков. да, жизнь казалась мне загадочно-интересной, скрывая за этой приманкой свое действительное, обыкновенно-ужасающее ебло. итак, ночь медленно ползла, и я наливался коктейлем, в смысле, хлестал все подряд — виски, вино, пиво, мне хотелось уложить самого себя в нокаут, но ничто не действовало, и явление Господа откладывалось.

в какой-то момент я типа оглядываюсь и вдруг обнаруживаю рядом с собой очень печальное и прекрасное существо женского пола лет эдак семнадцати. и у нее шикарные светлые волосы (длинные волосы всегда были моей слабостью, длинные — это значит до самой попы, в них можно купаться

и ворошить во время скачки, что, как по мне, куда симфоничнее обычной тупой долбежки), и она очень кротка, почти благочестива. ах господи, и она ШЛЮХА! а рядом с ней — ее покровитель, мадам-лесбиянка. они, конечно же, не хотят продаваться, как вы понимаете, но им нужны деньги. я завязал с ними разговор, уже чисто левополушарный, и вряд ли они чего поняли, но им было все равно, нужда в \$\$\$ перевешивала. я заказал нам выпить.

бармен обслужил семнадцатилетнюю, как будто ей было тридцать пять. а как же закон? спасибо, Господи, что закон по той или иной причине был проигнорирован.

на каждую выпитую ими стопку я проглатывал три. это их весьма воодушевляло. я казался легкой мишенью, им мерещилась надпись на моем лбу — «лох». судя по всему, они ни хуя не знали, что перед ними победитель среди главных алкашей города, который получил приз — бесплатное пойло плюс чипсы. не знаю, почему меня не берет. возможно, тут сказывается моя невероятная ярость, или беспросветная тоска, или просто безмозглость и равнодушие, а скорее всего, все вместе.

ладно, извините, что загружаю вас всякой лишней болтовней. короче, мы все вместе двинули ко мне.

да, я забыл сказать, что мадам бандерша представляла собой жирный ломоть человеческого дерьма с бесформенными ляжками и картонными глазами, кроме того, у нее отсутствовала одна кисть, вместо которой зловеще поблескивал тонкий, стальной и очень интересный КРЮК.

итак, мы пришли в мое жилище. я осмотрел своих гостей: одна чистая и прекрасная, моя стройная девчушка, дарующая восхитительное совокупление и игру с волшебными волосами, ниспадающими до попки; и рядом — трагедия веков: муть и белая горячка, техногенная катастрофа, груды замученных детворой лягушек, лобовое столкновение автомобилей, паук, впускающий свой яд в беспомощно жужжащую муху, рыхлые мозги Примо Карнеры, нокаутированного надменным Макси Бэрм — новым чемпионом среди супертяжей Америки. и я не устоял, я кинулся на все это рыхлое скопище человеческого говнища, на Трагедию Веков.

я схватил ее и попытался завалить на свою грязную кровать, но она оказалась намного сильнее и трезвее меня. одной рукой эта тварь спокойно скрутила спасителя человечества и со всей незамутненной лесбийской ненавистью швырнула на пол. я вскочил, но к ней уже было не подобраться — уродина принялась размахивать рукой, снабженной тонким, стальным и очень интересным КРЮКОМ.

один мужик не в состоянии изменить курс сексуальной истории.

КРЮК выписывал широкую и красивую дугу, и мне приходилось то и дело нырять и уклоняться, чтобы не попасть под его траекторию. но вот что забавно: даже под свистом железного КРЮКА, пытающегося убить меня, я, охваченный инстинктом любопытства, улучил мгновение взглянуть на прекрасную юную шлюху и решил, что из нас

троих больше всех переживает она. я прочел это по ее лицу; действительно, она никак не могла сообразить, почему я предпочел эту бесформенную кучу, смердящую смертью, тому, чем обладала она. а вот мама-лесбиянка, похоже, знала ответ, потому что каждый раз, отмахиваясь стальным крюком, она оборачивалась к своей подопечной и повторяла: «этот парень псих, этот парень псих, этот парень псих». и вот под одну из таких «этот-парень-псих-паузу» я извернулся и проскочил на другую сторону комнаты — поближе к двери. указывая рукой на шкаф, я выкрикнул: «ДЕНЬГИ В ВЕРХНЕМ ЯЩИКЕ!» и мама Л., будучи совершенным говном, повелась и отвлеклась, а когда она снова повернулась, я уже был почти на самом верху Банкер-Хилла, оглядываясь, тяжело дыша и ощущывая себя на предмет сохранности отдельных частей. успокоившись, я отправился на поиски винного магазина.

вернувшись через некоторое время к себе, я нашел дверь открытой, но в комнате уже никого не было. я заперся на ключ, сел и накатил успокоительную дозу за секс и безумие. затем, пропустив еще один стаканчик вдогонку, завалился в кровать в полном одиночестве и покинул реальный мир.

*моему мерзкому типу
которому я уже писала
однажды
или, возможно,
трижды
мое дыхание касается твоего уха
я обнажаю язычок,*

чтобы ты ощутил мои намерения
и тебя проняло
ох как тебя пробрало, парень.
— эй! ты чего это творишь??? —
заволнуешься ты. — кто ты???
и я услышу, как ты наполняешь большой ста-
кан —

держу пари — до самых краев!
— неплохое начало, крошка. как твое имя?
но мое дыхание становится глубже и
тяжелее, твоя речь размягчается,
ты переходишь на шепот и уже
дышишь со мной в унисон
я слышу, как заскрипела молния
на твоих брюках
мое дыхание обрывается
и в тишине раздается: «Шлеп... Шлеп... Шлеп»
— я люблю тебя, — шепчешь ты, и снова:
«Шлеп... Шлеп... Шлеп»
ты отставляешь стакан
тебе уже требуются обе руки
«Шлеп-шлеп-шлеп-шлеп-шлеп-шлеп»
ты работаешь все быстрее и быстрее
обеими руками, твой член еще сухой,
но это ненадолго
«АХХХХХХХ-ОХ-АХХХХХХ», — шепчу я
«шлеп-шлеп-шлеп-шлеп-шлеп-шлеп» — отвеча-
ешь ты
он прочит его — проговариваю я про себя
и закрываю глаза: «АХХХХХ-ОХОООО!!!»
«Шлеп-шлеп, — он становится влажным —
Хлюп-хлюп-хлюп»,

и очень-очень скользким под мои стоны:

«АХХХХ-ОХХ-ДАААА!»

*— вот оно, крошка! — выдавливаешь ты, пере-
крывая всевозрастающее хлюпанье, и затем во-
пишь:*

— ну скажи что-нибудь!

— ОООООХ... боже! — отвечаю я, ощущая

на своих коленях излияния — сок любви

я сжимаю ноги и

вешаю трубку.

Без подписи

Дорогая Неподписавшаяся:

Господи, детка, я больше не в силах ждать!

*Искренне Ваш,
Чарльз Буковски.*

вся подобная свистопляска начинается и заканчивается с почтового ящика. вот когда все почтовые ящики по какой-нибудь невероятной причине уберут, многим нашим страданиям будет положен конец. а сейчас у нас единственная надежда — на водородную бомбу, хотя, мне кажется, и этого лекарства будет недостаточно.

итак, про почтовые ящики: после бессонной ночи я вышел на веранду и устался на этот очаровательный выкидыш самой дремучей глупости. под ящиком обосновался бесноватый паук и сладострастно высасывал последние соки из бабочки. «а что, — подумал я, — возможно, подоспела моя Пулицеровская премия или какой-нибудь гуманитарный грант, ну, на худой конец, свежий выпуск

“Бюллетеня скачек”», — и запустил руку в ящик. есть. одно письмо. знакомый почерк, знакомый адрес, знакомое настроение, женская безумная словесная мякина, плод мутного воображения дешевой душонки, да еще выписанная от руки:

дорогой бонго!

сегодня я поливала цветы. мои цветы умирают. как ты там? приближается Рождество. моя подруга Лана преподает литературу в приюте для душевнобольных. они выпускают свой журнал. ты не смог бы предоставить им несколько своих стихотворений?

мне пора бежать. они были бы просто счастливы напечатать твои работы. ой, скоро вернутся домой дети. а я читала твое последнее стихотворение в октябрьском номере «Печальной мечтательности суходрочки». восхитительно. ты величайший из современных писателей. всё — дети возвращаются, надо бежать.

Люблю,

мегги.

мегги продолжает писать свои письма. я никогда с ней не встречался, правда, она присылала мне свои фото, на которых выглядит здоровенной злобучкой. и еще она присылала стихи, стихи собственного сочинения. это были совершенно беззубые тексты, хотя они и повествовали о муках, о смерти, о вечности и об океане — бесконечно зевотная и беспомощная писанина, будто она специально колет себя булавкой, чтобы заорать, а крика

не получается. еще одно женское разочарование в идущей к закату жизни и в мужнином усыхании; очередное крошечное отупение женщины, продавшей свою целку в юности и теперь погрязшей в ежедневных пылесосных экзерсисах с перерывом на улаживание проблем народившегося чада, которое семимильными шагами движется в том же направлении — к абсолютному НУЛЮ.

у женщин свое мнение по этому поводу, они считают, что их убивают вечно пропадающие на работе мужики, конечно же.

если бы мегги жила где-нибудь поблизости, я бы махом пресек все ее муки. она бы сама наведалась ко мне, дабы лицезреть: яркий пульсирующий свет моих поэтических глаз, походку алкоголика, протертые до дыр на коленках штаны. я бы повернулся к ней в профиль и не вполне членораздельно рявкнул:

«крошка, минут эдак через пару я сорву с тебя труснюк, и ты увидишь индюшачью шейку, которую уже не забудешь до гробовой доски! у меня огромный и изогнутый член, как серп, и любая пизда мечтает распластаться на моем жестком и заплеванном половичке. но сначала я допью начатое».

затем, высосав стаканюгу неразбавленного виски и расколошматив его о стену, следует пробормотать: «Вийон жрал на завтрак жареные сиськи». пауза, чтобы прикурить сигарету, а когда сигарета задымится, то и все проблемы разрешатся — или она сбежит, или останется на свою голову. на мою тоже.

но мегги живет на другом конце страны в северном штате, так что этот вариант отпадал. оста-

валось отвечать на ее письма в надежде, что когда-нибудь она переберется поближе, настолько близко, что в один прекрасный день я ее все же выебу или спугну.

в конце концов этот беспросветный сухостой пришлось прекратить. письма продолжали приходить, но я просто перестал на них отвечать. ее послания по-прежнему представляли собой смесь крайней глупости с язвительным пессимизмом, но одно мое решение оставлять письма без ответа уже каким-то чудесным образом нейтрализовало их ядовитость. это был мудрый план — план, который долгое время вызревал в моем элементарном сознании: НЕ ОТВЕЧАЙ НА ПИСЬМА — И ТЫ СВОБОДЕН!

наступило затишье. я решил, что все кончено. крайняя мера сработала — будь безжалостным с безжалостными, будь дураком с дураками. тупицы и дураки всегда останутся таковыми, и ты с этим ничего поделать не можешь. а вот они могут тебя и охмурить, и одурачить. я разрешил вековую проблему — отторжение нежеланного. для того чтобы разрушить жизнь любого человека, не нужно целой армии. обычно достаточно одного мужика или одной бабы. обычно все и происходит один на один, даже когда армия идет на армию, муравьи на муравьев, кто угодно на кого угодно.

с моих глаз словно сняли шторы. я увидел вывеску над прачечной, какой-то умник установил: ВРЕМЯ РАЧИТ ЛЮБЫЕ ЛЕНИ. раньше я никогда ее не замечал. похоже, я стал еще свободнее. теперь ни одна мелочь не ускользала от меня. мое-

му зрению открылись странные и даже безумные вещи, абсурдные, романтические и взрывоопасные, и главное — в них чувствовалась какая-то волшебная сила, вселяющая надежду в, казалось бы, безнадежное дело.

Смерть изобретателя

Монтерей, ноябрь, 18 (агентство ЮПИ)

Мужчина из долины Кармель был убит собственным изобретением — устройством для разглаживания чернослива.

восхитительно! я снова жил на полную катушку! и вот однажды утром открываю почтовый ящик и вдруг — среди счетов за газ, угрожающих повесток от дантиста, открытки от бывшей жены, которую я и помню едва ли, приглашения на поэтические чтения бездарных поэтов — я нахожу письмо:

любезный бонго!

это ПОСЛЕДНЕЕ письмо, черт бы тебя побрал, сучий ты потрох! ты не ЕДИНСТВЕННЫЙ, кто бросил меня. но запомни: я переживу вас всех — всех, кто предал меня, — и буду наблюдать, как вас жрут черви в ваших могилах!

мегги

обычно так стращала меня моя бабушка, и ее пизды мне тоже не светило.

пару дней спустя, подскакивая от похмельной трясучки, я снова обследовал содержимое почтового ящика — снова несколько писем. открываю первое:

уважаемый мистер Буковски,

Ваша заявка на индивидуальный грант от Национального фонда искусств была рассмотрена Национальным советом при участии независимого жюри литературных экспертов. с сожалением вынуждены информировать Вас...

вскрываю следующее:

привет, бонго!

вжаться в угол дьявольски вонючей комнатки в гостинице, где тишину нарушает только клацанье зубов о горлышко бутылки с винищем... глаза слезятся, ноги покрылись язвами; 51 письмо кануло в пустоту, 52-е в пути... знаешь, я опробовала все углы. это превратилось в кровавый круговорот... вышибли с лимонной фермы за слишком долгую отлучку (женитьба на свиноферме: четыре дня) и плохие сборы. вернулась во фриско и всего на день пролетела мимо рождественской подработки на почте, а был бы верняк... сижу в углу, погасила свет, жду радости и покоя, жду, пока баптистская церковь погасит красную неоновую витрину, тогда можно будет поплакать... беглый автобус на улице переехал собаку... хотела бы я быть на ее месте, а то ума не приложу, как бы самой... даже тут надо принять решение... черт, куда делись си-

гареты... вышла сегодня утром из миссии, в брюхе жжет от их немыслимой жарчки, прошла по рынку, загляделась на всех этих милых девчушек с волосами как зимнее фрисканское солнце... ладно, какого черта.

М.

и еще:

дорогой бонго!

прости меня. уж такая я есть. попробуйся хоть чуточку полюбить меня. сегодня привезли новый спринклер, старый совсем заржавел. посылаю стихотворение из «Поэтического Чикаго». я представляла себя, когда читала его. все, надо бежать. дети возвращаются домой.

любви меня,

мегги.

вложенное стихотворение аккуратно перепечатано, ни одной ошибки, ни одной помарки, слова выбиты через два интервала с одинаковым нажимом, в одном и том же ритме, с любовью... кошмарное стихотворение. от него веяло мелкотравчатой тепленькой трагедией, в духе XVIII столетия — в дурном духе.

я все равно не отвечаю. вместо этого отправляюсь на работу — мусорщиком. меня знают в округе как облупленного, особенно мое начальство. мне это нравится. они смотрят сквозь пальцы на мое пьянство и не могут отличить Т.С. Элиота от Лоуренса Аравийского. два или три дня я прихожу на работу вдрызг пьяный и все равно справляюсь.

мой телефон обычно стоит на автоответчике. это не означает, что я сноб, нет. просто в большинстве случаев меня совсем не интересует, что люди хотят мне сказать и как они собираются потратить мое время. но однажды ночью, когда я пытался укрепиться в мысли, что мне придется отправиться на работу, зазвонил телефон. так как все равно через пару минут мне предстояло отчаливать, я решил, что ничего серьезного мне уже не грозит, и поднял трубку.

— бонго?

— а?

— это... мегги...

— о, привет, мегги.

— послушай, я совсем не хотела навязываться... просто у меня крышу сорвало, наверное...

— да ладно, с кем не бывает.

— просто не презирай мои письма...

— ну, мегги, тут ведь как обстоит дело. на самом деле я совсем не презираю твои письма, они же такие приличные, что...

— ох, я так рада!

она оборвала меня. а я собирался сказать, мол, ее письма такие приличные, что наводят на меня ужас этой пылесосной скучищей... но она не дослушала.

— я действительно рада!

— ладно, — согласился я.

— ты не прислал ни одного своего стихотворения для нашего класса в институте.

— я постараюсь подобрать что-нибудь подходящее.

— я уверена, что подойдет любое.

— да, иногда и палач хорош в качестве аргумента...

— ты о чем?

— забудь.

— бонго, ты больше не пишешь? помнится, раньше твои стихи появлялись в каждом номере «Печальной мечтательности». Лили говорила мне, что ты уже несколько лет ничего не присылал. значит, забыл своих неудачников?

— я этих ублюдков никогда не забуду.

— приколист! так ты больше никому не рассылалешь свои работы?

— ну разве что в «Эвергрин».

— и они принимают?

— пару раз, но, знаешь, «Эвергрин» совсем не маленький журнальчик, прошу это помнить, и Лили расскажи, скажи ей, что все — я покинул баррикады.

— ох, бонго, я как только прочитала первое твое стихотворение, сразу поняла, что ты избранный. у меня до сих пор хранится твой первый сборник «Христос крадется по задворкам». эх, бонго, бонго...

чтобы свернуть разговор, я сказал, что мне пора идти собирать мусор, а сам подумал почему-то, кому захочется отведать разглаженного чернослива? у него, наверное, отвратный вкус, как у высохшего дерьма. ведь единственной прелестью чернослива как раз и являются его морщины — прохладные, мягкие морщины. и я представил себе, как скользкая косточка выпрыгивает изо рта прямо на тарелку, словно живая.

повесив трубку, я откупорил себе бутылочку пивка и решил, что сегодня работа с мусором мне не по силам. как хорошо было сидеть на стуле, прикладываться к бутылке и посылать все к едрене фене. я вспоминал еще одну свою настойчивую корреспондентку, которая утверждала, что переспала с Эзрой Паундом в Сент-Лиз. я еле отшил ее после долгой переписки, истерично заявив, что тоже умею писать и что «Кантос», на мой взгляд, унылый отстой.

оглядев комнату, я заметил, что повсюду валяются письма от мегги. одно лежало на полу, другое рядом с печатной машинкой. я встал, подошел и поднял его:

дорогой бонго!

все мои стихи возвращаются обратно. ну что ж, если в журналах не понимают, что такое настоящая поэзия, им же хуже. время от времени я перечитываю твой первый сборник «Христос крадется по задворкам» и все последующие, они дают мне уверенность в том, что я смогу выдержать всю эту ужасную глупость, окружающую меня. пора, скоро дети будут дома.

люби меня,

мегги.

Р. С. мой муж издевается надо мной: «бонго давно не пишет. что случилось с нашим бонго?»

я опростал бутылку и швырнул ее в мусорное ведро. мне представилось, как муж мегги трижды в неделю залезает на нее, а ее волосы рассыпают-

ся по подушке веером, так, кажется, любят изъясняться эротические писатели. она воображает, что ее оседлал ее бонго, и он думает, что он и есть бонго.

— ох, бонго! бонго! — стонет она.

— кончаю, мамочка, — шипит он.

я откупорил еще пивка и подошел к окну. заканчивался еще один бесплодный и бессмысленный лос-анджелесский день. и я был жив, в здравом уме, хотя с выхода первого сборника моих стихов прошло уже много времени. забылись и бунты в Уоттсе. столько всего псу под хвост. Джон Брайн ждал от меня материала для своей газетенки. можно было бы рассказать о мегги, но ведь эта история еще не закончилась, завтра утром я найду ее продолжение в своем почтовом ящике. мне вдруг представилось, как бы я разрулил эту ситуацию в кино:

— слышь, малютка джон, есть одна бабенка. она меня просто достала. врубаешься, о чем я? ты знаешь, что надо делать. только смотри не облажайся. продери ее своей четырнадцатидюймовой елдой, чтобы она отвалила от меня. найди ее. она мается в своих четырех стенах, и глаза ее полны пылесосной тоски. ее комната завалена поэтическими журналами, она несчастна и думает, что жизнь просто распяла ее, но на самом деле она и не знает, что такое жизнь. дай ей почувствовать вкус настоящей жизни, всади в нее свой четырнадцатидюймовый снаряд.

— ладно уж.

— и еще, малютка джон...

— ну?

— не отвлекайся по пути.

— да ладно уж.

я отошел от окна, плюхнулся на диван и присосался к пиву. Наверное, надо как следует нажраться, сесть в самолет и заявиться к ней в лохмотьях, пьяным вдрызг, позвякивая значками на изодранной футболке — «ИМПИЧМЕНТ ДЖОНСОНУ!», «СТОП ВОЙНЕ!», «ЭКСГУМИРОВАТЬ ТОМА МИКСА!».

но это не сработает. остается только сидеть и ждать. на гуманитарный грант рассчитывать не приходится. в ящике будет лишь одно:

дорогой бонго,

бла бла бла бла бла бла бла бла. надо мыть посуду, скоро дети возвращаются из школы, бла бла бла бла. люби меня,

мегги.

интересно, случалось ли подобное с Бальзаком, или с Шекспиром, или с Сервантесом. надеюсь, что нет. самые вредные человеческие изобретения — это почтовый ящик, почтальон и писатель писем. у меня на полке стоит синяя банка из-под кофе, набитая письмами, на которые я никогда не отвечу. у меня в чулане громоздится картонная коробка, доверху забитая безответными посланиями. хочу спросить: остается ли у этих людей время на то, чтобы поесть, выпить, поебаться, выспаться, подзаработать денег, помыться, просрать, сделать маникюр? и лидером в обеих этих свалках — мегги со своим: люби меня, люби меня, люби меня.

нет, только четырнадцатидюймовый хуина способен изменить ситуацию в ту или иную сторону. хотя с тем, что и так при мне, уже огромная проблема.

в те достославные дни в моей квартире постоянно кто-то ошивался, причем даже в мое отсутствие. обычно я и не знал, кто эти люди, к кому они пришли и уйдут ли когда-нибудь. простые смертные, правда, далеко не святоши. короче, вечеринка не прекращалась. удача не покидала нас. пара долларов с мелочью — и комната снова наполнялась галдежом и музыкой. свет в моих окнах горел до шести-семи утра.

и вот однажды темной ночью я очнулся в своей кровати совершенно пьяный, но при этом с ясной головой. понимаете, неожиданная ясность среди полного мрака, абсолютная тщета и всепоглощающая печаль. я приподнялся на одном локте и взгляделся во мрак. казалось, все ушли. остались только пустые винные бутылки с отблесками лунного света на боках. грязное и жестокое предрассветное ожидание, в котором я обнаружил человеческую фигуру рядом с собой прямо под боком. какая-то пизда решила остаться со мной — это была любовь, любовь и храбрость. блядь, кто же мог решиться остаться со мной?! любой, кто решился на это, уже заслужил прощение всех смертных грехов. я должен был немедленно ВОЗНАГРАДИТЬ эту милосердную душу, эту хрупкую нежную лань за проявленное мужество и храбрость остаться в постели вместе со мной.

а разве могло быть вознаграждение лучше, чем выебать ее в корму?

до этого я имел дело со странной породой женщин, которые никак не хотели запускать меня себе под хвост. а так как я никогда этого не пробовал, осознание недоступности стало разъедать мой мозг. я уже ни о чем другом не мог говорить, особенно когда был пьян. любой женщине я сразу же признавался: «мне бы хотелось поиметь вас в зад, и, если честно, с вашей мамой я бы тоже хотел познакомиться с этой точки зрения, ну а уж если быть предельно откровенным, то я бы с большим удовольствием выебал в попу и вашу дочь». ответ был всегда одним и тем же: «нет-нет, этого мы вам не позволим!» они были готовы на все — что угодно, как угодно, но только не в жопу. наверное, еще время не пришло, или погода не способствовала, или просто шутки теории вероятности, потому что намного позже все стало с точностью до наоборот: женщины сами приставали ко мне с одним и тем же вопросом: «Буковски, почему ты не интересуешься моим дымоходом? у меня такая большая, круглая и мягкая печка». а я отвечал: «это точно, дорогуша, но мне не хочется».

но в те дни, еще не зная, что это такое, я чувствовал легкое помешательство, и в моем воспаленном воображении зародилась странная идея, что, овладей я ИХ жопой, и это сразу разрешит большинство МОИХ душевных и психических проблем.

поэтому я отыскал стакан с вином — последний, напололам с сигаретным пеплом и тоской. осушил его и вернулся в кровать. подмигнув луне, я на-

правил свою маленькую сосиску прямым в этот оттопыренный, посапывающий, безукоризненный зад. вора-домушника прельщает не столько чужое имущество, сколько сам факт кражи. как я его понимаю! мой хуй поднялся на вершину своего безумия. господи, какое ужасное и безукоризненное действие! месть... месть всем сразу: старым мороженщикам с бешеными кровавыми глазами, моей мертвой матери, преспокойно намазывающей крем на беспристрастное и пресное лицо...

она продолжает спать, думал я, и так лучше для дела... наверное, это Митци... или Бетти... а какая разница? это моя победа — удрученный, безработный, изголодавшийся хуй наконец-то проникает за ворота вечного запрета! восторг! я переживал поистине драматические мгновения — моя душа подкатывалась к катарсису! как Джесси Джеймс, получающий пулю, как Христос, издыхающий на кресте под лучами прожекторов и вспышками осветительных ракет, я рвался к своему пределу...

она застонала... еле слышно... ах... ух... эх... я понял: эта сучка только притворяется, что спит. притворством она пыталась сохранить свою алкоголическую честь, ничуть не менее ужасную или реальную, чем любая другая честь. а я с остервенением прессовал ей кишки своим безумным и фальшивым триумфом.

она упорно притворялась, что спит, а я — я мужчина, и ничто меня не остановит!

давненько не было у меня такого стояка. оседлав ретивого коня своего неистовства, я рыл, и долбил, и ярился, и все было чище чистого...

и вдруг в этой горячечной скачке с нас скатилось одеяло. и я увидел перед собой макушку, шею, плечи... да это же Лысуха М. — американец мужского пола! в мгновение ока я снова оказался на дне своего болота, смердящего ужасом и отвращением. муки похмелья охватили меня, я таращился в потолок, сознавая, что выпить нет ни капли. Лысуха не подавал признаков жизни, и я решил, что лучше всего заснуть.

наутро мы проснулись как ни в чем не бывало — ни намеков, ни воспоминаний. потом подтянулся кое-какой народ, наскребли деньжат на опохмелку...

жизнь покатилась дальше, день за днем, и я все ждал, когда же он уйдет. девки стали коситься на меня. так прошла неделя, две, три, а он и не собирался подымать якоря. однажды вечером я притащился домой с товарной станции, где разгружал ящики с мороженой рыбой. руки мои кровоточили, одна нога онемела, так как я уронил на нее ящик. заебанный и хромой, я застал у себя веселящуюся компанию. пьянка — это нормально. я никогда не отказывался от выпивки, но вот что было ненормально, так это моя раковина. мало того что эти раздолбаи сожрали подчистую мои продукты, загадили все стаканы, тарелки, ложки и вилки, так они еще свалили все это дерьмо в раковину и залили водой. раковина забилась, вода закисло и засмердела, но и это было еще ничего, почти в порядке вещей, но когда я увидел, что они добрались и до моих одноразовых бумажных тарелочек, испоганили их и бросили туда же, в раковину, и они

плавали в этой воняющей жиже, а поверх всего этого безобразия еще кто-то НАБЛЕВАЛ! вот тогда я наполнил себе стакан вином, осушил залпом, с размаху расхуярил о стену и дико завопил:

— ПИЗДЕ-Е-Е-Е-ЕЦ!!! ВСЕ ВО-О-ОН!!! НЕ-МЕДЛЕННО!!!

все притихли, посерьезнели и гуськом потянулись к выходу — уличные шлюхи, бродяги, уборщица Хелен с белыми волосами, которую я однажды выебал по пьяни, — все гордо удалились. все, кроме Лысухи М. он сидел на кровати и твердил как попугай:

— Хэнк, Хэнк, что случилось? что произошло, Хэнк?

— заткнись, или я тебя вырублю нахуй!

я выскочил в коридор, подлетел к телефону и позвонил матери этого засранца. да, Лысуха М. был одним из тех драгоценных умников с предельным ай-кью, которые так и держатся за мамочкину юбку.

— послушайте, миссис М., пожалуйста, заберите своего сына. Это Хэнк.

— ах вот где он пропал! я так и думала, только не знала, где вы живете. а мы уже подали в розыск.

вы дурно на него влияете, Хэнк. послушайте, Генри, почему вы не оставите моего мальчика в покое? Ее мальчику было 32 года!

— да я только этим и занимаюсь! почему бы вам самой не попробовать?

— я просто ума не приложу, почему он на этот раз пропал так надолго. обычно он исчезал... ну, на день-два.

— приезжайте и заберите его.

я продиктовал ей адрес и вернулся в комнату.

— сейчас за тобой приедет мать, — сообщил я Лысухе.

— нет, я не хочу уходить... нет! послушай, Хэнк, а есть еще вино? мне нужно срочно выпить!

я налил ему и себе. Лысуха отхлебнул и заныл:

— я не хочу уходить...

— эй, прекрати, я давно просил тебя отвалить, а ты не уходил. у меня оставалось два способа: или вышвырнуть тебя на улицу, или позвонить твоей матушке. я выбрал второй.

— но я же мужчина! я — мужик, ты что, не видишь? Я участвовал в Китайской кампании! я поднимал роту в атаку!

и это была чистая правда. Он действительно участвовал, и поднимал, и с почестями был демобилизован. я снова наполнил наши стаканы.

— за Китайскую кампанию! — провозгласил я.

— за Китайскую кампанию! — согласился он.

мы выпили до дна.

затем началось:

— я мужчина! черт бы тебя подрал! разве ты не видишь, что я мужчина, а? блядь, бог ты мой, ты так и не можешь понять, что я МУЖЧИНА!

она приехала минут через пятнадцать. появилась и сказала только одно слово: «Уильям!» затем подошла к своему мужественному сыночку и ухватила его за ухо. на вид ей было лет шестьдесят — высохшая, жилистая леди. сжимая ухо, она подняла своего вояку с кровати, вытащила в коридор и впихнула в лифт. Лысуха согнулся почти по-

полам и плакал. огромные живые слезы катились по его лицу. лифт уже шел вниз, а до меня все доносились Лысухины причитания: «я — мужчина, мужчина, мужчина!» затем, переместившись к окну, я наблюдал, как они вышли на улицу. она по-прежнему держала сынка за ухо, эта шестидесятилетняя мамаша. вот она подвела его к машине, затолкала на заднее сиденье, гордо села за руль и увезла вместе с жалобными рыданиями: «я мужчина! я мужчина! я мужчина!»

больше мы не встречались, да я и пальцем не шевельнул, чтобы увидеться с ним.

ночь. входит толстенная шлюха — фунтов эдак 300. и я готов ее снять. никто не клянул, только я. она омерзительно толстая, да к тому же еще и грязная. из какой преисподней она явилась, на что надеялась, как хотела выжить? ну, эти вопросы можно задавать любому человеческому существу. мы просто стали пить, пить и хохотать. я подсел к ней, прижался поближе, я кривлялся, гоготал и заводил ее.

— крошка, я могу обработать тебя так, что ты будешь плакать, а не смеяться!

— а-ха-ха-ха-ха-ха-ха! — заливалась она.

— когда я вставляю тебе, дорогуша, ты почувствуешь, как моя головка продирается через твои кишки в желудок, дальше по пищеводу в трахею, и тут наши головы встретятся, да!

— а-ха-ха-ха-ха-ха-ха! — неслось в ответ.

— блядь, зуб даю, когда ты плюхаешься на унитаз, твоя жопа свисает до самого пола! а уж если ты

посрешь, то наверняка канализация захлебывается и забивается на месяц, а?

— а-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

бар закрылся, и мы ушли вместе: я — 6 футов и 165 фунтов, она — 5 футов и 300 фунтов. мистер Одиночество и мисс Нелепость рука об руку вышагивали по тротуару. наконец-то я обрел нечто лучше, чем дырка от сучка в половой доске.

гогоча и перебраниваясь, мы добрались до дома, где я снимал комнату. я достал ключи и собирался уже отпереть дверь, как вдруг она заорала:

— господи боже мой! что это?

я обернулся и увидел, что она таращится на совершенно ординарное маленькое здание напротив, на котором была обыкновенная вывеска: «Желудочный госпиталь».

— да плюнь ты на это, детка! лучше давай посмеемся. мне так нравится твой смех! давай поласкай мой слух своим смехом, красотка!

— да это же труп вынесли! смотри, вон они понесли труп!

— да, это мой дружок. когда-то вместе в футбол играли за «Красный амбар». классный был защитник. сегодня днем его навещал, выглядел прекрасно. я ему еще пачку сигарет притаранил. а трупы всегда по ночам выносят. да, каждую ночь я вижу, как они выволакивают одного-двух покойников. при дневном свете это как-то неэстетично.

— а как ты узнал, что это твой друг?

— да по форме черепа. из-под простыни выпячиваются характерные детали. знаешь, однажды ночью, когда они вот так же вынесли труп и оста-

вили без присмотра, я чуть было не украл его. не знаю, что бы я потом делал с ним. наверное, пришлось бы прятать в шкаф.

— а куда они опять пошли?

— за другим трупом. а у тебя как с желудком?

— нормально! у меня все нормально!

я открыл дверь, и мы стали взбираться по лестнице. когда она споткнулась и чуть было не рухнула, я подумал, что эта туша сейчас проломит стену.

наконец мы оказались в моей комнате. разделись и улеглись в кровать. я взгромоздился на нее. я пыхтел, возился, елозил...

— черт! да не лежи ты как бочка с застывшим воском! шевелись! подыми повыше свои бревна...

блин, я не могу найти твою дырку!

наконец я попал. она принялась кряхтеть: ох, хехехехех, ох, хехехехехех...

— да что за хуйня! — зарычал я. — давай шевели мясом!

и тут она начала вертеть и подмахивать. я вцепился в нее и попытался поймать ритм. закручивала она лихо, сначала пару витков, затем несколько бросков. ритм ее вихляний я уловил, но вот с бросками было трудней, пару раз я просто вылетал из седла. дело в том, что я действовал по старинке — когда ее станина подавалась вверх, я устремлялся навстречу — в результате получался настоящий карамболь. чудовищная масса сметала меня, и я, как бильярдный шар, столкнувшийся с бортом, летел в лузу, а то и чуть ли не на пол. я попробовал ухватиться за гигантский сосок ее сиськи, но его омерзительный вид оттолкнул меня — и я повис на

краю матраса, как голодный клоп. так раз за разом, снова и снова я влезал на эту кряхтящую тушу, погружался в нее, цеплялся за всякие выпуклости и пускался вскачь, теряясь в догадках, кто же кого ебет? но одно было очевидно — жаркое идет по-рево!

— давай, детка, с Божьей помощью, давай! — прошептал я в жирное и грязное ухо.

мы оба были пьяные вдрабадан, мы ебались как боги! без усталости, без страха и упрека. я бился о жирную тушу и раз за разом слетал, но раз за разом карабкался обратно и нырял в пучину пота, возни и вони. через некоторое время я понял, что нам обоим хочется прекратить эту битву, но почему-то мы не могли это сделать. временами секс превращается в самую ужасную работу. в угаре этого безумия я вцепился в ее сиську — бесформенную, как протухший блин, — и, затолкав чудовищный сосок себе в рот, начал сосать. я почувствовал вкус уныния и печали, агрессии и отчаяния, а еще прокисшего йогурта. переполнившись отвращением, я выплюнул сосок, но потом снова присосался.

в конце концов я ее уработал. в смысле, она продолжала пытаться, но уже делала это не как труп, я достал ее за живое, я поймал ритм, ее глубинный ритм, и овладел им; теперь я всаживал в нужное время и точно в цель, и наконец она, как неприступный бастион, который стоял насмерть, вдруг дрогнула и начала поддаваться. она стонала и редела, как дитя, а я отвалился и закурил. теперь я чувствовал себя восхитительно. умиротворенные, мы уснули.

когда утром мы проснулись, я обнаружил, что у моей деревянной кровати сломаны все четыре ножки. мы выломали их с корнем во время нашей очумелой ебли.

— о черт! — простонал я. — блядь! пиздец!

— че такое, Хэнк?

— мы сломали кровать.

— было у меня такое опасение. ха!

— хули, а денег-то тью-тью. новую мне не потянуть.

— у меня тоже ни гроша.

— я же и тебе должен что-то дать, Анна.

— ты мне уже дал. ты первый мужик за долгие годы, с которым я что-то почувствовала настоящее.

— спасибо, конечно. только эта блядская кровать засела у меня в башке.

— хочешь, чтобы я ушла?

— слушай, не обижайся, но... эта кровать... я в панике.

— да не проблема, Хэнк. можно, я только ото-лью сначала?

— да пожалуйста.

она оделась и вышла в туалет. через некоторое время появилась в дверях.

— пока, Хэнк.

— пока, Анна.

паршиво было, конечно, расставаться вот так, но порушенная кровать не давала мне покоя. когда Анна ушла, я вспомнил о веревке, которую купил, чтобы повеситься. это была охуительно крепкая веревка. обследовав кровать, я обнаружил, что дерево ножек лопнуло вдоль волокна и они просто

развалились пополам. оставалось только стянуть их веревкой, как накладывают шину на переломанные человеческие ноги. я постарался, как мог, затем оделся и вышел на лестничную площадку.

внизу меня поджидала домовладелица.

— я встретила на лестнице уличную женщину, мистер Буковски. без сомнения, эта особа уходила от вас. я слишком хорошо знаю всех своих постояльцев.

— а куда деваться, моя госпожа, — отозвался я и выскочил на улицу.

первым делом я заглянул в бар. выпивка пошла удачно. но кровать никак не хотела покидать мой мозг. «чудно, — подумал я, — человек, который хочет убить себя, беспокоится о сломанной кровати». но я действительно беспокоился. поэтому, приняв еще чуток, вернулся домой. хозяйка опять поджидала меня.

— мистер Буковски, вам не удастся одурачить меня вашими веревками! вы сломали кровать! кошмар! должно быть, произошло нечто грандиозное прошлой ночью, раз не выдержали все четыре ножки у кровати!

— я извиняюсь, — забормотал я. — я не могу заплатить за кровать. я потерял место официанта, а все мои рассказы, посланные в «Харперз» и «Атлантик мансли», вернулись обратно...

— ну что ж, тогда мы выдадим вам новую кровать!

— новую кровать?

— да, Лайла сейчас собирает ее.

Лайла — восхитительная мулаточка — работала горничной. я видел ее всего пару раз. она обычно

выходила в день, тогда как я в это время, по обыкновению, заправлялся в баре.

— так может, я пойду тогда к себе наверх? я очень устал.

— да, я не сомневаюсь, что вы совсем выбились из сил.

мы стали подниматься по лестнице вместе, прошли мимо матерчатого плаката, растянутого на стене. надпись гласила: «Господь благословил этот дом».

— Лайла! — позвала хозяйка, когда мы почти поднялись.

— ну?

— как там у тебя с кроватью?

— о, блин, эта хрень задолбала меня! не могу никак вставить последний болт! отверстия не совмещаются!

мы подошли к моей двери, и тут меня скрутило.

— дамы, прошу прощения, — еле-еле выговорил я, — но мне необходимо отлучиться ненадолго.

я шмыгнул в туалет и выдавил из себя протяженную, но очень твердую пиво-водочную-виновискарную какашку — невероятная вонь! смыв с глаз долой все это дерьмо, я вернулся в свою комнату. на подходе я услышал заключительную возню с моей новой кроватью, и потом раздался смех хозяйки, к нему присоединился смех горничной, они обе просто заливались хохотом. когда я вошел в комнату, смех тут же прекратился. лица их были очень строгими, я бы даже сказал, разгневанными. моя очаровательная мулаточка выскочила в коридор, и оттуда снова слышался ее заливистый

смех. хозяйка тоже направилась к выходу. остановившись в двери, она взглянула на меня и произнесла:

— старайтесь держать себя в рамках, мистер Буковски. у нас здесь задерживаются только приличные люди.

она медленно закрыла за собой дверь, и я остался один на один со своей новой кроватью. она оказалась железной! недолго думая, я разделся догола и влез между новых простыней моей новой кровати. за окном разливалось полуденное филаделфийское жаркое небо. я натянул благоухающую простыню до самого подбородка и провалился в сон — одинокий, покойный, миролюбивый, слегка удивленный случившимся чудом. И это было здорово.

Уважаемый мистер Буковски!

Как-то в интервью Вы сказали, что начали писать в 35. А чем Вы занимались до этого?

Э. Р.

Уважаемый мистер Э. Р.

Не писал.

Мэри уже испробовала все свои прихваты, так ей не хотелось уходить этой ночью. сначала она вышла из ванной, зачесав волосы на одну сторону.

— о, гляньте! — выкрикнул я, наполняя свой стакан вином. — шлюха! ты шлюха гребаная!

затем она появилась с покрашенными губами. яркая, жирная помада.

— вот-вот! шлюха-потаскуха гребаная!

я завалился на кровать и закурил. ополовиненный стакан покачивался на ночной тумбочке. бо-сой, в грязной майке и трусах, которые не менял уже несколько недель.

и вот она подошла и встала передо мной.

— ТЫ САМАЯ ГРЯЗНАЯ КРЫСА ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ!

— аха-ха-ха-ха-ха-ха! — закатился я в ответ.

— ну, я ухожу!

— это меня нисколько не волнует. Я обеспокоен совсем другим.

— чем это?

— не хлопай дверью, когда будешь уходить. я устал от дверного грохота. попробуй только хлопнуть дверью, и я порву тебе очко.

— кишка тонка!

она шваркнула дверью так, что меня чуть не парализовало. когда стены перестали сотрясаться, я поднялся с кровати, осушил свой недопитый стакан с винищем и бросился к двери. одеваться времени не было. она услышала, что я открываю дверь, и кинулась бежать, но туфли-то у нее были на высоченном каблуке. я настиг ее на лестничной площадке, скрутил и вплепил наотмашь пощечину. она заорала и, брякнувшись оземь, покатила по ступенькам. последнее, что я увидел, — как взметнулись ее прекрасные длинные ноги в нейлоновых чулках. «господи, что я творю!» — подумалось мне тогда. но обратного пути не было, я отвернулся и медленно побрел к своей двери... открыл, вошел, закрыл, сел и налил. с лестницы доносился плач. затем послышались звуки открываемой двери.

— что случилось, дорогуша? — спросил женский голос.

— он ударил меня! мой муж ударил меня! (МУЖ!!!)

— ох, бедняжка. давай я помогу тебе подняться.

— спасибо.

— и что ты собираешься сейчас делать?

— не знаю. мне некуда идти. (ЛЖИВАЯ СУЧКА!!!)

— послушай, сними комнату на ночь, а когда он уйдет на работу, ты вернешься к себе.

— НА РАБОТУ?! — взвизгнула Мэри. — на работу! да это уебище не работало и дня в своей поганой жизни!

мне стало невыносимо смешно. так смешно, что я просто не мог сдержаться. я уткнулся лицом в подушку, чтобы Мэри не могла слышать мой хохот. когда же я наконец утомился и расстался с подушкой, на лестнице уже никого не было.

Мэри появилась через пару дней. у меня ничего не изменилось — грязные трусы и мрачное настроение. она же, наоборот, вырядилась во все самое лучшее. полная решимости бросить меня, она старалась всем своим видом показать, что же я теряю.

— все, на этот раз я не вернусь! и я не шучу. шутки кончились! извини, но я больше не могу жить с таким убудюдком.

— а ты — шлюха, и больше ничего, гребаная шлюха...

— конечно шлюха, а иначе я бы и не жила с тобой.

— ух ты! а ведь я никогда не думал об этом.

— ну так подумай.

я наполнил свой стакан и заявил:

— в этот раз я провожу тебя и сам открою и закрою за тобой дверь — и, как говорится, скатертью дорожка. так ты уже уходишь, моя дорогая?

я подошел к двери, распахнул ее и замер в ожидании — в трусах и с наполненным стаканом в руке.

— давай, давай, ночь коротка, нужно решить наконец эту трудную задачу. ну, решаем, а?

ее проняло. она вышла, остановилась и повернулась. мы стояли лицом к лицу.

— иди прошвырнись, может, удастся запродать свою просифоненную дыру за бакс с четвертью этому беспалому ларечнику с резиновой мордой. счастливого променада, моя дорогая.

я уже стал закрывать дверь, когда она вдруг вскинула свою сумочку и закричала:

— ты — гнилое уебище!

я видел, как сумочка полетела мне в голову, но я просто стоял и безмятежно улыбался. мне доводилось биться с настоящими крепкими парнями, и женская сумочка не смутила меня... пока она не долетела до моей головы. я ощутил оглушительный удар. сумочка была набита всяким бабским дерьмом. и мне досталась огромная склянка с кремом. она была как камень.

— детка, — еле выдавил я, вцепившись в дверную ручку и пытаясь улыбаться.

двигаться я уже не мог. я просто остолбенел. а она уже снова замахивалась.

— послушай-ка...

удар.

— ой, детка...

ноги подкосились, и я начал оседать. теперь ей открылась моя макушка, и она стала молотить по ней все быстрее и быстрее, словно старалась расколоть череп. это был третий нокаут в моей весьма пестрой карьере, правда, от женщины — первый.

когда сознание вернулось ко мне, то дверь была закрыта, а я валялся на полу в полном одиночестве. вокруг меня разлилась лужа крови, хорошо еще, что пол был покрыт линолеумом. я стряхнул с себя кровь и побрел на кухню. для особого случая у меня была припасена бутылочка виски. это был тот самый случай. откупорив заначку, я сначала плеснул себе на разбитую башку, а потом уже принял и внутрь. вшивая сука! она же хотела убить меня! хуй поверишь! в горячке я даже подумал было заявить на нее в полицию, но вовремя спохватился. наверняка по ходу разбирательства и меня притянули бы к ответу.

жили мы на четвертом этаже. я принял еще виски и направился к нашему шкафу. вытащил все ее платья, все туфли, трусы, лифчики, ночнушки, тапочки и даже носовые платки, собрал все это шмотье в кучу и свалил перед окном. затем, сопровождая каждую вещь глотком виски, я стал выбрасывать их наружу. чертова блядина, хотела меня прикончить!

я жил на четвертом этаже. окно выходило на большой пустырь. за пустырем стоял небольшой дом. наше здание было построено на возвышенности, так что реально я находился на высоте восьмо-

го этажа. с высоты положения я старался развесить ее трусы на электрических проводах, но постоянно промахивался. разозлившись, я стал вышвыривать барахло не целясь. скоро весь пустырь был усеян платьями, туфлями, трусами... шмотье виднелось повсюду — на кустарниках, на деревьях, на заборе или просто на траве. мне полегчало, я снова принялся за виски, затем нашел швабру и отмыл линолеум от крови.

наутро башка раскалывалась. расчесаться я не мог. на макушке образовалась огромная короста. кое-как намочив волосы, я уложил их назад. часов в 11 я спустился вниз, чтобы собрать выброшенные вещи. на пустыре было чисто. я растерялся. во дворе маленького домика копался в земле старый хрыч.

— послушайте, — обратился я к старикану, — вы, случайно, не видели, здесь валялась всякая разная одежда?

— что за одежда?

— ну, женская одежда.

— да валялось тут повсюду тряпье какое-то. я собрал все и позвонил в Армию спасения, чтобы они приехали и забрали.

— это одежда моей жены.

— а я так понял, что кто-то выбросил это все.

— да я по ошибке.

— ну, вон они, все еще лежат в коробке.

— серьезно? послушайте, не вернете мне их?

— забирайте, только сдается мне, что это ничейное барахло.

старикан сходил в дом, принес коробку и подал ее мне через ограждение.

— спасибо, — поблагодарил я.

— да ладно уж, — отмахнулся старик и, опустившись на колени, снова принялся копать землю.

я поволок одежду домой.

Мэри заявилась вечером в компании Эдди и Герцогини. с собой они принесли вина. я принялся разливать.

— смотри-ка, — сказал Эдди, — у тебя довольно чисто.

— Хэнк, давай больше не будем ссориться, — предложила Мэри. — меня уже тошнит от наших скандалов! ты же знаешь, что я люблю тебя, правда люблю.

— да уж, — пробурчал я.

мое внимание привлекла Герцогиня. ее волосы закрывали почти все лицо. чулки зияли дырами. а в уголках рта выступали капельки слюны. мне ее вид показался болезненно-сексуальным, и я запал на нее. отправив Мэри и Эдди прикупить еще вина, я, еле дождавшись, когда за ними закроется дверь, сграбастал Герцогиню и завалил на кровать. она была так худа — кожа да кости, бедняжка, вероятно, ничего не ела недели две. я навалился и вставил. получилось неплохо. только быстро. когда Мэри и Эдди вернулись, мы как ни в чем не бывало сидели по своим местам.

прошел примерно час, когда Герцогиня, выглядывая из-за свисающих патл, вдруг наставила на меня свой костлявый палец. в разговоре возникла пауза, палец строго указывал на меня. наконец Герцогиня разродилась:

— он изнасиловал меня. когда вы ходили за вином, он меня изнасиловал.

— слышь, Эдди, неужели ты ей веришь?

— конечно верю...

— знаешь что, если ты не способен верить другу, пошел нахуй отсюда!

— Герцогиня не врет. Если она сказала, что ты...

— ПОШЛИ ВСЕ НАХУЙ, ПРИДУРКИ!

я подскочил и швырнул свой стакан с вином в стену.

— что, и я тоже? — удивилась Мэри.

— ТЫ — ТОЖЕ! — пригвоздил я ее пальцем.

— господи, Хэнк, я думала, мы закончили с этим. я так устала от наших скандалов...

все потянулись к выходу — первым Эдди, за ним Герцогиня, замыкала Мэри. Герцогиня все твердила:

— он изнасиловал меня. я же говорю вам, он меня изнасиловал. сколько можно повторять, он выебал меня, просто схватил, завалил и выебал...

сумасшедшая, что с нее возьмешь.

все уже были за дверью, когда я сорвался и ухватил Мэри за руку.

— иди сюда, сука! — прошипел я и втащил ее обратно в комнату.

она не успела опомниться, как я сграбастал ее и придушил мощным поцелуем. одной рукой я коварно пробирался вверх между ее мощных ляжек.

— о, Хэнк, — простонала она, обмякая.

я знал, что ей нравится.

— Хэнк, ну, Хэнк, ты же не мог позариться на этот мешок с костями?

я не отвечал, а продолжал свое дело. Мэри бросила сумочку на пол и освободившейся рукой ухватила меня за яйца. но они были пусты, мне нужна была передышка — хотя бы часик или около того.

— я выбросил всю твою одежду в окно, — признался я.

— ЧТО?

мои яйца оказались на свободе, зато ее глаза вылезли из орбит.

— но я все подобрал и принес назад, сейчас я тебе все расскажу.

я плеснул себе винца и продолжил:

— ты же чуть не убила меня.

— как?

— ты что, хочешь сказать, что не помнишь? я присел на стул и показал ей свою макушку.

— ох, бедненький мой! господи, прости меня! она склонилась надо мной и нежно поцеловала безобразную кровавую коросту. я запустил руки под ее юбку, и мы снова сплелись в объятиях. но мне нужно было еще минут 40–45. а пока мы стояли в центре комнаты посреди бедности и разбитых стаканов. той ночью не было больше ни скандалов, ни бродяг, ни проституток. любовь взяла верх над всеми. и на чистом линолеуме трепетали наши тени.

это было в Новом Орлеане, во Французском квартале. я стоял на тротуаре и наблюдал такую картину: пьяный в жопу парень припал к стене и плакал, а итальяшка спрашивал его: «ты фран-

цуз?» и пьяный отвечал: «да, я француз!» тогда итальяшка лупил его по морде со всей дури, и пьяная голова билась о стену. и снова итальяшка спрашивал: «ты — француз?», а лягушатник отвечал: «да». тогда макаронник снова бил, приговаривая: «я твой друг. друг, и хочу просто помочь тебе. понимаешь?» француз отвечал, что понимает, а итальяшка продолжал бить. с ними был еще один итальянец. он сидел в машине и брился при свете подвешенного фонарика. выглядело это очень забавно — сидит себе человек в машине, размалевал морду пенкой и бреется длинной опасной бритвой. он не обращал ни малейшего внимания на то, что происходило у стены, просто сидел и брился себе в ночи. так продолжалось до тех пор, пока француз не отвалился от стены и не бросился, спотыкаясь, к машине. он схватился за дверцу и сказал: «помогите!» но тут же получил удар от своего «друга», который продолжал твердить: «я твой друг! пойми же ты — ДРУГ!» француз завалился на машину и сильно качнул ее. видно, итальяшка, который брился, порезался, потому что он тут же выпрыгнул наружу. на лице его оставалась пена, а в руке — бритва. «ах ты, пиздюк!» — завопил он и стал полосовать бритвой лицо пьяного француза, а когда тот попробовал закрыться руками, итальяшка продолжал полосовать по рукам, приговаривая: «пиздюк сраный! поганая сука!»

так начиналась моя вторая ночь в этом городе. прямо скажем, начиналась хуево. я зашел в первый попавшийся бар и присел за стойку. сидевший неподалеку парень повернулся ко мне и спросил:

— ты француз или итальянец?

— по правде сказать, я родился в Китае, — ответил я. — мой отец был миссионером. его сожрал тигр, когда я был совсем маленьким.

в это время у нас за спиной кто-то заиграл на скрипке, и это спасло меня от дальнейших вопросов. я сосредоточился на своем пиве. но когда музыка смолкла, рядом со мной кто-то присел, теперь уже с другой стороны.

— меня зовут Сандерсон, — заговорил незнакомец. — судя по всему, тебе нужна работа, так?

— мне нужны деньги, а по работе я не скучаю.

— а работать и не надо. будешь вот так же сидеть ночью, только на несколько часов дольше.

— а в чем подвох?

— восемнадцать баксов в неделю, при условии, что не будешь тянуть из кассы.

— а как ты собираешься это контролировать?

— буду платить другому парню восемнадцать, чтобы он присматривал за тобой.

— ты француз? — поинтересовался я.

— Сандерсон — англошотландец. кстати, дальний родственник Уинстона Черчилля.

— то-то я и смотрю — что-то в тебе не так.

это была бензозаправочная станция, где заправляли свои телеги шофера из таксомоторного парка. я отпускал бензин, брал деньги и бросал их в кассу. большую часть ночи я бездельничал. работа радовала первые две-три ночи. правда, произошел небольшой спор с таксистами, которые требовали, чтобы я менял им спущенные покрышки. один

итальяшка даже позвонил боссу и поднял такую вонь, будто я ни хуя не делаю. но я знал свои обязанности — во-первых, охранять деньги, старик показал мне, где спрятан пистолет, и научил, как с ним обращаться; во-вторых, следить, чтобы таксисты сполна расплачивались за бензин и масло. естественно, я не горел желанием рисковать своей жопой за восемнадцать баксов, и вот тут дальний родственник Черчилля просчитался. я спокойно мог подрезать бабла и свалить, но ебаная этика спутала все планы. не знаю уж, кто вбил в меня эту шизанутую идею, что воровать — плохо. и я ожесточенно боролся с этим своим предрассудком, а в промежутках между схватками продолжал исполнять свои обязанности за какие-то сраные восемнадцать баксов в неделю.

четвертой ночью нарисовалась эта миниатюрная негритоска. она возникла в дверях и уставилась на меня, улыбаясь. так мы пялились друг на друга минуты три.

— как поживаешь, парень? — наконец спросила она. — меня Элси зовут.

— спасибо, хреново. я — Хэнк.

она подошла и прислонилась к стойке. на ней было девчоночье платье, да и движения у нее были еще детские и задорный блеск в глазах, но вместе с тем в ней уже чувствовалась женщина — волнующая, притягательная женщина в коричневом чистеньком девчоночьем платье.

— можно мне купить лимонад?

— конечно.

она расплатилась, и я проследил, с какой предельной сосредоточенностью эта малышка выби-

рала себе напиток. потом она села на стул и стала пить, а я не мог оторвать взгляд от прекрасного зрелища — маленькие пузырьки воздуха нескончаемыми стайками срывались со дна бутылки и, сверкая в свете ламп, устремлялись к горлышку. я скользил взглядом по ее телу, разглядывал ее ноги и постепенно наполнялся ее теплой коричневой добротой. без нее мне было очень одиноко сидеть на этой зачуханной бензоколонке ночь за ночью всего за восемнадцать долларов в неделю.

— спасибо, — сказала она, протягивая пустую бутылку.

— да ладно.

— а можно, я приду завтра и приведу некоторых своих подружек?

— ну, если они такие же конфетки, как и ты, то приводи всех.

— они все как я.

— приводи всех.

на следующую ночь их было уже три или четыре. они болтали, смеялись, покупали у меня лимонад. господи, они были так свежи, молоды и полны задора. очаровательные мулаточки, все для них было смешным и интересным. и знаете, они заразили меня этим своим ощущением. в следующий раз пришли восемь или даже десять девчушек, потом я сбился со счета, наверное, штук тринадцать-четырнадцать. они стали приносить с собой джин или виски и бодяжить спиртное с лимонадом. я тоже стал прикупать крепенького.

и все же Элси — самая первая — была лучшей. она обычно садилась ко мне на колени и, елозя по мне своей круглой попкой, выкрикивала:

— господи иисусе, ты же сейчас своей елдой все мои дурные мозги разворотишь!

вид у нее был весьма агрессивный, но все ее подружки смеялись. а я сидел и смущенно улыбался, правда, в душе я был по-настоящему счастлив. да, их было слишком много на меня одного, и все же это было великолепное зрелище. я и сам начал понемногу расслабляться, и когда снаружи раздавались раздраженные гудки очередного таксиста, я вставал, с тяжелым чувством допивал свою выпивку и шел искать пистолет.

— значит, так, Эли, — говорил я своей фаворитке, вкладывая в ее розовую ладонку огромный «люгер». — ты теперь охраняешь эту долбаную кассу за меня. если кто-нибудь из девчонок захочет поживиться на халяву, будь добра, продырявь ей пизденку, хорошо?

и я оставлял Эли в диком недоумении с громадной пушкой в руках. да уж, странное было сочетание: что она, что пушка могли спасти мужика, а могли и погубить, смотря как пойдет. вот вам вся история мужчины, женщины и целого мира в двух словах. а я шел отпустить бензин.

и вот однажды ночью к нам заглянул купить лимонада таксист по имени Пинелли — итальянец, естественно. мне нравилось его имя, но сам он — нет. Пинелли больше всех выебывался насчет замены покрышек. я ничего не имею против итальянцев в целом, но, странное дело, с тех пор как я очутился в этом городе, итальянская диаспора оказалась эпицентром моих страданий. умом я по-

нимал, что тут скорее выверты теории вероятности, чем происки расизма. во Фриско, например, одна пожилая итальянка просто спасла мне жизнь, но это уже другая история. Пинелли следил за нами, это как пить дать. он ввалился, когда вся компания была в сборе. девчонки весело переговаривались, громко смеялись. Пинелли подошел к холодильнику и открыл дверцу.

— о, мамма миа! — завопил итальяшка. — я подыхаю от жажды, а тут пусто! кто вылакал весь лимонад?

стало тихо. мой голос прозвучал громко и отчетливо:

— я!

стало совсем тихо. все девчонки стояли и смотрели на чужака. Элси была рядом со мной и тоже сверлила его темным взглядом. Пинелли был симпатичным, если не приглядываться внимательно и слишком глубоко, — ястребиный нос, черные волосы, осанка прусского офицера, брюки в обтяжку и мальчишечье негодование на рыле.

— это вот эти девки все выпили! а они не должны здесь находиться! лимонад только для водителей такси!

он подошел ко мне вплотную и встал, растопырив ноги, точь-в-точь как садятся цыплята, чтобы нагадить, и спросил:

— а ты знаешь, кто эти девки, ты, умник?

— конечно — мои друзья.

— да это шлюхи! они работают в трех борделях напротив! поэтому они — ШЛЮХИ!

ну что я мог ответить на это? мы просто стояли и смотрели друг на друга. долгая это была пауза. наконец Пинелли удалился.

остаток ночи прошел как обычно. я на всякий случай отобрал у Элси пистолет.

— я чуть было не продырявила этому мудаку пупок, — сказала она. — это его мать была шлюхой!

дальше я плохо помню, но заправка очень быстро опустела. я сел и как следует приложился к стакану виски с лимонадом. затем поднялся и заглянул в кассу — вся наличность была на месте.

около пяти утра пришел босс.

— Буковски!

— да, мистер Сандерсон?

— я в твоих услугах больше не нуждаюсь. (знакомые слова.)

— а что не так?

— ребята говорят, ты устроил тут настоящий бордель. натащил шлюх, они ходят по заправке, трясут сиськами, крутят жопами, а ты лапаешь их и развлекаешься ночами напролет. и сегодня то же самое было — пососушки, полизушки и поебушки, — признавайся?

— ну, не совсем так, как вы расписали.

— знаешь, я решил сам поработать за тебя, пока не найду надежного человека. а ты иди и поищи себе развлечений где-нибудь в другом месте.

— ладно, вы здесь босс, мистер Сандерсон.

наверное, дня через два, засидевшись в баре, я решил прогуляться до своего бывшего места работы. возле заправки стояла пара-тройка полицей-

ских машин. в толпе я разглядел Марти, таксиста, с которым я неплохо ладил, и подошел к нему.

— что случилось, Марти?

— Сандерсона пырнули ножом, и из его пушки подстрелили одного водилу.

— черт, прямо как в кино! а подстрелили Пинелли?

— да откуда ты знаешь?

— в пузо?

— точно! как ты догадался?

я не ответил, был слишком пьян.

я брел по ночному городу. светила новоорлеанская луна. я повернул к своему дому, и вдруг из меня полились слезы. обильный поток слез в лунном свете. потом слезы остановились, и я почувствовал, как они высыхают у меня на лице, стягивая кожу. оказавшись в своей комнате, я не стал включать свет. скинул ботинки, снял носки и залег в кровать без Элси — моей прекрасной чернокожей шлюхи. наконец я уснул и спал в ночи, переполненной вселенской печалью. а когда проснулся, то задался вопросом: какой город следующий, какая работа? да какая, в общем-то, разница! я поднялся, надел носки, влез в башмаки и отправился за вином. улицы не радовали, они редко балуют взгляд. улицы — структура, контролируемая крысами и людьми. и мы должны жить в ней и умирать в ней. но как любил говаривать один мой приятель: «жизнь — это не контракт, в котором все расписано, что и кто кому должен».

я вошел в винную лавку. этот сучара за прилавком слегка подался вперед, в ожидании заполнить свои грязные деньжонки.

каракули, оставленные на картонках от рубашек во время двухдневного запоя:

* * *

когда Любовь обретает командный голос, шепот Ненависти может доставлять удовольствие

* * *

без риска нет победы

* * *

прекрасных мыслей и прекрасных женщин надолго не хватает

* * *

тигра легко посадить в клетку, но трудно сломать. Человека наоборот.

* * *

если хотите узнать, а где же Бог, спросите у пьяницы.

* * *

не бывает ангелов в окопах под огнем

* * *

нет боли — нет сочувствия. каждое удовольствие — сделка с дьяволом.

* * *

разница между Искусством и Жизнью в том, что
Искусство более сносно

* * *

я предпочитаю послушать про жизнь американ-
ского бродяги, чем про смерть греческого Бога.

* * *

нет ничего скучнее правды

* * *

исключительно уравновешенная личность аб-
солютно ненормальна

* * *

почти все рождаются гениями, а хоронят
сплошь идиотов

* * *

смелый человек лишен воображения, трусость
же чаще всего порождается отсутствием прилично-
го питания.

* * *

сношаться — все равно что отвесить смерти
пенделя, когда поешь

* * *

когда народ начнет сам править государством,
государство отомрет. до тех пор мы все в дураках

* * *

интеллектуал — тот, кто говорит о простых вещах сложно; художник — тот, кто говорит о сложных вещах просто

* * *

каждый раз на похоронах такое ощущение, будто объелся пророщенной пшеницы

* * *

текущие краны, лысая резина, выпердыши страсти — все это печальнее смерти.

* * *

если хотите узнать, кто ваш истинный друг, загремите в тюрьму

* * *

больница — это то место, где вас пытаются убить без всяких на то причин. Равнодушие и расчетливая жестокость американских больниц есть результат деятельности не тех врачей, которые измотаны нескончаемым потоком пациентов и про-

сто привыкли к страданиям и смерти, а тех, которые много получают за то, что ничего не делают, и которых боготворят невежды, как шаманов, тогда как в большинстве своем они не могут отличить волосы со своей собственной задницы от корешков сельдерея.

* * *

прежде чем разоблачить зло, пресса меряет собственный пульс.

* * *

картонки кончились.

так, вот ваша рождественская сказка, детишки, — садитесь в круг.

— ага, кажется, до меня дошло, — сказал мой друг Лу.

— точно?

— точно.

я налил нам еще винца.

— итак, мы работаем вместе, — продолжил Лу.

— железно.

— ты классный рассказчик, ты плетешь интересные истории, и не важно, правда это или нет.

— это правда.

— пусть правда, но в данном случае это не важно. а теперь слушай, что мы сделаем. есть классный бар неподалеку отсюда, ну, ты знаешь его — «Молино». мы скинемся на одну порцию виски,

и ты пойдешь туда. возьмешь выпивку и сядешь нянчить ее, а сам будешь высматривать, кто имеет на кармане хорошие бабки. туда ходят толсто-сумы. вот, заметишь какого-нибудь хмыря, под любым предлогом подсядешь к нему и включишь свою дурочку. ему понравится, я уверен. когда ты под мухой, у тебя даже словарный запас разбухает. однажды ночью ты был в сиську пьяный и заявил мне, что работал хирургом, я засомневался, и тогда ты детальнейшим образом расписал, как делать операцию на брыжейке толстой кишки. в общем, слушай дальше. он начнет покупать тебе выпивку, вы поднажретесь как следует, а когда бар закроется, ты поведешь его через проулок на Альварадо. скажешь, что подгонишь ему злоебучую мокрощелку. ну, можешь плести что угодно, только заведи его в тот проулок. там я буду вас ждать.

Лу сунул руку за шкаф и вытянул оттуда бейсбольную биту. это была огромная бита, я думаю, килограмма эдак полтора.

— ебать, Лу, ты что, хочешь его прикончить?!

— эй, не кипешуй, пьяного убить невозможно. вот если бы он был трезвый, тогда бы я, наверное, действительно зашиб его насмерть. а пьяного эта штука только выключит, и все дела. мы заберем бумажник и поделим добычу поровну.

— ага, и последнее, что он запомнит, — это как выходил вместе со мной.

— да, верно.

— еще как верно, тебе-то с твоей битой проще.

— а что поделаешь, если я не умею плести всякую ахинею, как ты.

— это не ахинея.

— я имел в виду твою телегу про хирургию...

— да проехали уже. слушай сюда, я не буду разводить лохов, потому что, в общем-то, я порядочный человек и это не по мне.

— ты не порядочный. ты самый что ни на есть подонок, каких я еще не встречал. поэтому ты мне и нравишься. хочешь, схлестнемся на кулаках? я бы подрался. отдаю тебе первый удар. знаешь, когда я вкалывал на шахте, на меня попер один मु-дила с рукояткой от кирки. первым же ударом он сломал мне руку, и все решили, что кончено — он меня сделал. но я его отхуярил одной рукой так, что он ебнулся и потом ходил и постоянно бубнил всякую чушь себе под нос. давай, твой удар первый!

Лу подставил мне свою помятую крокодилию башку.

— нет, ты бьешь первым, — заупрямился я. — бей, козел!

и он ударил. я слетел со стула, но сразу же поднялся и ответил ударом в живот. следующий его удар отбросил меня к раковине. посуда полетела на пол. я подхватил пустую бутылку и запустил ему в голову. но Лу увернулся, и бутылка разбилась о дверь. в тот же момент дверь открылась, и в проеме застыла домохозяйка — довольно молодая блондинка. при виде ее мы смутились и замерли, таращась на симпатичное существо женского пола.

— на этом все! — сказала она, затем повернулась ко мне. — я видела вас здесь прошлой ночью.

— вы не могли видеть меня прошлой ночью.

— я видела вас в соседнем дворе.

— меня там не было.

— вы были там, просто не помните этого, потому что были пьяны. я хорошо разглядела вас в лунном свете.

— ну хорошо, и что дальше?

— вы мочились. я видела, как вы мочились в лунном свете прямо в центре двора.

— на меня это не похоже, нет.

— это были вы. если еще повторится, я должна буду попросить вас съехать. такое здесь недопустимо.

— дорогуша, — встрял Лу, — я люблю тебя, господи, я так сильно люблю тебя, что готов отдать обе свои руки за то, чтобы хоть один раз оказаться с тобой в койке. клянусь!

— заткнись, тупой пропойца!

она захлопнула дверь, и мы снова сели за стол и разлили вино.

я зацепил лоха. жирного карася. всю мою жизнь такие вот кретины увольняли меня с самых низкооплачиваемых, тупых работ. теперь я был боссом. теперь говорил я. молот всякий вздор не задумываясь. я только ощущал, как мой рот артикулирует, но он слушал и смеялся, мотал головой и покупал выпивку. на пальцах у него были всякие кольца и печати. дорогие часы на запястье. и главное — туго набитый бумажник. да, трудная работенка, но вскоре выпивка значительно ее облегчила. я вошел в раж, рассказал несколько историй из тюремной жизни, поведал о приключениях железнодорожных бригад, о жите-бытье в публичном доме. вот

про бордель ему понравилось больше всего. я описал случай, когда один парень пришел к проститутке, разделся, залез в ванну и ждал целый час, пока его дама просрется после слабительного. шлюха выдавила из себя все, что смогла, в ночной горшок и облила парня с головы до ног, а тот с удовольствием кончил.

— нет! не может быть!

— может.

следом я изложил историю другого оригинала, который приходил в бордель каждый вечер в течение двух недель и заказывал себе самую дорогую шлюху. они запирались в номере, раздевались до гола и садились играть в карты. через два часа клиент одевался, вежливо прощался и уходил. за две недели он ни разу даже не прикоснулся к девушке.

— ни хуя себе!

— вот именно.

чем дальше я общался с этим представителем человечества, тем крепче становилась во мне уверенность, что я не буду возражать против череподробительной биты моего друга Лу. что за никчемная куча говна! он высасывает все соки из своих подчиненных, чтобы самому смердеть на весь белый свет. вот он сидит, пыжась своей величавой никчемностью, — визитная карточка всего безумного общества.

— тебе нравятся молоденькие девочки?

— о да, да, конечно!

— скажем, лет пятнадцать с хвостиком?

— о боже, да!

— сегодня в полвторого ночи одна такая приезжает ко мне из Чикаго. где-то в два — два десять она будет у меня на квартире. девочка чистая, образованная. ты понимаешь, как я рискую, но мы доверяем друг другу. я прошу десятку авансом и еще столько же после того, как ты закончишь. как, не слишком дорого для тебя?

— да нет, все нормально!

он полез в карман и вытащил свою поганую десятку.

— отлично, когда бар закроется, ты пойдешь со мной.

— обязательно.

— знаешь, у нее есть такие изящные серебряные шпоры с острыми рубинами. она их надевает, обхватывает ногами твою жопу и пришпоривает так, что яйца лопаются. как тебе такое? но за это пять баксов сверху.

— не, мне лучше без шпор.

часа в два ночи бар закрылся, мы вышли на улицу и двинулись напрямик к аллее. а может, Лу и не придет? может, его свалит выпитое вино или он просто передумает. такой битой, как у Лу, можно убить или сделать человека идиотом на всю оставшуюся жизнь.

пошатываясь, мы брели в лунном свете. вокруг не было ни души.

сначала все шло гладко. мы завернули в проулок, и Лу был там. но в самый ответственный момент, когда Лу уже размахнулся, толстяк обернулся. увидев битую, он ловко пригнулся, и Лу со всей дури съездил мне по затылку.

я рухнул в кишачие крысами кусты (мой мозг, как вспышкой, озарила одна мысль: я заполучил десять баксов! у меня десятка!). я лежал среди использованных гондонов, среди обрывков старых газет, на ржавых гвоздях, на спичечных коробках, среди высохшей травы. немощного и беспомощного, меня поглощал липкий и вонючий проулок, наполненный садистским влажным полумраком, голодными котами, жадными мародерами и грязными педиками. и тут я вспомнил изречение: кроткие унаследуют землю — и понял, что сие есть мой скорбный путь.

сквозь сгущающийся мрак до меня доносились шаги убегающего толстяка. затем я почувствовал, как Лу вытащил мой бумажник. потом я отключился.

богатый ублюдок заливался слезами в своей личной сауне. он собрал все вышедшие пластинки с произведениями Иоганна Себастьяна Баха, но это его не удовлетворило. в его доме все окна были с витражными стеклами, а на стене висело фото писающей монашки. но удовлетворения все равно нет. однажды он приказал, и у него на глазах убили таксиста в пустыне Невада при свете полной луны. удовольствия хватило на тридцать минут. он распинал бродячих собак на крестах и выжигал им глаза своими дорогими сигарами. банальность. он поймел столько молоденьких, безупречно длинноногих девочек, что никакие женские прелести не могли его соблазнить.

пустота.

сауна топилась экзотическим папоротником, если что было не так, старикан плескал выпивку из своего стакана прямо в лицо дворецкому.

богатый ублюдок, туша хитрости и коварства. обыкновенный старый подонок. мерзкий злопахатель в обличье почтенного старца.

он продолжал выть, сидя на полке, пока я курил одну из его душистых сигар.

— помоги мне, ради Христа, помоги мне! — верещал старик.

время поджимало.

— сейчас, погоди минутку, — сказал я и, дотянувшись до шкафчика, взял ремень.

старый придурок подставил мне свою белую, омерзительно волосатую жопу. я размахнулся и со всей силы протянул пряжкой прямо по этой бесформенной жиже.

ХРЯСЬ! ХРЯСЬ!

и снова.

ХРЯСЬ! ХРЯСЬ! ХРЯСЬ!

он завертелся на полке, как краб в поисках моря, и стал сползать на пол. я сопровождал его пряжкой.

ХРЯСЬ! ХРЯСЬ! ХРЯСЬ!

наконец он не выдержал и заорал, тогда я склонился к нему и прижег побагровевшую жопу сигарой.

старик распластался на полу, блаженно улыбаясь.

я повесил ремень и вышел на кухню, где пил кофе адвокат старикана.

— закончил?

— м-гу.

адвокат отслюнявил пять десятков и бросил их на стол. я налил себе кофе и присел рядом. сигара была еще у меня в руках, и я бросил ее в раковину.

— блядь, — вырвалось из меня. — ебаны в рот.

— да уж, — сказал адвокат. — парень, что был до тебя, выдержал только месяц.

мы сидели и попивали кофе на шикарной кухне.

— приходи в следующую среду.

— а ты сам-то что не подзарабатываешь?

— я? ты что, я слишком ранимый для таких дел.

мы оба рассмеялись, и я бросил в свой кофе пару кусочков сахара.

он спускался по бельепроводу, и как только он выскользнул наружу, Максфилд ударил топориком и сломал ему шею. мы обшарили карманы. это был не тот человек.

— лажа, — сказал Максфилд.

— лажа, — сказал я.

я поднялся наверх и позвонил.

— кролик пердолит не по-детски, — сказал я.

— кончай педика в мелкие дребезги, — ответил Штайнфельт.

— наружка, — сказал я, — духи на хвосте.

— нахуй пошел, — сказал Штайнфельт и повесил трубку.

я спустился вниз, Максфилд отсасывал у трупа.

— я догадывался, — проронил я.

— гомо-гомо жо, — на секунду оторвался Максфилд.

— ЭТО-то тут при чем? — спросил я.

— кайф, — проурчал он.

я присел на отключенную стиральную машину и заговорил:

— послушай, если мы хотим улучшить наш мир, мы должны бороться не только на улицах, но и вести настоящую войну в наших головах с нашим разумом.

и еще, если наши женщины не могут содержать в чистоте ногти на ногах, то сто пудов они и лоханки свои запускают донельзя. перед тем как хватать бабу за задницу, попроси ее разуться.

— кайф, — сказал Максфилд, удовлетворившись.

он поднялся и стал выковыривать у трупа глаза.

складным ножом. на рукояти красовалась свастика. Максфилд смахивал на Селина, во всей его красе. извлеченные глазные яблоки он проглотил. мы сидели и ждали.

— читал «Сопrotивление, бунт и смерть».

— боюсь, что да.

— там, где больше всего опасности, больше всего надежды.

— закурить есть? — спросил я.

— конечно, — отозвался он.

я получил сигарету, раскурил и припечатал тлеющий конец к волосатой кисти Максфилда.

— ой, блядь! — взвыл он. — ой, прекрати!

— тебе повезло, что я не воткнул ее в твою волосатую жопу.

— вот уж повезло так повезло.

— снимай.

он послушался.

— раздвинь ягодицы.

— я клянусь в своей преданности, — затараторил он, — к...

сверху из радиоточки полилась сюита Римского-Корсакова «Шехерезада», и я вставил, нет-нет, вставил горящую сигарету.

— боже, — застонал он.

удерживая сигарету, я спросил:

— почему устроили облаву в «Тарараме»?

— боже, — кряхтел он в ответ.

— я задал вопрос! почему устроили?

— устроили, — простонал он, — потому что устроили. я дитя собственного невежества!

— ну что ж, попробуем докопаться до сути, — сказал я, продираясь горящим угольком до самой мякоти.

Коктейли

— боже, милостивый боже, — скулил он.

— почти каждый человек не сомневается в бесспорности своего слабоумия, но кто выживет в резком охлаждающем сиянии своего сногшибательного гения-еврения?

— только ТЫ, Чарльз Буковски!

— ты выдающийся человек, Максфилд, — сказал я, вынул сигарету, понюхал, нет, не понюхал, а отшвырнул прочь. — ебать-колотить, ну, ты дал стране угля, парень, — прибодрил я его, — присаживайся.

— да ладно тебе, — сказал он.

я сел и начал излагать:

— вот сейчас ты с легкостью поймешь Камю, если внимательно будешь следить за моей мыслью. брукк, банко, сестина-вик и все такое, великий писатель, да, но и он облажался.

— что еще за викня... это что еще за хуйня?

— это я про его письма в «Комба», про его выступления в обществе французской дружбы, про его заявления в доминиканском монастыре на бульваре Латур-Мобур в сорок восьмом году. я про его ответ Габриэлю Марселю. я про его речь на бирже труда десятого мая пятьдесят восьмого года, а также речь от седьмого декабря пятьдесят пятого на банкете в честь президента Эдуардо Сантоса, редактора газеты «Эль тьемпо», выдворенного из Колумбии диктаторским режимом. я про его письмо, адресованное Азизу Кессу. я про его интервью, опубликованное в «Дэмэн», выпуск за двадцать четвертое — тридцатое октября пятьдесят седьмого года.

— а я про большой облом, провал позиции, обсос и обсер. он умер в автомобиле, а за рулем не сидел. это здорово — быть отличным парнем и участвовать в общественной деятельности; и совсем другое дело, когда уродцы вроде тебя плюют на могилы великих общественных деятелей прошлого. большое становится отличной мишенью для мелких людишек — людишек с оружием, печатными машинками, анонимками, подкинутыми под дверь, в погонах, с дубинками, собаками, все эти причиндалы мелких людишек тоже работают.

— да отъебись ты, — сказал я.

— тривиальный гнев, как и тривиальные бляди, исчезает с первым октябрьским лучиком солнца, — ответил он.

— звучит здорово. а как насчет нетривиальных?

— та же история.

— господи, — сказал я. — боже мой.

— знаешь, честное слово, — сказал он и пристроил свою голову (не руку, учтите) мне на колено, — я не знаю, почему устроили облаву в «Тарараме».

— мог Камю заказать? — спросил я.

— что?

— облаву в «Тарараме».

— черт, нет!

— а иметь свое мнение на этот счет?

— черт, да!

мы надолго замолчали.

— что же нам делать с этой дохлятиной? — наконец спросил я.

— я уже делал, — отозвался Максвелл.

— я имею в виду, сейчас.

— сейчас твоя очередь.

— ладно, забудь.

и снова мы сидели в тишине и таращились на труп.

— чё бы тебе не позвонить Штайнфельту? — предложил Максвелл.

— «чё бы»?

— ну да, чё бы и нет?

— кончай меня бесить.

я поднялся наверх и снял трубку с крюка. по всей Америке все уже заменили свои телефонные аппараты, и трубки покоились себе на рычажках, никаких больше крюков — лишь у этого уебища трубка болталась на крюке, как огромная обмякшая елда негра. короче, я взял эту елду в руки. она была вся липкая от пота, естественно, с прилипшими ошметками шпагетти, или как там пишется это слово, — усохшие червяки, которые проиграли в последнем забеге.

— Штайнфельт, — сказал я в трубку.

— кто победил в девятом? — спросил он в ответ.

— в упряжках или под седлом?

— в упряжках.

— Джонбой Стар, выставлялся за пять косых, шел за шесть в Спокейне с Асафром, сначала стартовый номер восемь, ставки шесть к двум с половиной. потом стартовый номер двойка, с Джеком Уильямсом. утром значился четвертым. на открытии считался семь к двум, на старте упал до двух к одному. победил легко.

— тебе кто приглянулся?

— Смоук Концерт.

— ну что там за хрень у вас?

— кролик пердолит не по-детски, — повторил я.

— кончай педика в мелкие дребезги, — повторился Штайнфельт.

— наружка, — сказал я, — духи на хвосте, пасут конкретно.

— нахуй пошел, вдогонку, — сказал Штайнфельт и повесил трубку.

а я, я вернулся вниз, я, я, я вернулся. если вернулся, значит, бенко банко сестина-винк вик. из радиоточки звучали «Фанфары для простого человека» Копленда. Максфилд снова отсасывал у трупа, облепленного насекомыми.

я понаблюдал за ним некоторое время, потом сказал:

— друг мой, работа наша не из легких, и круги наших судеб еще не сомкнулись. думай об Африке, думай о Вьетнаме, думай об Уотсе и Детройте; думай о «Бостон ред сокс», о Лос-Анджелесском окружном музее, то есть я хотел сказать — окружном. вообще думай о чем-нибудь. например, о том, как ты дерьмово выглядишь в зеркале жизни.

— кайф, — сказал Максфилд.

закат Европы был передо мной. ну дай мне еще хотя бы десять лет, всего лишь десять лет. уважаемый Шпенглер. Освальд? ОСВАЛЬД??? Освальд Шпенглер.

я отошел, присел на стиральную машину и стал ждать.

садись, Теленочкин.

спасибо, сэр.

не стесняйся, вытяни ноги.

вы очень любезны, сэр.

Теленочкин, я так понимаю, ты пишешь статейки о справедливости и равноправии. а также о праве каждого на благополучное существование. Теленочкин?

да, сэр?

ты действительно думаешь, что когда-нибудь в мире восторжествует всеобщая и осознанная справедливость?

нет, сэр, что вы!

так зачем же ты пишешь такое говно? плохо себя чувствуешь?

последнее время я чувствую себя как-то странно, сэр. будто я схожу с ума.

пьешь по-черному, Теленочкин?

конечно, сэр.

и балуешься сам с собой?

постоянно, сэр.

как?

не понял.

ну, каким образом ты это проделываешь?

беру четыре-пять сырых яиц, фунт фарша и сую все это в цветочную вазу с узким горлышком. хорошо идет под Воана-Уильямса или Дариуса Мийо.

стеклянная?

вагинальная.

я имею в виду, ваза стеклянная?

конечно нет, сэр!

женат был?

много раз, сэр.

что не устраивало?

всё, сэр.

какой самый яркий сексуальный опыт для тебя?

ну, пяток сырых яичек и фарш...

ладно, ладно, понятно!

да, это самый яркий...

ты осознаешь, что твоё желание справедливости и преобразования мира является всего лишь шир-

мой, за которой ты пытаешься скрыть свое моральное разложение, стыд и неудачи?

да.

твой отец был жесток?

не знаю, сэр.

как это ты не знаешь?

в смысле, тяжело сравнивать. у меня был всего один отец.

дерзишь, Теленочкин?

да куда там, сэр! вы же сами сказали: справедливость невозможна.

отец бил тебя?

они били по очереди.

ты же сказал, что у тебя был один отец?

у каждого человека один отец. я имел в виду свою мать.

она любила тебя?

только как свое продолжение.

а как еще может проявляться любовь?

ну, как очень сильное желание чего-нибудь весьма нужного или привлекательного, необязательно должна присутствовать кровная или семейственная связь. это может быть красный пляжный мяч или кусочек хлебushка с маслом.

ты хочешь сказать, что можно любить кусок хлеба, намазанный маслом?

только при определенных стечениях обстоятельств. каким-нибудь особым утром, при необыкновенном солнечном свете. любовь ведь приходит и исчезает без предупреждения.

а возможно любить человеческое существо?

конечно, особенно если вы с ним не очень знакомы. я люблю наблюдать за ними через свое окно, когда они шляются по улицам.

Теленочкин, ты трус?

несомненно, сэр.

кто есть в твоём понимании трус?

человек, который призадумается, выходить ли ему с голыми руками на льва.

а кто же тогда в твоём понятии храбрец?

тот, кто не знает, кто такой лев.

каждый знает, кто такой лев.

каждый предполагает, что знает.

тогда кто в твоём уразумении глупец?

тот, кто не осознает, что Время, Пространство и Плоть суть тщетности.

кто есть мудрый человек?

мудрых людей не бывает, сэр.

тогда не может быть и глупцов. если нет ночи, то нет и дня. нет белого, нет черного.

простите, сэр, я думаю, что все существует само по себе, независимо от чего-то другого.

ты слишком часто совал член в цветочные вазы и поэтому не понимаешь, что нет ничего неправильного. если существует, значит — верно!

я понимаю, сэр. чему быть, того не миновать.

что бы ты сказал, если бы я решил тебя обезглавить?

без головы я бы ничего не смог сказать, сэр.

я имел в виду, если бы я тебя обезглавил, ты бы остался тем, чем был, или превратился в ничто?

я бы стал чем-то другим.

на мой выбор?

на наш обоюдный выбор, сэр.

расслабься! расслабься! вытяни ноги!

вы очень любезны, сэр.

мы обоюдно любезны, так?

конечно, сэр.

ты сказал, что часто ощущаешь приступы сумасшествия. что ты делаешь, когда это находит на тебя?

пишу стихи.

поэзия — сумасшествие?

не поэзия — сумасшествие.

что такое сумасшествие?

сумасшествие — это уродство.

что есть уродливость?

у каждого человека по-разному.

уродство — неотъемлемая часть человека?

похоже.

неотъемлемая?

не знаю, сэр.

ты прикидываешься всезнайкой. что такое знание?

знать как можно меньше.

как это может быть?

не знаю, сэр.

ты можешь построить мост?

нет, сэр.

а изготовить оружие?

нет, сэр.

эти вещи являются продуктом знания.

эти вещи являются мостами и оружием.

знаешь, я хочу тебя обезглавить.

спасибо, сэр.

за что?

вы подпитываете меня мотивацией, когда моя истекает.

я — Справедливость.

возможно.

я — Победитель. я буду тебя пытаться. ты будешь мучиться и визжать от боли. я заставлю тебя желать Смерти.

конечно, сэр.

ты не понимаешь, что я твой хозяин?

вы мой манипулятор. однако вы не можете сделать со мной ничего невозможного.

ты думаешь, что вещаешь умные вещи, но сквозь боль ты не сможешь сказать ничего умного.

не сомневаюсь, сэр.

кстати, как ты можешь слушать Уильямса и Мийо? ты «Битлз» слышал?

ну, сэр, «Битлз» слышали все.

они тебе не нравятся?

нет, не могу сказать, что они мне не нравятся.

тебе не нравится никто из певцов?

певцы не могут не нравиться.

скажем, никто из тех, кто пытается петь, да?

Фрэнк Синатра.

почему?

он напоминает больному обществу, что оно безнадёжно больно.

ты читаешь какие-нибудь газеты?

только одну.

какую?

«ОТКРЫТЫЙ ГОРОД».

СТРАЖА! ОТВЕДИТЕ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА
В КАМЕРУ ПЫТОК И ПУСТЬ НЕМЕДЛЕННО
ПРИСТУПАЮТ К ПРОЦЕДУРАМ!

сэр, можно последнюю просьбу?

да.

позвольте, я возьму с собой мою цветочную
вазу?

нет, я сам ею воспользуюсь!

сэр?

то есть я хотел сказать, конфискую ее. так,
стража, уберите этого идиота! И еще, стража,
принесите-ка мне, принесите...

да, сэр?

полдюжины сырых яиц и пару фунтов рубле-
ной вырезки.

стража и пленник уходят. король склоняется к
интеркому, и его лицо искажает зловещая ухмыл-
ка, когда покои наполняют звуки музыки Воана-
Уильямса. а снаружи мир движется своим ходом,
пока шелудивый пес замирает, чтобы поссать на
прекрасное лимонное дерево, покачивающееся на
солнце.

мы с Мириам снимали небольшой домишко в
самом центре — не хило. спереди я посадил души-
стый горошек, и по всему участку пестрели тюль-
паны. денег с нас брали всего ничего, и никого не
беспокоило мое пьянство. я сам находил хозяина и
передавал ему плату. если задерживал на неделю
или даже две, он отмахивался и говорил: «да все
нормально. только не отдавай деньги моей жене,

она запойная, и я пытаюсь оградить ее от соблазна». у хозяина был свой бизнес по ремонту и продаже автомобилей. денег ему хватало. прекрасное было времечко. Мириам работала машинисткой в какой-то большой мебельной компании. я был не в состоянии провожать ее по утрам до автобусной остановки, так как всегда болел с похмелью. зато мы с псом всегда встречали ее там по вечерам, когда она возвращалась домой. у нас был автомобиль, но Мириам никак не могла научиться заводить двигатель. для меня это было очень удобно. я просыпался где-нибудь в пол-одиннадцатого, не спеша, без насилия приводил себя в порядок, затем поливал цветы, пил кофе и пиво. потом выходил на солнышко почесать пузо и поиграть с псом — огромным чудищем, больше меня. утомившись, мы вместе шли в дом, и я, опять же не торопясь, приступал к уборке: заправлял постель, собирал пустые бутылки, мыл посуду. по ходу пропускал еще пивка. справлялся, есть ли в холодильнике какая-нибудь провизия, чтобы Мириам могла вечером поужинать. наконец наступало время, когда можно было заводить машину и отправляться на ипподром. я успевал обернуться, чтобы приветствовать Мириам на автобусной остановке. да, все складывалось как нельзя более хорошо. меня полностью устраивало положение любовника на содержании, хотя это было и не Монте-Карло и кроме любовных обязанностей мне вменялось мыть посуду и выполнять другие униженные бытовые поручения.

осознавая, что это не может продолжаться долго, я все же чувствовал себя прекрасно, стал лучше выглядеть, лучше говорить, поправил походку, выправил осанку, поднаторел в сексе, как никогда раньше. все было отлично — по-настоящему.

но вот однажды я познакомился с женщиной, которая жила в большом доме напротив. обычным утром я сидел на крыльце, попивал пиво и бросал мяч псу. и тут появилась она. расстелила покрывало на лужайке и улеглась загорать. на ней был купальник-бикини — пара лоскутков, придерживаемых парой ниточек.

— привет! — сказал я.

— привет, — сказала она.

так продолжалось несколько дней — приветствия, и больше никаких разговоров. я осторожничал, кругом были бдительные соседи, с которыми зналась Мириам.

но у этой женщины было совершенное ТЕЛО. временами Природа или Бог, или кто там еще, решает создать СОВЕРШЕННОЕ ТЕЛО — для разнообразия. постоянно вы наблюдаете вокруг себя множество тел, но все они несовершенны: у одних слишком длинные ноги, у других — чересчур короткие, такая же фигня с руками. или, скажем, шея — то она слишком толстая, то излишне тощая. возьмем бедра — сплошь и рядом бедра завышены или занижены. но основная проблема с жопой. почти у всех жопа никуда не годится. жопа — сплошное разочарование: или слишком большая, или слишком плоская, излишне круглая или же

вовсе нет никакой округлости. а то она и вовсе болтается, как инородное тело, будто бы ее прилепили впопыхах и напоследок, когда основные работы были закончены.

а ведь жопа — это душа секса! или даже лицо души секса!

у моей соседки напротив была и жопа, и все остальное просто тютелька в тютельку. со временем я узнал, что ее зовут Рени и что она работает стриптизершей в небольшом клубе на Западной авеню. в ее лице была характерная лос-анджелесская жесткость, вероятно, по молодости ей многое пришлось испытать, видать, не раз она ложилась под богатеньких и влиятельных самцов и теперь машинально включала охранную сигнализацию, мол, извини, братец, только без обид, но свое я слуплю.

как-то утром она заговорила со мной:

— я теперь загораю на заднем дворе. этот старый хрыч из соседнего дома подкараулил меня, когда я загорала перед домом, и ущипнул за задницу. прикинь, старый возбудился!

— серьезно?

— абсолютно. козлу, должно быть, уже лет семьдесят, а он еще щиплется. думает, если есть деньги, можно ручки распускать. есть один парень, который привозит ему свою жену каждый день. старик развлекается с ней, выпивает, поебывает как может, а вечером приезжает муженек и забирает свою бабу. они рассчитывают, что старый пердун, перед тем как отбросить копыта, отпишет им все свои денежки. господи, меня тошнит от людей. вот недавно хозяин заведения, в котором я работаю,

толстожопый макаронник Грегарио, говорит мне: «детка, ты работаешь на меня, так что давай крути жопой не только на сцене». я ему ответила: «знаешь, Грегарио, я артистка, и если тебя не устраивает мое шоу, я ухожу!» я позвонила своему другу, он приехал, мы собрали весь мой реквизит и слиняли оттуда в считанные минуты. но не успела я приехать домой, как зазвонил телефон. это был Грегарио. Как он запел: «дорогуша, послушай меня, я прошу тебя вернуться! клуб без тебя умер. все только и спрашивают о тебе весь вечер. пожалуйста, возвращайся! я уважаю тебя как артистку и леди. ты настоящая леди!»

— дернешь пивка? — спросил я.

— почему нет.

я сходил за пивом, и Рени присоединилась ко мне на моем крылечке.

— а чем ты занимаешься? — спросила она.

— в данный момент ничем.

— у тебя милая подружка.

— да, она классная.

— а что ты делал до того, как стал заниматься ничем?

— да всякую дерьмовую работу, даже и рассказывать нечего.

— я разговаривала с Мириам, она сказала, что ты рисуешь и пишешь, что ты тоже художник.

— ну, иногда я художник, а большую часть времени — ничто.

— я хотела бы, чтобы ты посмотрел мой номер.

— я не люблю клубы.

— а у меня в спальне есть сцена.

— не понял?

— пойдем, я тебе покажу.

мы прошли к ней в дом с заднего хода, и она провела меня в спальню. и действительно, большую половину спальни занимала настоящая сцена с настоящими кулисами. Рени принесла мне виски, воду и скрылась за кулисами. я налил себе крепенького.

спальню наполнили звуки музыки. это была «Бойня на Десятой авеню». я отхлебнул виски. кулисы раздвинулись, и на сцену выпорхнула Рени.

я залпом добил свой виски и решил, что сегодня обойдусь без ипподрома.

Рени начала освобождаться от одежды. движения ее стали более экспрессивными, она подпрыгивала и извивалась. бутылка с виски была рядом, я дотянулся и плеснул себе еще, не разбавляя. наконец Рени осталась в бикини, расшитом бисером. с последней нотой бикини спало с нее, и я увидел заветный кустик. это было здорово.

— bravo! bravo! — зааплодировал я. Рени накинула халат и закурила.

— тебе правда понравилось?

— конечно! теперь я понимаю, что имел в виду Грегарио, когда говорил, что у тебя есть класс.

— ну и что он имел в виду?

— можно, я еще выпью?

— конечно. и мне налей.

— понимаешь, класс — это то, что человек больше видит и чувствует, чем формулирует. это присутствует и в людях, и в животных. это, например, чувствуется в воздушных гимнастах, в том, как они

выходят на арену. это проглядывает в их походке, манерах. это у них внутри и снаружи, но чем больше внутри, тем это заметнее снаружи. это происходит и у тебя, когда ты танцуешь. внутреннее содержание проявляется внешне.

— я тоже так думаю. это не просто сексуальные движения, это мои переживания. я пою, я разговариваю танцем.

— да еще как! я все просек!

— знаешь, мне бы хотелось, чтобы ты покритиковал меня, что-нибудь посоветовал. я должна постоянно совершенствоваться. поэтому я сделала себе эту сцену и все время тренируюсь. давай я буду танцевать, а ты по ходу обсуждать, и не стесняйся. говори откровенно.

— давай, только для храбрости надо выпить еще.

— вот бутылка, распоряжайся.

она скрылась за кулисами и вскоре появилась на сцене в новом костюме. зазвучала песня:

«когда ночная бабочка Нью-Йорка

желает вам спокойной ночи,

солнце встает.

спокойной ночи, милая».

мне приходилось кричать, чтобы перекрыть музыку. я ощутил себя крутым режиссером с дебильными голливудскими мозгами.

— НЕ УЛЫБАЙСЯ, КОГДА ВЫХОДИШЬ. ЭТО ВУЛЬГАРНО. ТЫ — ЛЕДИ. ТЫ ДЕЛАЕШЬ ОДОЛЖЕНИЕ, ВЫХОДЯ НА ПУБЛИКУ. ЕСЛИ У БОГА ЕСТЬ ПИЗДА, ЗНАЧИТ, ТЫ И ЕСТЬ БОГ. ТОЛЬКО ЕЩЕ ЧУТЬ-ЧУТЬ МИЛОСЕР-

ДИЯ. ТЫ — СВЯТЫНЯ. У ТЕБЯ ЕСТЬ КЛАСС.
ДАЙ ЭТО ПОЧУВСТВОВАТЬ!

я налег на виски. отыскал на кровати пачку сигарет и стал курить одну за другой.

— ВОТ-ВОТ — ТО, ЧТО НАДО! ТЫ ОДНА
В КОМНАТЕ! ПУБЛИКИ НЕТ! ТЫ ХОЧЕШЬ
ЛЮБИТЬ, ПРЕВОЗМОГАЯ СЕКСУАЛЬНОЕ
ТОМЛЕНИЕ, ЛЮБИТЬ, ПРЕОДОЛЕВАЯ СТРА-
ДАНИЯ!

часть ее костюма полетела прочь.

— А СЕЙЧАС СКАЖИ ЧТО-НИБУДЬ НЕ-
ОЖИДАННО! СКАЖИ, КОГДА БУДЕШЬ УХО-
ДИТЬ С АВАНСЦЕНЫ. ШЕПОТОМ, ЧЕРЕЗ
ПЛЕЧО. ВСЕ, ЧТО ПРИДЕТ ТЕБЕ В ГОЛОВУ.
ТИПА КАРТОШКА ДРЮЧИТ ЛУКОВИЦУ!

— картошка дрючит луковицу! — прошипела
она.

— НЕТ! НЕТ! СКАЖИ ЧТО-НИБУДЬ СВОЕ!

— потаскуха лижет яйца! — выдала она.

я чуть не обкончался и поскорее налил еще ви-
ски.

— А ТЕПЕРЬ БЕЙ НАПОВАЛ! МОЧИ! СРЫ-
ВАЙ ЭТИ ЧЕРТОВЫ СТРИНГИ! ДАЙ МНЕ ЗА-
ГЛЯНУТЬ В ЛИЦО ВЕЧНОСТИ!

она обнажилась. вся спальня была в огне.

— ДВИГАЙСЯ БЫСТРЕЕ! БЫСТРЕЕ! БУД-
ТО ТЫ СХОДИШЬ С УМА! ПОЛНЫЙ ОТРЫВ!

у нее получалось. на какое-то время я лишил-
ся речи и замер, истлевшая сигарета обожгла мне
пальцы.

— СМУТИСЬ! — заорал я.

она выполнила.

— ТЕПЕРЬ МЕДЛЕННО, МЕДЛЕННО, МЕДЛЕННО ДВИГАЙСЯ КО МНЕ! ЕЩЕ МЕДЛЕННЕЕ, МЕДЛЕННЕЕ. ЗА ТОБОЙ МОЩЬ ЦЕЛОЙ ТУРЕЦКОЙ АРМИИ! ИДИ НА МЕНЯ МЕДЛЕННО! О ГОСПОДИ!

я уже был готов прыгнуть на сцену, когда она прошептала: «потаскуха лижет яйца». но сдержался, выпил на посошок, попрощался и свалил. дома я принял душ, побрился, вымыл посуду, взял с собой пса и поспешил на автобусную остановку.

Мириам была вымотана.

— ужасный день, — жаловалась она. — одна из наших дур смазала все печатные машинки, и они перестали работать. вызвали мастера, он пришел и стал орать на нас: «какого черта вы тут смазывали!» потом Коннерс насел на нас, чтобы мы наверстали упущенное время. у меня пальцы просто онемели от этих гребаных клавиш!

— ничего, милая, — успокаивал я, — сейчас ты примешь горячую ванну, выпьешь чуть-чуть и придешь в норму. у меня там в духовке картошечка томится, потом я поджарил мяса с помидорчиками и, как ты любишь, горячие французские булочки с чесночком.

— господи, я вымоталась, как ломовая лошадь!

мы пришли домой. Мириам рухнула в кресло и сбросила туфли. я принес ей выпивку. она тяжело вздохнула и, глядя в окно, произнесла:

— какие красивые эти плети душистого горошка, особенно когда сквозь них пробиваются солнечные лучи!

она была просто доброй девчушкой из Нью-Мексико.

ну а с Рени я виделся еще несколько раз после той встречи, но это было уже не то. так наше знакомство ни во что и не вылилось. во-первых, я опасался, что соседи настучат Мириам. и во-вторых, наши отношения строились на постулате, что я воспринимаю Рени только как артистку и леди, в чем мы друг друга и убедили. поэтому любая сексуальная активность немедленно разрушила бы строго беспристрастные отношения артиста и критика и неминуемо привела бы к банальной склоке. а то, как оно складывалось, было даже забавней и перверсивней обычной постельной гимнастики. но спалился я не на Рени, а на пухлой домохозяйке — жене автомеханика, что проживала в доме позади нашего. как-то часов в 10 утра она заявила одолжить то ли кофе, то ли сахару, то ли еще чего-то там. на ней была свободная ночнушка, и когда она склонилась над шкафчиком, чтобы отсыпать кофе или чего она там хотела, пухлые сиськи просто вывалились наружу.

это было грубо сработано. она смутилась и покраснела. во мне все закипело, я чувствовал себя так, будто в меня вкачали тонны энергии и она забродила во мне в поисках выхода. в следующее мгновение мы уже тискались в объятиях. я даже парными прелестями и представлял себе ее мужа, который в этот момент заезжает на своей тележке под какую-нибудь машину и, сыпя проклятиями, орудует замасленным гаечным ключом.

потом я уволок сладкую пышку в спальню и выпустил из себя забродившую дурь. получилось неплохо. только было странно наблюдать, как этот пончик забирается в ванну вместо Мириам. потом она ушла. мы так и не сказали друг другу больше ни слова, кроме тех первых, когда я открыл дверь и она попросила чего-то там одолжить — то ли кофе, то ли сахару или чего она там хотела. скорее всего, она пришла одолжить меня.

через пару дней, поздно ночью, Мириам, подвыпив, вдруг заявила:

— я слышала, ты потягиваешь эту толстушку с заднего дома?

— ну, не такая уж она и толстушка.

— отлично, только я не намерена это терпеть. я вкалываю, а он развлекается. все, уходи.

— до утра-то можно остаться?

— нет.

— да куда я сейчас пойду?

— хоть к чертям собачьим!

— и это после того, что было между нами?

— и это — после того, что было между нами!

я попытался как-то смягчить Мириам, приласкать. но это только пуще разозлило ее. благо сборы были неустойчивы. все, чем я владел, уместилось в небольшом картонном чемодане. повезло мне и с жильем. у меня оставались кое-какие деньжата, и я снял приличную комнату на Кингсли-драйв за вполне разумную плату. я тогда долго гадал, как это Мириам вычислила меня и эту пампушку и совсем проигнорировала отношения с

Рени. но потом до меня дошло. дело в том, что все они там дружили. они постоянно общались или непосредственно, или телепатически, или еще каким хитрым способом, который мужчинам и неведом. достаточно было малейшего намека, любой маломальской информации, и все — мужик спекся.

иногда, проезжая по Западной авеню, я примечал афишу ночного клуба. там значилась и Рени Фокс. только ее имя не было заглавным. имя первой артистки красовалось неоновыми буквами, а уже ниже среди еще парочки других имен была и Рени. я так и не посетил это заведение.

а вот с Мириам мне довелось еще раз увидеться возле магазина с дешевыми товарами. она была с собакой. завидев меня, пес стал прыгать и рваться. я подошел и приласкал его.

— ну хоть кто-то по мне скучает, — сказал я Мириам.

— да я знаю. я даже пыталась как-то вечером привести его к тебе повидаться. уже хотела нажать звонок, когда из-за двери послышался визг очередной твоей сучки. чтобы не отрывать тебя, мы ушли.

— у тебя очень богатое воображение. никого у меня не было.

— у меня нормальное воображение.

— знаешь, иногда я бываю в этих местах...

— нет, не надо. у меня есть отличный друг. у него хорошая работа! он не боится трудиться!

и с этими словами она повернулась и пошла прочь. женщина и собака уходили из моей жизни со всеми ее заботами и на прощание вихляли своими попами. а я стоял на краю тротуара и смотрел на

проходивших мимо людей, пока не остался совсем один. светофор горел красным, а когда зажегся зеленый, я пересек эту жестокую улицу.

мой друг — по крайней мере, я считаю его своим другом — один из лучших поэтов нашего времени. так вот: он впал в отчаяние у себя в Лондоне. с приступами отчаяния были знакомы еще древние греки и древние римляне. это может случиться с человеком в любом возрасте, но самым вероятным временем проявления этой напасти надо считать закат четвертого десятка, когда вам уже под полтинник. на мой взгляд, это следствие застоя — отсутствия движения, всевозрастающей нехватки треволнений и удивления. я называю такое состояние — ПОЗИЦИЯ ЗАМОРОЖЕННОГО, хотя слово ПОЗИЦИЯ здесь не очень подходит, зато такое сравнение позволяет нам взглянуть на труп с некоторой долей юмора. иначе просто не разогнать сгущающийся мрак. любой может оказаться в позиции замороженного, основным индикатором этого служат такие плоские фразы, как: «я не могу это больше выносить!», или: «да провались оно все пропадом!», или: «ну, привет Бродвею». но у большинства это быстро проходит, и человек возвращается к своей обычной жизни — лупит жену и тянет свои табельные часы на работе.

а вот моему другу не удалось задвинуть замороженного парня под кушетку, как старую детскую игрушку. ах, если бы! он обращался к докторам по всему свету — в Швейцарии и Франции, Германии, Италии, Греции, Испании, в той же Ан-

глии. но эскулапы ничем не могли помочь. один выгонял у него глистов, другой тыкал иглами — тысячи тонких игл покрывали его руки, шею, спину. «может, это как раз оно, — писал мне друг, — может, иглы и помогут». из следующего письма я узнал, что он попытался обратиться к какому-то знахарю вуду. наконец он написал, что уже ничего не хочет. позиция замороженного победила. один из лучших поэтов современности намертво прилип к своей кровати в крохотной грязной лондонской комнатенке. голодный, едва перебивающийся редкими подачками, он сутками таращился в потолок, не способный ни написать, ни вымолвить ни единого слова, и ему было абсолютно наплевать, сможет он это преодолеть или нет. а ведь его знал весь мир.

я очень хорошо понимаю этого великого поэта, который так глупо плюхнулся в вонючую бочку с дерьмом. как это ни странно, но, сколько себя помню, я всегда был такой — я с рождения нахожусь в позиции замороженного. сразу вспоминается, как мой отец, мрачный и трусливый злыдень, лупил меня в ванной комнате своим кожаным ремнем для правки бритвы. папаша бил меня регулярно. я был зачат вне брака, и мужику пришлось жениться. и теперь все свои беды он связывал с моим появлением на свет. он любил напевать себе под нос: «когда я гулял холостой, в карманах звенели монеты!» но пел он редко, так как большую часть свободного времени был занят моим воспитанием-наказанием. и годам к семи-восьми он почти вбил в меня это чувство вины. я же не понимал истинной причины

моего истязания. и он очень изощренно выискивал всякие поводы. в мои обязанности входило подстригать один раз в неделю наши лужайки — перед и за домом. сначала я проходил с газонокосилкой вдоль лужайки, затем поперек и потом ножницами подравнивал края. и если я пропускал хоть одну несчастную травинку, не важно где, перед домом или на заднем дворе, — за одну пропущенную травинку он порол меня до полусмерти. после экзекуции я должен был идти и поливать подстриженные газоны, в то время как все остальные ребята играли в бейсбол или футбол и имели шанс вырасти нормальными людьми. да, это был великий момент, когда мой папаша растягивался на лужайке и сверял уровень подстриженной травы. и всегда он умудрялся найти хоть одну пропущенную травинку. «есть! я вижу ее! одна пропущена! ты пропустил одну!» затем он подскакивал и орал в окно ванной комнаты, где всегда во время этой процедуры находилась моя мать — образцовая немецкая фрау:

— ОН ПРОПУСТИЛ! Я НАШЕЛ! НАШЕЛ!

из ванной доносился голос матери:

— ах, как же это он пропустил! какой стыд! ПОЗОР!

вскоре я поверил, что и она винит меня во всех своих невзгодах.

— МАРШ В ВАННУЮ! — командовал папаша. — В ВАННУЮ!

я шел в ванную, спускал штаны, и экзекуция начиналась. но, несмотря на ужасную боль, я оставался совершенно равнодушным к тому, что со

мной происходило. действительно, для меня это ничего не значило. я не испытывал к родителям никакой привязанности и поэтому их жестокость не была для меня попранием любви, или справедливости, или уважения. вот что для меня было настоящей проблемой, так это плач. я не хотел, чтобы они видели и слышали мой плач. для меня это было унижением, как и косьба и полив лужаек, как и получение подушки, на которой я должен был сидеть за ужином после очередной порки. я не желал сидеть на подушке и всеми силами старался задавить в себе плач. и вот однажды я решил, что все — с плачем покончено. единственное, что теперь было слышно из ванной, это свист и удары кожаного ремня по моей голой жопе. я слушал этот причудливый, мясистый и жутковатый звук и тарасился на кафель. слезы текли ручьями, но я так и не пикнул. отец не выдержал и прервал порку. обычно он отвешивал по пятнадцать — двадцать ударов, но теперь остановился где-то на семи-восьми. с криком: «мать, слышь, мать!» — он выскочил из ванной.

— я думаю, наш сын придурок! он не ревет! я порю его, а он не ревет!

— ты думаешь, он дурачок, Генри?

— да, мамочка.

— ах, какой позор!

это было первое явственное проявление замороженного парня. я и сам ощущал, что со мной что-то не так, но я-то не считал себя придурком. я просто никак не понимал, как это другие люди могут, например, мгновенно рассердиться, впасть в ярость,

а потом так же легко позабыть о своем негодовании и тут же стать совершенно довольными и радостными. и еще как это они так искренне и живо всем интересуются, когда все вокруг — сплошная глушь.

я не отличался ни в спорте, ни в играх со сверстниками, но это потому, что у меня не было времени тренироваться. на самом деле я не был неженкой и иногда, вдруг, у меня получалось что-то лучше, чем у всех остальных. но и это меня нисколько не волновало. вспоминаю свою первую драку с соседским мальчишкой, я так и не смог разозлиться на него. я просто махал кулаками. я же был замороженным. я не мог понять ГНЕВ и ЯРОСТЬ своего противника. вместо того, чтобы попытаться побить забияку, я всматривался в искаженное гневом лицо, отмечал странные манеры и был весьма озадачен его разъяренностью. иногда я наносил ответные удары, но чтобы только удостовериться, что могу это сделать, а потом снова впадал в ступор.

и тогда мой отец выскочил из дома и заорал:

— все! бой окончен! конец! капут!

пацаны боялись моего родителя, и они бросились наутек.

— ты не мужчина, Генри, — сказал мне отец. — тебя снова побили.

я молчал.

— мать, наш сын снова позволил этому Чаку Слоану побить себя!

— наш сын?

— наш, наш!

— какой стыд!

без сомнения, это отец распознал во мне замороженного человека, и он извлек из этой ситуации максимум выгоды для себя. «детей должно быть всегда видно, но никогда не слышно!» — заявлял он. меня это вполне устраивало. сказать мне было нечего, и ничего меня не интересовало. я был замороженный тогда, потом и навсегда им и остался.

пить я начал лет с семнадцати вместе с парнями постарше, которые шлялись по улицам и грабили запрапочные станции и винные магазинчики. они принимали мое всеобъемлющее отвращение за проявление бесстрашия, а то, что я никогда ни на что не жаловался, относили к необычайной храбрости. я был довольно популярен в компании, но и это меня никак не расшевелило. я жил в своем замороженном мире. во время попоек передо мной выставляли большое количество бутылок — виски, пиво, вино, — я пил все подряд. но ничего меня не забирало по-настоящему. я и захмелеть-то не мог, как все остальные. одни валились замертво на пол, другие дрались, третьи пели, четвертые бахвалились, а я сидел себе тихонько за столом и осушал стакан за стаканом. и с каждым выпитым стаканом я все дальше и дальше отдалялся от компании, ощущая себя потеряннным, но без надрыва и муки. просто электрический свет, голоса, тела, и ничего больше.

тогда я еще жил с родителями. в стране бушевала Великая депрессия, 1937 год, найти работу семнадцатилетнему пацану было нереально. и я возвращался домой чисто в силу привычки и стучал в дверь.

однажды ночью мама открыла смотровое окошечко в двери и закричала:

— он пьяный! он снова пьяный!

из дальней комнаты слышался голос отца:

— что? снова пьяный?

вскоре возле смотрового окошка появилась физиономия папаши:

— я не хочу тебя пускать. ты опозорил как свою мать, так и свою родину.

— здесь холодно, откройте, или я выломаю дверь. я хочу войти, больше мне ничего не надо.

— нет, сынок, ты недостойн моего дома. ты опозорил как свою мать, так и...

я обошел дом и с разбегу атаковал плечом заднюю дверь. в моих действиях не было злости, только простой расчет, как в математике, — у вас есть цифры и формулы, и вы работаете с ними. я врезался в дверь, но она не открылась, зато прямо по центру образовалась большая трещина, и, похоже, защелка наполовину выбилась. я снова отошел и приготовился к атаке.

— ладно, входи, — отступился отец.

я вошел, но как только увидел их лица — пустые картонные лица безумного кошмара, — мой желудок, переполненный алкогольным коктейлем, взбунтовался. меня стало тошнить, и я блеванул прямо на их чудный половик с изображением древа жизни. все, что было выпито, вылилось на древо жизни.

— ты знаешь, как поступают с собакой, которая нагадила на ковер? — спросил отец.

— нет, — ответил я.

— ее тыкают носом прямо в дерьмо, чтобы она больше так не делала!

я промолчал. отец подошел ко мне и ухватил за загривок.

— ты — нагадившая собака, — заявил он.

я опять промолчал.

— теперь ты знаешь, как поступают с нашкодившей собакой?

он стал пригибать мою голову к блевотине, покрывавшей древо жизни.

— ее тыкают носом прямо в дерьмо, чтобы впредь неповадно было!

мать — образцовая немецкая фрау — в ночной рубашке стояла в стороне и молча наблюдала за нами. по молодости у меня возникала идея, что вообще-то мама на моей стороне, но это была абсолютно ложная идея, приобретенная еще со времен общения с ее сосками. да к тому же и стороны-то моей никогда не было.

— слушай, папа, — сказал я, — кончай!

— нет-нет, ты знаешь, как поступают с плохими собаками!

— я прошу тебя, прекрати.

но он продолжал давить мне на загривок. все ниже, ниже, ниже. мой нос был уже почти в блевотине. так как я слыл замороженным, я не спешил. но «замороженный» означает твердость, а не мягкость. я стоял раком и соображал. получалось, что у меня нет никакого желания и отсутствуют какие-либо причины, чтобы уткнуться носом в свою собственную блевотину. ну, если бы у меня возникло желание или это было для чего-нибудь нужно, тог-

да я бы сам сунул свой нос хоть в бочку с говном. для меня это не было вопросом, скажем, ДОСТОИНСТВА, или ЧЕСТИ, или ГНЕВА. просто, исходя из расчетов моей специфической математики, получалось, что мне это не надо. я чувствовал, если воспользоваться моим любимым термином, отвращение.

— прекрати, — сказал я. — последний раз прошу:

прекрати!

отец навалился еще сильнее — мой нос коснулся блевотины. тогда я из приседа, с разворота провел шикарней, полномасштабней апперкот. я припечатал его мощно и точно в подбородок. отец отлетел и тяжело, неуклюже рухнул на диван. империя зла была разгромлена в говно. хрясь! руки в стороны, глаза как у очумевшего от страха животного. животного? да, теперь он был в роли собаки! я подошел ближе, встал в стойку и стал ждать, когда он поднимется. но он не шевелился. он просто таращился на меня и не собирался вставать. при всей своей агрессивности, мой отец был обыкновенным трусом. но и это не стало для меня сюрпризом. я только подумал, что если мой отец трус, возможно, и я тоже трус. но так как я был прежде всего замороженным, то не испытал по этому поводу никаких мук. мне на все было наплевать. даже когда мать набросилась на меня и с воплями «ты ударил своего ОТЦА!» начала царапать мне лицо своими ногтями, я не дрогнул. она царапалась и визжала: «ты ударил своего ОТЦА! ты ударил своего ОТЦА!» я просто повернулся так, чтобы ей

было удобней царапаться, полосовать мою морду ногтями. блядская кровь вытекала из ран, струилась по шее, заливала рубашку и забрызгивала облеванное древо жизни причудливыми протуберанцами. я ждал, не выказывая никакого интереса к происходящему.

— ты ударил своего ОТЦА! — царапания пошли на убыль.

я ждал. мать остановилась, затем принялась снова:

— ты... ударил... своего отца... своего отца...

— ты закончила? — спросил я.

наверное, это были первые мои слова, адресованные матери за последние десять лет, не считая «да» и «нет».

— да, — ответила мама.

— иди в свою комнату, — раздался голос отца с дивана. — увидимся утром. утром я поговорю с тобой!

но к утру он тоже стал ЗАМОРОЖЕННЫМ — и, я так понимаю, не по своей воле.

я часто позволял блядам и шлюхам царапать мне лицо, как это сделала моя мать, и это отвратительная привычка; быть замороженным не означает полностью отпускать вожжи, и, кроме того, дети, старушки и даже сильные мужики частенько вздрагивали, глянув на мое лицо. но в качестве продолжения, а я не перестаю верить, что истории про замороженного мальчика интересуют меня больше, чем вас (интерес: математический способ классификации), и я попытаюсь вскорости пре-

кратить их распространение. черт. мне кажется очень смешной одна история (юмор: математический метод классификации, и я отношусь к этому очень серьезно), которая произошла во времена моего пребывания в лос-анджелесской хай-скул, кажется, в 1938(?)... 1937(?)... ну, где-то так... а может, и в 1936(?) году. там любому парню предлагалось на выбор посещать либо спортивный класс, либо класс военной подготовки. без всякого интереса к военному делу я выбрал класс военной подготовки. дело в том, что в то время все мое тело покрывали огромные гнойные фурункулы. ну, естественно, все приличные парни записывались в спортивный класс, а всякие уроды, слабаки и придурки — в класс военной подготовки. получалось, что такому замороженному, как я, там самое место. тогда еще войной только пахло. а Гитлер представлялся всем смешным идиотом, каким его изображал Чарли Чаплин.

но основной причиной, почему я оказался на плацу, была армейская форма. в ней мои фурункулы были меньше всего доступны постороннему взгляду. а в спортивной форме они были бы видны во всей своей красе. что касается меня, то мои гнойники меня не волновали. мои гнойники тревожили других. для человека в пещере, ну, такого замороженного, как я, фурункулы ничего не значат. а то, что для огромной массы людей они приобретают важное значение, это не в счет. быть замороженным не значит отрываться от реальности. быть замороженным означает оставаться твердым, а все остальное — безумие.

поэтому там, где есть возможность прикрыть свою жопу от прямого попадания, должно ее прикрывать. мне с моими сочащимися фурункулами не улыбалось быть пугалом для богатеньких маменькиных сынков, и я надел военную форму. но на военную подготовку мне было насрать. я оставался замороженным.

и вот наступил день, когда наш гребаный батальон выстроился на плацу, вся школа собралась поглазеть на соревнования по ружейным приемам. трибуны заполнены. и я — рядовой — выполняю в общем строю команды нашего лейтенанта. стоит невероятная жара. но я, как всегда, заморожен, я просто выполняю команды. и скоро из целого батальона на плацу остается только половина, затем только четверть, и вот уже всего процентов десять. а я все еще в строю, отвратительные красные фурункулы покрывают мое лицо, для лица нет формы, жара, жара. я пытаюсь заставить себя ошибиться. сделай ошибку, сделай ошибку, всего одну ошибку... но я непревзойденный мастер механических действий. нет ничего другого, что бы я мог делать лучше, чем оставаться безучастным. но именно поэтому я и не мог допустить ошибку. еще одно свойство замороженного типа! и вот нас осталось на плацу только двое — я и мой приятель Джимми. ну, Джимми говнюк, ему это нужно, он стремится к победе. так я думал, продолжая выполнять команды, но Джимми облажался. это случилось на команде «оружие к ноге!», нет, она прозвучала так: «оружие... — затем была пауза, и потом только: — к ноге!» у меня нет желания в де-

талях вспоминать этот маневр и даже на мгновение становиться вшивым солдатом. просто скажу, что нужно было в итоге закрыть затвор, как бы дослав патрон. но Джимми, за которого все болели и переживали, облажался. уж больно он разволновался и сделал с затвором что-то не так. и я остался стоять на плацу один. фурункулы выпячивались из-под моего наглухо застегнутого темно-коричневого воротничка, фурункулы покрывали всю мою голову, они были даже на макушке под волосами. на солнцепеке было жарко, но я стоял совершенно безучастный — ни счастлив, ни опечален, ничего, просто стоял на солнцепеке. на трибунах заохали девчонки, огорченные за своего бедного Джимми, а его мать с отцом опустили головы, не понимая, как же это могло так случиться. даже я умудрился подумать: «эх, бедняга Джимми!» но на этом моя мысль иссякла. старикана, который вел военную подготовку, звали, кажется, полковник Маггет, всю свою жизнь он посвятил армии. полковник подошел ко мне, чтобы прикрепить медаль к моей гимнастерке, от которой все тело жутко зудело. лицо старика было очень печальным, ужасно печальным. он считал, что я оказался не на должном месте, что парень просто пустоголовый чурбан, а я держал его за старого психа. он нацепил на меня медаль и протянул руку для пожатия. я протянул свою и улыбнулся. настоящий солдат никогда не улыбается. но своей улыбкой я хотел сказать ему, что понимаю происходящее безобразие, но, мол, произошло оно не по моей воле. после рукопожатия я зашагал к своей роте, отряду, или взводу, или

как там еще это называется. Наш лейтенант приказал строиться. мы встали по стойке «смирно». и тут произошло то, во что трудно поверить. фамилия Джимми была типа Хэдфорд, или как-то так. и вот лейтенант, стоя перед строем, сказал:

— хочу поздравить рядового Хэдфорда с тем, что он почти победил в конкурсе по ружейным приемам.

затем последовала команда «вольно!» и за ней «разойдись!».

все парни собрались возле Джимми и поздравляли его. мне никто ничего не сказал. потом я видел, как к Джимми подошли его родители и стали по очереди обнимать. моих родителей не было среди зрителей. я оставил ружье и пошел прочь из студенческого городка. оказавшись на улице, я снял медаль и долго нес ее в руке. потом без всякой мстительности, или ярости, или злорадства, без всякой ненависти или какой другой причины я бросил медаль в сточную канаву напротив магазина. несколько лет спустя Джимми сбили над Ла-Маншем, его бомбардировщик загорелся, и Джимми приказал своему экипажу прыгать с парашютами, а сам попытался дотянуть до берега. но ему это не удалось. а я в это время жил в Филадельфии как негодный к военной службе по слабоумию и ебал 300-фунтовую шлюху, которая выглядела как свиноматка. Она так скакала подо мной, так потела и пердела, что у моей кровати сломались все четыре ножки.

я могу болтать и болтать, преподнося вам случаи из жизни замороженного. возможно, у вас сло-

жилося впечатление, что я никогда не тревожился, или не сердился, или никогда не кипел ненавистью, или не питал надежды, или что я никогда не радовался. нет, я не ставил своей целью представить себя исключительно бесстрастным и бесчувственным чурбаном. просто как-то даже подозрительно, что мои чувства, мои мысли так сильно разнятся и не стыкуются с чувствами и мыслями других людей. и по-видимому, уже больше никогда не состыкуются. попробуйте не заснуть, и я закончу болтовню выдержкой из письма моего друга-поэта из Англии, который описывает свой опыт как замороженного человека. вот что он мне пишет:

«...я в аквариуме, понимаешь, в огромном аквариуме, но мои плавники недостаточно мощные, чтобы орудовать в этом здоровенном подводном городе. я делаю все, что могу, однако чудес не бывает. я уже не знаю, что предпринять, как вырваться из этого тупого оцепенения. где взять силы для воодушевления? я не могу писать, не могу ебать, ни хуя! пить не могу, есть не могу, забалдеть не могу. сплошное тупое оцепенение, сплошной мрак, и нет пути к спасению. я впал в безвременную спячку, пришла долгая беспроглядная ночь. я привык к солнцу, к средиземноморской яркости и блеску, привык жить на склоне гребаного вулкана, как в Греции, где полно света, людей и даже того, что принято называть любовью. а теперь ничего. взрослые лица. молодые лица. кивания, рукопожатия, приветствия. ох, холодная пустота. старый поэт тычет клюшкой в воды Стикса. зловоние. от

докторов прямиком в больницу с анализами кала и мочи. и всегда один и тот же результат — печень и поджелудочная железа увеличены. но никто не знает, что же делать, только я знаю. остается единственное средство: побыстрее свалить из этой клоаки и найти себе мифическую юную деву — нежную и покладистую, которая будет заботиться обо мне и исполнять все мои прихоти, будет спокойной и тихой, немногословной. но где же ее такую найдешь? и сумею ли я дать ей то, чего она от меня захочет? может, и сумел бы, а? не исключено, что лишь это мне сейчас и нужно. только где найти? хотел бы я снова стать сильным, чтобы все начать заново. снова засесть за бумагу и писать еще тверже, чище и резче, чем прежде. но что-то ушло из меня, и я не живу, а просто тяну время. черно-розовое небо к 4.40 пополудни багровеет, город ревет за окном. волки воют в зоопарке. тарантулы жмутся к скорпионам. пчелиная матка оплодотворяется трутнями. мандрил злобно рычит, швыряясь грязными бананами и яблоками в бесноватых детей, что дразнят его. если бы я собрался умирать, то приехал бы в Калифорнию, за Л.-А., еще южнее — куда-нибудь на побережье, поближе к Мексике. но это лишь мечта. мне приходят письма из Штатов от поэтов и писателей, которые побывали у нас, по эту сторону Атлантики, и они в один голос утверждают, как им было отвратно снова возвращаться домой, какое это мерзкое место и т. д. не знаю, финансово мне этого в любом случае не потянуть, все мои, так сказать, меценаты здесь, и они оставят меня, если я вернусь, они предпочитают быть

со мной более или менее в прямом контакте. но ты прости меня за смертельную тупость этого письма. я просто опустошен и ничего не могу с этим поделаться. ни злости, ни вдохновения. просто таращусь на счета от докторов и еще целый ворох каких-то счетов, плююсь на черное небо, черное солнце... может, что-нибудь и изменится в скором времени... вот так-то вот. тра-ла-ла. давай обойдемся без слез. твое здоровье. подпись: Х» (широко известный поэт... редактор).

мой лондонский друг рассказал о замороженности намного лучше, чем я, и мне остается лишь добавить, что хорошо, очень хорошо понимаю его. и пусть брызжущие задором оптимисты осудят нас, пусть попрекают за медлительность, позорную лень и жалость к самим себе, но все это абсолютно не про нас, и только замороженный человек в клетке может просечь эту тему. но мы, черт возьми, должны вылезти вон из кожи и ждать. чего ждать? будем здоровы, друзья! даже у карлика бывает эрекция, а я Матео Платч и Никлос Комбац в одном лице, и только моя крохотная дочурка Марина может подарить мне свет в яркий полдень, ибо солнце онемело. а на площади у вокзала сидят кружком старики и смотрят на голубей, сидят кружком час за часом и смотрят на голубей, и смотрят, и смотрят, и ничего не видят. я — замороженный, но плакать могу. и по ночам мы обливаемся потом, продираясь сквозь глупые сны. и выход только один. тра-ла-ла. ла-ла. ла.

я встретил ее в книжном магазине. на ней были коротенькая узкая юбка и туфли на грандиозных каблуках. пышная грудь просматривалась даже сквозь свободного кроя блузку, которая была небесно-голубого цвета. а вот лицо у нее казалось слишком заостренным и очень строгим. никакой косметики. нижняя губа немного косит. но с таким телом можно было простить массу мелких недостатков. конечно, было очень странно, что рядом с ней не маячил грозного вида бычара. потом я увидел ее глаза — боже, мне показалось, что у них не было зрачков, сплошная бездонная тьма. я скользил взглядом по изгибам ее тела — сверху вниз, сверху вниз, снова и снова... вот она нагнулась за книгой, вот потянулась за другой... ее коротенькая юбка приподнималась, обнажая перед моим взором сказочно толстые ляжки. она шерстила полку с мистической литературой.

я отложил свое пособие «Как победить на скачках» и подкатил:

— пардон, меня тянет, словно я попал в мощное магнитное поле. боюсь, виной тому ваши глаза, — слукавил я.

— судьба каждого в руках Бога, — выдала она.

— вы мой Бог, вы моя Судьба! — не растерялся я. — могу я предложить вам выпить?

— конечно.

мы переместились в бар напротив и просидели там до закрытия. я развлекал ее разговорами, рассчитывая уболтать. и не просчитался. я привез ее к себе и опробовал в постели. она была великолепна.

наш роман длился три недели. когда я попросил ее выйти за меня замуж, она вытаращилась на меня и глядела так долго, что я уже решил, не забыла ли она вопрос. наконец она ответила:

— ладно, хорошо, но я не люблю тебя... я только чувствую, что должна... должна выйти за тебя... если бы это была одна любовь, я бы смогла отказаться... только, знаешь что, для тебя это обернется не очень хорошо, но чему быть, того не миновать.

— договорились, любимая, — сказал я.

после того как мы поженились, все короткие юбки и высокие каблуки исчезли, а появился вельветовый красный халат до самых лодыжек, к тому же не очень чистый. к нему она надевала синие рваные тапочки. в таком виде она могла пойти куда угодно — в магазин, в кино, просто прогуляться по улице. а за завтраком она обязательно вляпывалась руками в свой бутерброд с маслом.

— эй! — срывался я. — ты все масло на себя собрала!

она не реагировала. она обычно неотрывно глядела в окно и время от времени изрекала:

— ох, птичка! птичка на дереве! видишь птичку?

— да.

или:

— ОООООООООООООО! ПАУК! посмотри на это Божье создание! обожаю пауков! не понимаю людей, которые ненавидят пауков! ты ненавидишь пауков, Хэнк?

— никогда не думал об этом.

пауки были у нас повсюду. и жуки, и мухи, и тараканы. Божьи твари! домашняя хозяйка она была никакая. она сразу заявила, что домашнее хозяйство для нее не существует. я так полагаю, что она была просто лентяйкой. кроме того, постепенно я стал подозревать, что она еще и чокнутая. мне пришлось нанять прислугу на полный рабочий день. звали ее Фелица. имя моей жены было Ивонна.

однажды вечером я пришел с работы домой и застал их обеих за странным занятием. они сидели перед зеркалами, измазанными сзади какой-то хренью, размахивали над ними руками и несли всякую чушь. завидев меня, эти чертовы бабы подскочили и с воплями бросились прятать свои зеркала.

— еб вашу мать! — заорал я. — что здесь происходит?

— никто посторонний не должен смотреть в магическое зеркало, — сказала моя жена Ивонна.

— да, это так, — подтвердила наша служанка Фелица.

вскоре и Фелица перестала прибирать дом, она сказала, что это пустая трата времени. но я не рассчитал ее, так как выяснил, что в постели она ничем не хуже Ивонны, к тому же и готовила неплохо. хотя я никогда не был уверен, что именно она кладет в свою стряпню.

когда Ивонна забеременела, я стал замечать за ней все больше и больше странностей. она начала видеть дикие сны и однажды заявила мне, что в нее пытается вселиться демон. она описала

мне этого ублюдка в подробностях. он являлся к ней в двух обличьях. первый был мужчина, очень смахивающий на меня. второй тоже был с человеческим лицом, но с телом огромного кота, лапы и когти которого были как у орла, плюс крылья как у летучей мыши. эти чудища никогда не разговаривали с ней, но подали моей жене очень странную идею. основной смысл этой идеи заключался в том, что во всех Ивонниных мучениях повинен я. но самое главное, эта идея разбудила в ней бурю разрушительной энергии, которая была направлена не на толпы тараканов, муравьев, мух, кучи мусора и грязи, скопившиеся в каждом углу, а на полезные вещи, которые стоили мне немалых денег. она разодрала обивку на мебели, сорвала жалюзи, подожгла шторы и кушетку, размотала туалетную бумагу по всем комнатам, включила воду в ванной и залила весь дом, сделала чудовищное количество междугородних звонков людям, которых едва знала. после всего этого я был в состоянии только завалиться в постель с Фелицей, чтобы хоть как-то забыться.

в конце концов я предложил Ивонне сходить к психиатру.

— да пожалуйста! — согласилась она. — только это все вздор. это у тебя проблемы с головой. ты — демон в двух обличьях, да к тому же душевнобольной!

— согласен, детка, только поехали к специалисту?

— подожди в машине, я сейчас оденусь.

я пошел ждать. когда она появилась, я обалдел: на ней была коротенькая юбочка, новые нейлоновые чулки, туфли на грандиозных каблуках. она даже накружилась! и причесалась, чего не случилось с тех пор, как мы поженились.

— поцелуй меня, детка, — попросил я. — у меня уже встал!

— нет. поехали к психиатру.

естественно, у психиатра она вела себя даже чересчур нормально: никаких упоминаний о демонах, бесах и прочей нечисти, она хохотала над тупыми шуточками и не несла несусветной ереси. она полностью подчинилась инициативе доктора, и тот сделал заключение, что она психически здорова и умственно адекватна.

когда мы вернулись домой, она сняла юбку, скинула туфли и напялила свой грязный красный халат. я потащил Фелицу в постель.

даже после того, как у Ивонны родился ребенок, она продолжала свято верить в демона, и он периодически являлся к ней. шизофрения прогрессировала. иногда она вдруг становилась кроткой и нежной, но в какой-то момент начинала стремительно меняться: скукоживалась вся, без умолку несла всякую чушь и ничего не замечала вокруг.

бывало, она уходила на кухню, и вдруг откуда доносился мерзкий душераздирающий вопль, громкий, похожий на сип охрипшего мужика.

я бежал на кухню.

— что такое, милая?

тишина.

— ладно, блядь, быть мне этим хуевым бесом! — говорил я, наливал себе полный стакан виски и уходил в дальнюю комнату.

наконец мне удалось тайком протащить в дом психиатра, когда Ивонна была не в себе. он согласился, что она нездорова, и посоветовал поместить ее в клинику для душевнобольных. я оформил все необходимые документы, подал заявление, и нам назначили слушание.

и снова — короткая юбка, каблук и все остальное. только теперь она не разыгрывала из себя глупую простушку, а преобразилась в интеллектуалку. ее блистательная речь убеждала в несомненном здравомыслии, а меня выставляла как подлого мужа, пытающегося избавиться от надоевшей жены. она умудрилась дискредитировать показания всех моих свидетелей. ей удалось поставить в тупик двух присутствующих психиатров. и судья после консультации с психиатрами объявил:

— суд не нашел достаточно оснований для помещения миссис Радовски в клинику для душевнобольных. слушание объявляется закрытым.

я отвез ее домой и стал ждать, пока она переоденется в свое безумное одеяние. когда она наконец появилась, я заявил:

— бля буду, ты решила доконать меня!

— да ты не в себе, дорогой, — ответила она. — может, тебе пора завалиться с Фелицей в койку и расслабиться?

я так и сделал. на этот раз Ивонна была с нами. она стояла возле кровати, смотрела, улыбалась и

курила длинную сигарету в мундштуке из слоновой кости. наверное, она хотела достичь пика своей невозмутимости. отчасти я даже радовался этому.

но на следующий день, возвращаясь с работы, я был перехвачен у дома нашим домовладельцем.

— мистер Радовски! мистер Радовски! ваша жена... ваша ЖЕНА переругалась и разодралась со всеми соседями! она перебила все окна в доме! я настоятельно прошу вас съехать!

что ж, мы стали собираться. я, Ивонна, наше дите и Фелица. упаковав пожитки, мы отправились к матери Ивонны в Глендейл. старушка оказалась при деньгах, но все эти магические заклинания, волшебные зеркала и курения фимиама быстро ее достали.

она предложила нам поселиться на ее ферме неподалеку от Фриско. мы оставили ребенка у бабушки, а сами двинули в родовое имение. но по прибытии выяснилось, что основной дом оккупирован каким-то издольщиком. огромный мужик с черной бородицей появился в дверях — Последний Бенсон, так он отрекомендовался.

— я прожил на этой земле всю свою жизнь, и никто не сможет прогнать меня отсюда, никто! — заявил Последний Бенсон.

я прикинул: мужик под шесть футов ростом и весит фунтов эдак триста пятьдесят, да к тому же еще не старый, и мы решили снять домик на краю владения и начать судебную тяжбу.

но в первую же ночь, когда я только оседлал Фелицу, чтобы испытать на прочность новую кровать,

из соседней комнаты стали доноситься жуткие стоны, сопение и треск ломающейся кушетки.

— Ивонна чем-то встревожена, — предположил я и слез с Фелицы. — щас вернусь.

Ивонна действительно была встревожена. Последний Бенсон пер ее раком, пробуя дом на прочность. зрелище внушало трепет. Последний стоил четверых мужиков. я тихонько удалился в спальню и занялся своим тщедушным дельцем.

утром Ивонны нигде не было.

— интересно, где эта чертова девка? — вопрошал я.

так продолжалось до завтрака, пока мы с Фелицей не уселись за стол и я не взглянул в окно. там я и увидел Ивонну. она стояла на четвереньках посередине грядки. в джинсах и в мужской выцветшей рубашке. она работала! рядом копошился Бенсон, они выдирали что-то из земли и складывали в корзины. кажется, репу. Последний Бенсон обзавелся хозяйкой.

— еб твою мать, — сказал я. — собирайся. уматываем отсюда, быстро!

мы мигом собрались и умчались в Л.-А. в первом попавшемся мотеле сняли комнату, чтобы отдохнуть и поискать приличное место.

— господи бог ты мой, — твердил я. — неужели моим мучениям пришел конец! Фелица, милая, ты представить себе не можешь, через что я прошел!

мы купили большую бутылку виски, отпраздновали освобождение, крепко поеблись и, умиротворенные, заснули.

разбудил меня голос Фелицы:

— ты грязный отвратный бес! нет от тебя покоя и на этом свете! ты забрал от меня мою Ивонну, а теперь явился за мной! прочь отсюда, дьявол! изыди! оставь нас на веки веков!

я приподнялся и посмотрел туда, куда был устремлен взгляд Фелицы. и мне кажется, я увидел это — огромную рожу на будто бы тлеющих красно-оранжевых углях, с зелеными губами, двумя желтыми выпирающими зубами и копной рыжих волос. это страшное мурло мерзко ухмылялось и пялилось на нас своими раскаленными глазами.

— блядь, похоже, быть мне этим хуевым бесом! — прошептал я.

— изыди! — взывала Фелица. — заклинаю тебя именем всемогущего Джа и всесильного Будды и именами тысячи богов! я проклинаю и изгоняю тебя из наших душ — отныне и во веки веков!

я включил свет.

— да это просто виски, детка. очень плохой виски, плюс усталость после долгих скитаний, — сказал я удивленной Фелице.

на часах было только половина второго, а мне уже требовалось выпить, немедленно. я встал и начал одеваться.

— ты куда, Хэнк?

— в магазин. нужно выпить, чтобы это сучье мурло не лезло в голову.

я был готов.

— Хэнк?

— да, милая?

— я должна тебе кое-что сказать.

— ради бога, давай потом. я только до магазина и обратно.

— я сестра Ивонны.

— что, правда?

— да.

я наклонился и поцеловал ее. затем вышел на улицу, сел в машину и погнал. прочь. в Голливуде купил бутылку и покатил дальше на запад. подальше от восточного мотеля на авеню Вермонт, где осталась Фелица. не каждый день попадают последние Бенсоны, иногда приходится просто бросать этих обезумевших баб и бежать без оглядки. для каждого мужика есть цена, которую он никогда не выложит за пизду. тем не менее всегда найдется другой кретин, который позарится на брошенное вами. так что нет причины терзаться виной за дезертирство.

я остановился возле гостинички на Вайн-стрит и снял себе комнату. пока я ждал ключей, мне попалась на глаза очередная жопа в короткой юбке. Ну очень большая. бабенка сидела в фойе и не спускала глаз с моей бутылки. а я таращился на ее жопу. ну очень большую. я направился к лифту. она загрузилась вместе со мной.

— что, собираетесь выпить всю бутылку в одиночестве, мистер?

— надеюсь, нет.

— правильно надеетесь.

— ну и славно.

лифт взобрался на самый верхний этаж. она вышла, и я оценил игру ее тела, плавную и мягкую. отрывающуюся во мне ударами и встряской.

— на ключах номер сорок один.

— отлично.

— только знаешь что, ты, случайно, не увлекаешься мистикой, летающими тарелками, ведьмами, демонами, оккультными учениями, магическими зеркалами?

— чем-чем? я не врубилась.

— ладно, забудем про это, детка!

и она снова пошла впереди меня, цокая высокими каблучками. ее тело покачивалось в полумраке коридора, и я сгорал от нетерпения. наконец мы нашли 41-ю комнату, открыли дверь, включили свет, отыскивали стаканы, сполоснули их и наполнили виски. она уселась на кушетку, закинула ногу на ногу и улыбнулась мне поверх стакана.

кажется, жизнь налаживалась.

до поры до времени.

Примечания

- С. 9. *Томас Вулф* (1900–1938) — классик американской литературы, автор романов «Взгляни на дом свой, ангел» (1929), «О времени и о реке» (1935), «Домой возврата нет» (1940).

Драйзер, Теодор (1871–1945) — американский писатель-натуралист и общественный деятель, автор романов «Сестра Керри» (1900), «Дженни Герхардт» (1911), «Американская трагедия» (1925), трилогии «Финансист» (1912), «Титан» (1914), «Стоик» (1947).

Малер, Густав (1860–1911) — выдающийся австрийский композитор и дирижер, переходное звено от позднего романтизма к модернизму.

- С. 12. *Джордж Рафт* (1901–1980) — американский актер, прославился ролями гангстеров.

- С. 25. *Клее*, Пауль (1879–1940) — швейцарский живописец и график, одна из крупнейших фигур европейского авангарда.

- С. 26. *...они увольняют... только одному парню на Кей-Пи-эФ-Кей это не грозит — Элиоту Минцу.* — В конце 1960-х гг. будущий медиаконсультант и представитель многих звезд шоу-бизнеса (Джон Леннон, Йоко Оно, Боб Дилан и др.) Элиот Минц

(р. 1945) вел передачи на лос-анджелесской радиостанции KPFK.

- С. 29. *«Распятие в руке смерти»* (Crucifix in a Death-hand) — сборник стихов Буковски, выпущенный в 1965 г. издательством «Луджон пресс».

Верлен, Поль (1844–1896) — французский поэт-символист.

- С. 31. *...Нилом К., дружкой Керуака...* — Имеется в виду Нил Кэсади (1926–1968), прототип Дина Мориарти в романе Джека Керуака «В дороге» (1957).

- С. 38. *Барни Россет* (р. 1922) — глава издательства «Гроув пресс» (с 1951 г.) и главный редактор журнала «Эвергрин ревью» (1957–1973). Выиграл судебно-цензурные войны за право публикации в США «Голого завтрака» Уильяма Берроуза, «Тропика рака» Генри Миллера и полной версии «Любовника леди Чаттерлей» Д.Г. Лоуренса.

...знает Гинзберга, Крили, Ламантию... — Аллен Гинзберг (1926–1997), Роберт Крили (1926–2005), Филип Ламантия (1927–2005) — поэты-битники.

- С. 39. *Грегори* — то есть поэт-битник Грегори Корсо (1930–2001).

...выбор — между Никсоном, Хамфри... — Имеются в виду президентские выборы 1968 г., когда республиканцы выставили Ричарда Никсона (1913–1994), а демократы — вице-президента Губерта Хамфри (1911–1978); победил Никсон.

Бодлер, Шарль (1821–1867) — видный французский поэт и критик, переводчик Эдгара По.

- С. 42. *...Уильям Берроуз, который владеет компанией Берроузов...* — Уильям Берроуз (1914–1997), писатель-битник и автор «Голого завтрака», был внуком

Уильяма Берроуза, изобретателя счетных машин и основателя компании по их выпуску, Burroughs Corporation (а также сыном Мортимера Перри Берроуза, владельца фабрики по производству стекла).

- С. 43. *Коррингтон*, Джон Уильям (1932–1988) — писатель и поэт, сценарист, юрист, профессор университета Луизианы; написал предисловие к сборнику стихов Буковски «Оно ловит мое сердце голыми руками» (1963).
- С. 46. ...стадионом «Янкиз». ...здесь играл... *Лу Гериг*... — Лу Гериг (Генри Луи Гериг, 1903–1941) — защитник первой базы Главной лиги бейсбола, всю свою карьеру выступал за команду «Нью-Йорк Янкиз».
- С. 47. «*Атлантик*» (The Atlantic Monthly) — влиятельный литературно-публицистический журнал, выходил в Бостоне с 1857 г.
«*Харперз*» (Harper's Magazine) — нью-йоркский литературно-публицистический журнал, выходит с 1850 г.
- С. 51. ...может, он и не такой старый, ну уж бой Демпси против Фирпо застал в любом случае. — 14 сентября 1923 г. чемпион мира в тяжелом весе Джек Демпси (1895–1983) провел защиту титула от аргентинца Луиса Анхеля Фирпо (1894–1960). Это был один из самых знаменитых боев в истории профессионального бокса.
- С. 53. кому нужен Эзра? Т. С., Э. Э.? Д. Г., Г. Д.? всякие там Элиоты? всякие Ситуэллы? — Имеются в виду следующие поэты и писатели: Эзра Паунд (1885–1972), Т.С. Элиот (1888–1965), Э.Э. Каммингс (1894–1962), Дэвид Герберт Лоуренс (1885–1930), Генри Дэвид Торо (1817–1862), Эдит Ситуэлл

(1887–1964) и ее братья Осберт Ситуэлл (1892–1969) и Сэчеверелл Ситуэлл (1897–1988).

С. 57. *...наши воротилы... Джонсон...* — Имеется в виду Линдон Бейнс Джонсон (1908–1973) — 36-й президент США (1963–1969).

С. 64. *Камю*, Альбер (1913–1960) — французский писатель и драматург, публицист и философ, лауреат Нобелевской премии по литературе 1957 г.

С. 65. *...я не убивал Кеннеди, ни одного ни другого, ни Кинга, ни Малькольма Икса.* — Президента Джона Ф. Кеннеди (1917–1963) застрелил Ли Харви Освальд; его брата Роберта Ф. Кеннеди (1925–1968), министра юстиции и кандидата в президенты, — Сирхан Сирхан; борца за гражданские права афроамериканцев Мартина Лютера Кинга-мл. (1929–1968) — Джеймс Эрл Рэй; а Малькольма Икса (Малькольм Литтл, 1925–1965), одного из бывших лидеров экстремистской организации «Нация ислама», вышедшего из нее и ставшего мусульманином-сунитом, — трое ее членов. Все четыре убийства давали и дают благодатную почву для конспирологических измышлений.

С. 81. *...Херб А. и его «Т. Брасс»...* — то есть Херб Альперт (р. 1935) и его группа «Тихуана Брасс», исполнявшие музыку в мексиканском стиле с начала 1960-х гг.

С. 82. *«Человек из Ламанчи»* (Man of La Mancha) — мюзикл Митча Ли и Джо Дэриона, основанный на телеспектакле Дейла Вассермана «Я, Дон Кихот» (1959) и впервые поставленный в 1964 г. В 1972 г. был перенесен на большой экран (режиссер Артур Хиллер, в главных ролях Питер О’Тул и Софи Лорен).

С. 86. *Мэтт Вайнсток* (1903–1970) — заведующий редакцией газеты «Лос-Анджелес иллюстрейтид дейли ньюс»; 33 года вел авторскую колонку в трех лос-анджелесских газетах.

С. 87. *...что творится в Чикаго...* — имеются в виду жестоко подавленные полицией массовые волнения, происходившие в Чикаго в августе 1968 г. во время предвыборного съезда Демократической партии.

С. 88. *События в Праге охладили горячие головы многих, кто запамätовал Венгрию.* — Имеются в виду соответственно ввод войск Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г., положивший конец Пражской весне, и подавленное советскими войсками венгерское восстание октября — ноября 1956 г.

...с изображениями идола Че, с ликом Кастро... — Аргентинец Эрнесто Че Гевара (1928–1967) — латиноамериканский революционер, одна из ключевых фигур возглавленной Фиделем Кастро (р. 1926) Кубинской революции 1959 г.

Жан Жене (1910–1986) — французский писатель и драматург, исследователь табуированных тем.

...это убило Томаса и Биэна... — Дилан Томас (1914–1953) — валлийский поэт и писатель. Брендан Биэн (1923–1964) — ирландский драматург и писатель. Оба страдали от алкоголизма.

С. 89. *Кливер*, Элдридж (1935–1998) — лидер леворадикальной организации «Черные пантеры»; к 1980-м гг. стал консерватором и вступил в Республиканскую партию.

Диззи Гиллесли (Джон Биркс Гиллесли, 1917–1993) — выдающийся джазовый трубач, стоял у истоков бибоба.

С. 93. *...посмотреть «Спад» семнадцатого года. говорят, на нем летал сам Эдди Рикенбекер. семнадцать гансов завалил.* — Эдуард Верной Рикенбекер (1890–1973) — самый результативный американский ас Первой мировой войны; одержал в общей сложности 26 воздушных побед, летал сперва на «Ньюпоре-28», потом на «Спаде S.XIII».

С. 95. *Ван Гог*, Винсент (1853–1890) — нидерландский художник-постимпрессионист.

Чарли Паркер (1920–1955) — выдающийся джазовый саксофонист, стоял у истоков бибопа.

С. 96. *...Дубчек возвращается из Союза уже получеловеком...* — Александр Дубчек (1921–1992) — первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии в январе 1968-го — апреле 1969 г., главный инициатор курса реформ, известных как Пражская весна. После ввода войск Варшавского договора в августе 1968-го Дубчек вылетел в Москву на переговоры, где под давлением советского руководства была подписана «Программа выхода из кризисной ситуации», направленная на свертывание реформ.

Сезанн, Поль (1839–1906) — французский художник-постимпрессионист.

С. 97. *Уоттс* — негритянские кварталы Лос-Анджелеса, в которых в августе 1965 г. вспыхнули массовые бунты (более 30 погибших, более 1000 раненых).

...белым Рождеством с голосом Бинга Кросби... — Впервые исполненная Бингом Кросби (1903–1977) в 1941 г. песня Ирвинга Берлина «White Christmas» стала самым популярным синглом в истории музыки (продано в общей сложности более 50 миллионов экз.).

- С. 98. *морячок Попай станет одноглазым...* — Герой комиксов Элзи Сигара, выходивших с 1929 г., и мультфильмов Макса Флейшера, выходивших в 1933–1957 гг. Попай постоянно курил трубку и щурил один глаз.
- С. 99. *Селин*, Луи-Фердинанд (Луи-Фердинанд Детуш, 1894–1961) — французский писатель, врач по образованию, мизантроп и коллаборационист; прославился романами «Путешествие на край ночи» (1932) и «Смерть в кредит» (1936), а также поздней автобиографической трилогией «Из замка в замок» (1957), «Север» (1960), «Ригодон» (1969). Значительно повлиял на многих писателей и поэтов XX века, в том числе на Генри Миллера и самого Буковски, сделавшего Селина одним из героев своего последнего романа «Макулатура» (1994).

...неизвестного писателя Джона Фанте. — К концу 1960-х гг. писатель и сценарист Джон Фанте (1909–1983) и вправду был позабыт — до такой степени, что многие считали, будто Буковски его выдумал. По примеру Фанте с его Артуро Бандини, героем квазиавтобиографической тетралогии «Дорога на Лос-Анджелес» (1936; опубл. 1985), «Подожди до весны, Бандини» (1938), «Спроси у праха» (1939) и «Мечты на Банкер-Хилл» (1983), Буковски и создал себе альтер эго — Генри Чинаски. С подачи Буковски публиковавшее его издательство «Блэк спэрроу» начало с конца 1970-х гг. издавать и Фанте.

Джордж Бернард Шоу (1856–1950) — британский драматург, писатель и общественный деятель (социалист-фабианец), лауреат Нобелевской премии по литературе 1925 г.

С. 103. *Конфуций* (Кун-Цзы, ок. 551–479 до н. э.) — китайский мыслитель, основатель философской школы, названной его именем; со II в. до н. э. и до начала XX в. конфуцианство имело в Китае статус государственной идеологии, лишь временно уступая место буддизму и даосизму.

С. 106. *Сачмо* — прозвище Луи Армстронга (1901–1971), знаменитого джазового трубача.

Шостакович, в своей Пятой... — Премьера Пятой симфонии Дмитрия Дмитриевича Шостаковича (1906–1975) состоялась в 1937 г.

Петр III, тебя женили... на старой лесбиянке, когда ты еще и мужчиной-то не был... — Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский (1728–1762), внук Петра I и будущий император Петр III, женился в 1745 г. на Софии Фредерике Августе Ангальт-Цербстской (1729–1796), будущей императрице Екатерине II.

С. 111. *ФДР! НСА! УОР!* — ФДР — Франклин Делано Рузвельт (1882–1945), 32-й президент США (1933–1945). НСА — Национальная стрелковая ассоциация США, объединяющая сторонников права граждан на хранение и ношение оружия. УОР — Управление общественных работ, в период Великой депрессии направлявшее безработных на строительство дорог, аэродромов и т. п.

С. 113. *Арто*, Антонен (1896–1948) — французский писатель, поэт, драматург, актер театра и кино, постановщик, художник, автор концепции «театра жестокости», значительно повлиявшей, например, на Ежи Гротовского и Питера Брука.

С. 116. *Тейлор Мид* (р. 1924) — поэт-битник, снимавшийся в андеграундных фильмах Рона Райса (на-

пример, «Похититель цветов» 1960 г.) и Энди Уорхола.

- С. 117. *Кэй Джонсон* — поэтесса и художник, видная фигура бит-движения, дружила с Джеком Керуаком, Грегори Корсо, Дэвидом Алленом и др.; в Греции при «черных полковниках» была арестована и провела несколько лет в заключении.

Хэл Норс (Гарольд Норс, Гарольд Норзе; наст. имя Гарольд Розен, 1916–2009) — американский поэт, входил в «ближний круг» У.Х. Одена.

Эдна Сент-Винсент Миллей (1892–1950) — видная американская поэтесса, лауреат Пулицеровской премии 1923 г.

- С. 121. *Анаис Нин* (Анхела Анаис Хуана Антолина Роса Эдельмира Нин-и-Кульмель, 1903–1977) — французская и американская писательница, автор эротических романов и многотомного дневника, который вела более 60 лет; дружила с Генри Миллером, Лоренсом Дарреллом и Антоненом Арто.

- С. 134. *Брамс*, Иоганнес (1833–1897) — немецкий композитор-романтик и пианист.

- С. 142. *я вспомнил свое детство. тогда по радио передавали песню «Грустный понедельник». говорят, когда ее крутили в Венгрии, что ли, кто-нибудь обязательно накладывал на себя руки. в конце концов песню запретили транслировать.* — На самом деле имеется в виду, конечно, не ритм-энд-блюз Дейва Бартоломью «Blue Monday» (1954), ставший два года спустя большим хитом в исполнении Фэтса Домино, а песня Режё Шереша на стихи Ласло Явора «Szomorú vasárnap» (1935), известная как «Gloomy Sunday» и «Мрачное воскресенье». Популярная легенда гласит, будто эта песня вызвала в Венгрии вол-

ну самоубийств и с такой репутацией начала распространяться по миру, прозванная «Венгерской песней самоубийц». Практически сразу, в 1935–1936 гг., появились и кавер-версии — английская (Поль Робсон), французская (Дамия), русская (Петр Лещенко), японская (Норико Авая)... Робсон исполнял вариант в переводе Десмонда Картера, однако наиболее известен стал перевод Сэма Льюиса, исполненный в 1941 г. Билли Холидей. Ее версия и вправду была запрещена в годы войны к трансляции на Би-би-си как подрывающая моральный дух. Автор же песни, Режé Шереш, покончил с собой в 1968 г.

...сомневаюсь, что разорю... Коутса с Вайнстоком. — Пол Коутс (1921–1968) — лос-анджелесский тележурналист и колумнист. Мэтт Вайнсток — см. прим. к с. 86.

- С. 155. *Борис Карлофф* (Уильям Генри Пратт, 1887–1969) — британский актер театра и кино, прославился исполнением роли чудовища Франкенштейна в фильме Джеймса Уэйла «Франкенштейн» (1931).
- С. 156. *Кэресс Кросби* (Мэри Фелпс Джейкоб, 1892–1970) — американская писательница, издатель и изобретатель; в 1914 г. получила патент на прообраз современного бюстгальтера. Вместе со своим вторым мужем Гарри Кросби основала в Париже издательства Black Sun Press и Crosby Continental Editions, публиковавшие Харта Крейна, Дж. Джойса, Д.Г. Лоуренса, У. Фолкнера и Э. Хемингуэя. В 1945–1947 гг. издавала журнал Portfolio.
- С. 161. *Стравинский*, Игорь Федорович (1882–1971) — русский композитор, дирижер и пианист; с 1914 г. жил в Швейцарии, с 1920-го — во Франции, с 1940-го — в США.

- С. 171. *Микки Руни* (р. 1920) — американский актер, прославился в конце 1930-х гг. ролями подростков.
- С. 173. *Капитан Кидд* — Уильям Кидд (ок. 1645–1701) — английский пират. В известном фильме Роуланда Ли «Капитан Кидд» (1945) его роль исполнил Чарльз Лоутон.
- С. 175. *Блейк*, Уильям (1757–1827) — английский поэт-мистик и художник.
- С. 181. *Питер Брейгель* (ок. 1625–1669) — южнонидерландский живописец и график, мастер пейзажа и жанровых сцен. Отец художников Питера Брейгеля-мл. и Яна Брейгеля-ст.
- С. 185. *Шарль Буайе* (1899–1978) — американский киноактер французского происхождения, прославился в амплуа романтического героя, четырежды номинировался на «Оскар». Снимался с такими звездами, как Джин Харлоу, Лоретта Янг, Кэтрин Хепбёрн, Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Бетт Дэвис, Оливия де Хэвилленд, Ингрид Бергман.
- С. 192. *Джованни Боккаччо* (1313–1375) — итальянский писатель и поэт раннего Возрождения, автор знаменитого «Декамерона» (1350–1353).
- С. 197. *...Примо Карнеры, нокаутированного... Максис Бэрм...* — Имеется в виду бой 11 июня 1934 г. между итальянцем Примом Карнерой (1906–1967) и американцем Максом Бэрмом (1909–1959) за звание чемпиона мира в супертяжелом весе среди профессионалов.
- С. 202. *Вийон*, Франсуа (ок. 1431 — после 1463) — первый французский поэт-лирик позднего Средневековья, а также бродяга и вор.

С. 206. *Лоуренс Аравийский* (Томас Эдвард Лоуренс, 1888–1935) — британский офицер и писатель, разведчик, сыграл большую роль в арабском восстании 1916–1918 гг. против турок, приведшем к созданию на Ближнем Востоке независимых арабских государств. В 1926 г. выпустил книгу воспоминаний об этих событиях «Семь столпов мудрости».

С. 209. *...переспала с Эзрой Паундом в Сент-Лиз*. — То есть в вашингтонской психиатрической больнице Святой Елизаветы, где Паунд содержался в 1948–1958 гг.

С. 211. *Том Микс* (1880–1940) — звезда вестернов эпохи немого кино, прозванный «королем ковбоев», снялся более чем в 300 фильмах.

С. 214. *Джесси Джеймс* (1847–1882) — знаменитый бандит американского Дикого Запада.

С. 254. *«Соппротивление, бунт и смерть»* — сборник эссеистики, подготовленный Альбером Камю незадолго до смерти и вышедший в 1960 г.

Там, где больше всего опасности, больше всего надежды. — Из интервью, которое Камю дал газете «Дэмэн» в 1957 г. (см. с. 256). Этот ставший популярным афоризм перекликается с фразой Камю из эссе «Надежда и абсурд в творчестве Франца Кафки» (1943): «Чем трагичнее изображаемый Кафкой удел человека, тем более непреклонной и вызывающей становится надежда».

С. 256. *Габриэль Марсель* (1889–1973) — французский драматург и философ-экзистенциалист, христианский гуманист.

...президента Эдуардо Сантоса, редактора газеты «Эль тьемпо», выдворенного из Колумбии диктаторским режимом. — Эдуардо Сантос Монтеха (1888–

1974) — политик-либерал, президент Колумбии в 1938–1942 гг. С 1913 г. и в течение более чем полувека являлся владельцем и главным редактором газеты *El Tiempo*, основанной в 1911 г. его сводным братом Альфонсо Вильегас Рестрепо.

- С. 259. ...звучали «Фанфары для простого человека» Копленда. — Аарон Копленд (1900–1990) — американский композитор, пианист, дирижер и педагог; одним из первых использовал в симфонической музыке элементы джаза (Концерт для фортепиано с оркестром 1927 г.). Его произведение «Фанфары для простого человека», впервые исполненное в 1942 г., было вдохновлено речью вице-президента США Генри Уоллеса, провозгласившего, что наступает «век простого человека».

закат Европы был передо мной. <...> уважаемый Шпенглер. Освальд? ОСВАЛЬД??? Освальд Шпенглер. — «Закат Европы» — наиболее известный труд немецкого философа Освальда Шпенглера (1880–1936), опубликован в двух томах (первый том — 1918, второй — 1922). По ассоциации, Буковски вспоминает и Ли Харви Освальда, убийцу президента Кеннеди.

- С. 260. *Воан-Уильямс*, Ральф (1872–1958) — британский композитор, органист и дирижер, активно использовал в своей музыке элементы английского фольклора, сам ездил в фольклорные экспедиции; приходился внучатым племянником Чарльзу Дарвину.

Дариус Мийо (1892–1974) — французский композитор и дирижер, музыкальный критик и педагог, участник «Шестерки»; один из самых плодовитых композиторов XX в., автор более чем 400 произведе-

ний. Использовал в своей музыке элементы джаза и различных современных течений. С 1940 г. жил преимущественно в США; у него учился Дейв Брубек.

С. 270. *«Бойня на Десятой авеню»* (Slaughter on Tenth Avenue) — поставленный Джорджем Баланчиным балетный номер в мюзикле Ричарда Роджерса и Лоренца Харта *«На цыпочках»* (On Your Toes, 1936). Фильм *«Бойня на Десятой авеню»* (1957) не имеет ничего общего с мюзиклом по сюжету, но та же самая музыка в нем используется.

С. 287. *...Гитлер представлялся всем смешным идиотом, каким его изображал Чарли Чаплин.* — Имеется в виду фильм *«Великий диктатор»* (1940) — первая у Чаплина полностью звуковая картина.

А. Гузман

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Чарльз Буковски

ЗАПИСКИ СТАРОГО КОЗЛА

Ответственный редактор *М. Яновская*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Г. Романова*

Компьютерная верстка *Г. Ражикова*

Корректор *Д. Горобец*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 29.09.2016. Формат 76х100 1/32.

Гарнитура «NewStandardCTT». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,07.

Доп. тираж 5000 экз. Заказ №

ISBN 978-5-699-62869-8

9 785699 628698 >

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

